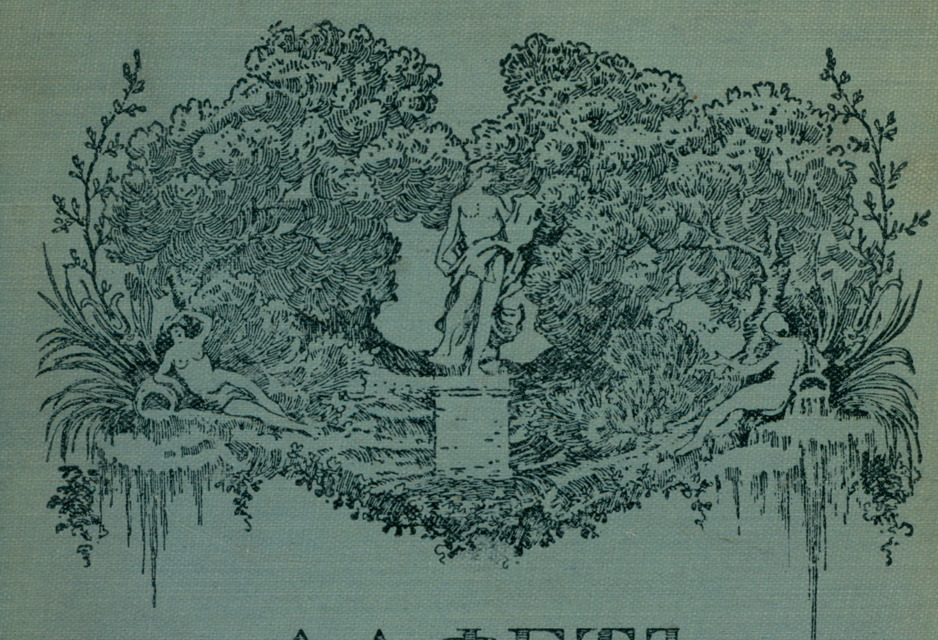

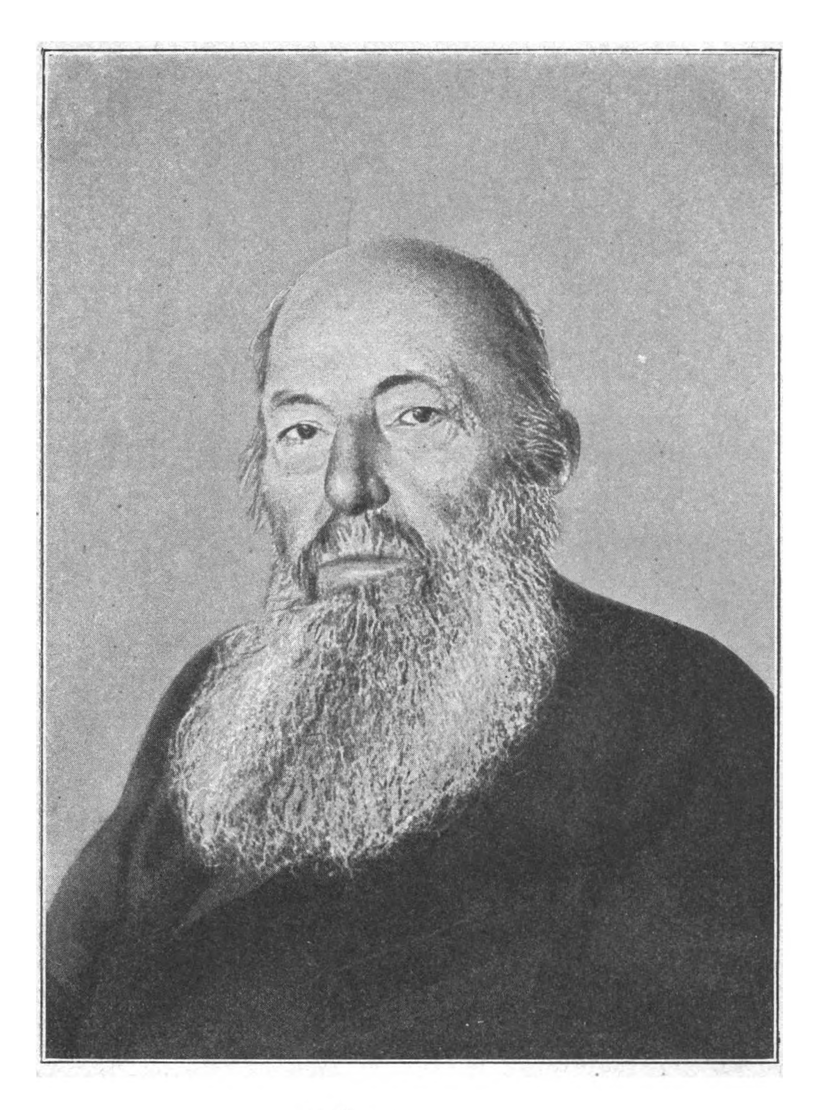

А. А. ФЕТЪ

Полное Собраніе Стихотвореній

Томъ I

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ

А. А. ФЕТА

Съ вступительными статьями **Н. Н. Страхова** и **Б. В. Никольскаго** и съ портретомъ А. А. Фета.

Томъ первый.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1912 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ.
1912.

 Артистическое заведенie Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

А. А. ФЕТЪ.

Біографическій очеркъ **Н. Н. Страхова.**

Аѳанасій Аѳанасьевичъ Фетъ родился 23 ноября 1820 года въ Новоселкахъ (прежде Козюлькино), деревнѣ въ семи верстахъ отъ Мценска, на рѣкѣ Зушѣ. Отецъ его, ротмистръ въ отставкѣ, Аѳанасій Неофитовичъ Шеншинъ, принадлежалъ къ старому и обширному роду Шеншиныхъ, различные члены котораго владѣли половиною всего Мценскаго уѣзда, и былъ богатымъ помѣщикомъ, жившимъ въ деревнѣ, такъ что поэтъ выросъ исключительно подъ вліяніемъ тогдашняго помѣщичьяго быта. Фамилія Фета произошла слѣдующимъ образомъ. Аѳанасій Неофитовичъ во время своего пребыванія въ Германіи въ 1819 г. женился въ Дармштадтѣ на г-жѣ Шарлоттѣ Фетъ (Foeth), дочери оберъ-кригсъ-комиссара К. Беккера, носившей фамилію Фетъ по своему первому мужу, съ которымъ она развелась и отъ котораго имѣла дочь *). Первымъ плодомъ брака А. Н. Шеншина былъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ, который до 14 лѣтъ своего возраста и писался Шеншинымъ, но потомъ долго носилъ фамилію своей матери, такъ какъ обнаружилось, что лютеранское благословеніе на бракъ **) не имѣло у насъ законной силы, а православное вѣнчаніе было совершено послѣ его рожденія. Изъ слѣдовавшихъ затѣмъ дѣтей два

*) Каролину Петровну Фетъ, бывшую потомъ замужемъ за А. И. Матвѣевымъ, ректоромъ кіевскаго университета.

**) См. «Мои воспоминанія». 1848—1889 г. А. Фета, 2 части. Москва, 1890, ч. II, стр. 275.

брата и двѣ сестры Шеншиныхъ были постоянными членами семьи, въ которой росъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ.

Въ его памяти сохранялись съ большою яркостью событія и картины дѣтства, проведеннаго въ Новоселкахъ. Главное вліяніе имѣли два лица: мать, языкъ которой, наравнѣ съ русскимъ, сталъ роднымъ языкомъ ребенка, и дядя Петръ Неофитовичъ, воспріемникъ матери, по которому она звалась Елизаветой *Петровной*, чрезвычайно любившій своего старшаго племянника, большой почитатель поэзіи и исторіи. Случайно попалась мальчику тетрадка съ переписанными поэмами «Кавказскій плѣнникъ» и «Бахчисарайскій фонтанъ»: онъ съ величайшимъ наслажденіемъ выучилъ наизусть эти поэмы и приводилъ ими въ восторгъ своего дядю.

Особенное положеніе въ семьѣ, по которому онъ не могъ носить фамилію своего отца, имѣло огромное значеніе въ жизни Аѳанасія Аѳанасьевича. Ему приходилось выслужить себѣ дворянскія права, въ которыхъ онъ не былъ утвержденъ отчасти по случайности, отчасти по своеобычности отца, запустившаго это дѣло. Поэтому онъ постарался кончить курсъ въ университетѣ и потомъ принялся ревностно служить.

До 14 лѣтъ онъ жилъ и учился дома, въ Новоселкахъ. Затѣмъ онъ былъ отвезенъ въ пансіонъ Крюммера въ городкѣ Верро, въ Лифляндіи, гдѣ провелъ три года. Въ 1837 году его перевезли въ Москву и помѣстили въ число молодыхъ людей, жившихъ у М. П. Погодина, нашего извѣстнаго историка. Чрезъ полгода онъ поступилъ въ университетъ, сперва на юридическій факультетъ, но уже черезъ нѣсколько недѣль перепросился на филологическій, на которомъ и кончилъ курсъ въ 1844 году дѣйствительнымъ студентомъ.

Московскій университетъ находился въ это время въ самой блестящей своей порѣ. Въ числѣ профессоровъ были: Шевыревъ, Грановскій, Крюковъ, Крыловъ, Рѣдкинъ; Шевыревъ сталъ почитателемъ и покровителемъ поэта. Въ числѣ товарищей были Аполлонъ Григорьевъ, Я. П. Полонскій, К. Д. Кавелинъ, кн. В. А. Черкасскій и др. Почти все студентское время Аѳанасій Аѳанасьевичъ прожилъ въ семьѣ Григорьевыхъ. Аполлонъ Александровичъ отъ начала сталъ

его горячимъ поклонникомъ, собиралъ и подводилъ подъ особые отдѣлы его стихотворенія. Они уже тогда такъ высоко цѣнились, что ободренный похвалами поэтъ рѣшился издать свои произведенія отдѣльною книжкою: «Лирическій Пантеонъ А. Ф. Москва, 1840», не имѣвшей однако никакого успѣха, хотя благосклонно встрѣченной журналами. Въ «Москвитянинѣ» 1842 и слѣдующихъ годовъ нерѣдко помѣщались стихотворенія Фета, и А. Д. Галаховъ съ большою смѣлостью внесъ нѣкоторыя изъ нихъ въ свою «Хрестоматію» (1843 г., первое изданіе). Наибольшее вліяніе на поэта имѣлъ Гейне, которымъ тогда зачитывалась молодежь. Но нашъ поэтъ усвоилъ отъ Гейне только его чудесные художественные пріемы и безсознательно вкладывалъ въ нихъ совершенно иное содержаніе: свѣжее, радостное чувство красоты.

Новая полоса жизни началась для Аѳанасія Аѳанасьевича съ поступленіемъ въ военную службу. Въ 1845 г. 21 апрѣля онъ былъ принятъ унтеръ-офицеромъ въ кирасирскій «Военнаго Ордена» полкъ. Постепенно онъ былъ произведенъ въ корнеты (14 марта 1846), въ поручики (14 августа 1849) и штабъ-ротмистры (6 декабря 1851). Въ 1853 году 2 мая онъ былъ прикомандированъ къ лейбъ-гвардіи уланскому Его Величества полку и 28 января 1854 года произведенъ въ поручики сего полка. Во время Крымской войны, въ 1854 г. (съ 8 марта по 7 октября) и въ 1855 г. (съ 16 апрѣля по 15 ноября), онъ находился въ составѣ войскъ, охранявшихъ берега Эстляндіи. Въ 1856 г. (23 іюня) уволенъ въ отпускъ, сперва на 11 мѣсяцевъ, а потомъ въ безсрочный, и наконецъ 27 января 1858 года вышелъ въ отставку штабъ-ротмистромъ. Но дворянскихъ правъ ему не удалось достигнуть, такъ какъ чиновный цензъ на эти права все повышался по мѣрѣ того, какъ онъ подвигался по службѣ.

Время военной службы было второю яркою эпохою въ жизни Аѳанасія Аѳанасьевича. Много трудовъ и волненій, много радостей, строгая дисциплина службы, множество разнообразныхъ лицъ, успѣхи въ любви, въ дружбѣ, въ литературѣ—всѣмъ была богата эта жизнь. И можно прямо сказать, что на Аѳанасіи Аѳанасьевичѣ до конца были ясно видны два отпечатка: стараго помѣщичьяго быта, съ его

тонкою общительностью и изяществомъ жизни, и военной службы николаевскихъ временъ, съ ея строгимъ пониманіемъ власти и обязанности.

Эти годы были расцвѣтомъ его поэтической дѣятельности. Уже въ 1850 г. онъ нарочно пріѣзжалъ въ Москву, чтобы напечатать сборникъ своихъ произведеній: «Стихотворенія А. Фета, Москва, 1850». Книжка была встрѣчена въ литературѣ похвалами, даже восторженными, но расходилась плохо. Зато журналы наперерывъ печатали стихи Аѳанасія Аѳанасьевича, и это приносило ему доходъ, не маловажный для его тогдашнихъ средствъ. Перейдя въ гвардію, онъ воспользовался въ Петербургѣ первымъ случаемъ, чтобы познакомиться съ кружкомъ «Современника», Некрасовымъ, Панаевымъ, Дружининымъ, Лонгиновымъ, Анненковымъ, Гончаровымъ, М. А. Языковымъ и пр., и тутъ же встрѣтилъ прежнихъ своихъ знакомыхъ, Тургенева и В. П. Боткина. Позднѣе онъ познакомился у Тургенева съ Л. Н. Толстымъ, вернувшимся изъ Севастополя. Этотъ кружокъ высоко ставилъ нашего поэта; напримѣръ, Тургеневъ тогда писалъ ему однажды: «Что̀ вы мнѣ пишете о Гейне? Вы выше Гейне, потому что шире и свободнѣе его» *)—оцѣнка, въ которой много справедливаго. Во главѣ кружка стоялъ, конечно, Тургеневъ, и подъ его председательствомъ кружокъ рѣшилъ общими силами выбрать, очистить и красиво напечатать собраніе стихотвореній Аѳанасія Аѳанасьевича. Это и была книга: «Стихотворенія А. А. Фета, Спб. 1856».

Съ оставленіемъ военной службы совпадаетъ вторая и самая большая поѣздка за границу **) и женитьба. Въ Парижѣ Аѳанасій Аѳанасьевичъ женился (16 авг. 1857) на Марьѣ Петровнѣ Боткиной, сестрѣ своего давнишняго почитателя и пріятеля, Василія Петровича Боткина. Послѣ женитьбы три года были проведены зимою въ Москвѣ, а лѣтомъ въ Новоселкахъ, принадлежавшихъ (по смерти Аѳанасія Неофитовича, 1855 г.) замужней сестрѣ, Борисовой. Но оставаться безъ дѣла Аѳанасій Аѳанасьевичъ не могъ,

*) «Мои воспоминанія», I, стр. 104.

**) Въ первый разъ онъ ѣздилъ за границу по выходѣ изъ университета, именно въ Дармштадтъ, за маленькимъ наслѣдствомъ, доставшимся его матери, и за своею сестрою Каролиной Петровной, переселившейся въ Россію.

и для него наступила пора новыхъ усилій. Съ согласія жены онъ рѣшился серьезно посвятить себя сельскому хозяйству и въ 1860 году купилъ за 20 тысячъ (изъ приданыхъ денегъ) Степановку, хуторъ съ 200 десятинъ земли, во Мценскомъ уѣздѣ. Это было ровное голое мѣсто, гдѣ стоялъ небольшой домъ, только-что построенный и еще вовсе не отдѣланный, гдѣ не было ни рѣчки ни дерева, и росла лишь въ сторонѣ березовая рощица на трехъ десятинахъ. Тутъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ энергически принялся хозяйничать и жилъ 17 лѣтъ, лишь зимою наѣзжая ненадолго въ Москву. Онъ отдѣлалъ домъ и расширилъ его пристройками, развелъ цвѣтники, насадилъ аллеи, выкопалъ пруды и колодцы и, главное, усердно повелъ хлѣбопашество.

Къ этому времени относится его служба мировымъ судьею въ теченіе 10½ лѣтъ (1867—1877) *), его статьи по вопросамъ о сельскихъ порядкахъ, очень рѣдкое писаніе стиховъ, которые тогда, какъ онъ убѣдился, уже не могли составлять для него какой-нибудь «матеріальной опоры» **), и постепенное возрастаніе его имущества, достигшаго подъ конецъ той величины, которую можно назвать богатствомъ.

По высочайшему указу 26 дек. 1873 года была наконецъ утверждена за Аѳанасіемъ Аѳанасьевичемъ отцовская фамилія Шеншина, со всѣми связанными съ нею правами.

Въ 1877 году Аѳанасій Аѳанасьевичъ рѣшился бросить Степановку и купилъ за 105 тысячъ рублей Воробьевку (такъ называемую Ртищевскую Воробьевку, по фамиліи давнишняго владѣльца) въ Щигровскомъ уѣздѣ Курской губерніи, на рѣкѣ Тускари, въ девяти верстахъ къ востоку отъ извѣстной Коренной Пустыни. Деревня Воробьевка стоитъ на лѣвомъ, луговомъ берегу рѣки, а господская усадьба на правомъ берегу, очень высокомъ. Каменный домъ окруженъ съ востока каменными же службами, а съ юга и запада огромнымъ паркомъ на 18-ти десятинахъ, состоящимъ

*) «Мои воспоминанія», II, стр. 124.

**) Тамъ же, I, 314, 440. «Оскудѣніе этого источника было причиною бѣгства въ Степановку». Въ началѣ поселенія въ Степановкѣ были, однако, напечатаны Солдатенковымъ «Стихотворенія А. А. Фета. 2 части, Москва, 1863».

большею частью изъ вѣковыхъ дубовъ. Мѣсто такъ высоко, что изъ парка ясно видны церкви Коренной пустыни. Множество соловьевъ, грачи и цапли, гнѣздящіеся въ саду, цвѣтники, разбитые по скату къ рѣкѣ, фонтанъ, устроенный въ самомъ низу противъ балкона,—все это отразилось въ стихахъ владѣльца, писанныхъ въ этотъ послѣдній періодъ его жизни.

Вообще, тутъ началась новая жизнь. Хозяйство, какъ на 850 десятинахъ, прилегавшихъ къ Воробьевкѣ, такъ и въ другихъ имѣніяхъ, велось управляющимъ, а самъ владѣлецъ, можно сказать, вернулся къ литературѣ. Кромѣ стихотвореній, внушенныхъ минутами вдохновенія, началась непрерывная работа переводовъ. Были переводимы: Шопенгауэръ («Міръ, какъ воля»), Гёте («Фаустъ»), Овидій, Вергилій, Катуллъ, Тибуллъ, Марціалъ. Во всѣхъ этихъ трудахъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ подписывался Фетомъ, дорожа именемъ, которому онъ пріобрѣлъ такую громкую извѣстность, и какъ будто твердо желая установить различіе между поэтомъ и человѣкомъ,—то различіе, которое часто было темой его разговоровъ. Подъ этимъ именемъ, принадлежащимъ къ самымъ драгоцѣннымъ именамъ нашей литературы, выпускаются и настоящія книги.

Въ Воробьевскій періодъ были издаваемы собранія стихотвореній, подъ заглавіемъ «Вечерніе огни», первая книга въ 1883 году, второй выпускъ въ 1885, третій въ 1888, четвертый въ 1891.

Въ 1881 году былъ купленъ въ Москвѣ, на Плющихѣ, небольшой домъ, и съ тѣхъ поръ установился тотъ обычный порядокъ жизни, въ которомъ она шла до конца. Зиму Аѳанасій Аѳанасьевичъ проводилъ въ Москвѣ, раннею весною, никакъ не позже 15 апрѣля, переѣзжалъ въ Воробьевку и оставался тамъ до послѣднихъ чиселъ сентября.

Эту послѣднюю эпоху жизни поэта можно назвать временемъ довольства, житейскаго покоя и почета, прочной славы и спокойной литературной дѣятельности. Подъ конецъ онъ задумалъ написать свои воспоминанія и оставилъ намъ двѣ большія книги: «Мои воспоминанія» (1848—1889), 2 тома, Москва, 1890, и «Ранніе годы моей жизни», Москва, 1893 г. (посмертное изданіе). Тутъ читатели найдутъ множество всякаго рода подробностей этой дѣятельной

и разнообразной жизни. Прибавимъ лишь незанесенныя туда главныя событія.

Къ ихъ числу нужно отнести сближеніе съ Великимъ Княземъ Константиномъ Константиновичемъ. Какъ ревностный почитатель таланта Аѳанасія Аѳанасьевича, Великій Князь прислалъ ему, въ первыхъ числахъ декабря 1886 г. книгу своихъ стихотвореній и письмо. Отсюда началась переписка, не прерывавшаяся до конца жизни. Въ 1887 г., старецъ-поэтъ ѣздилъ въ Петербургъ и лично представлялся Великому Князю. Эти отношенія онъ высоко цѣнилъ, и они составляли большую радость его послѣднихъ дней.

Въ 1889 году, 28 и 29 января, былъ съ большимъ торжествомъ празднованъ въ Москвѣ пятидесятилѣтній литературный юбилей Фета. Вслѣдъ за тѣмъ, 26 февраля, Государю угодно было пожаловать юбиляру званіе камергера.

Уже лѣтъ тридцать страдалъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ одышкой, постоянно усиливавшейся, несмотря на всякія предосторожности. Не разъ встрѣчаются и въ стихахъ его жалобы на «трудное дыханіе». Впослѣдствіи, лѣтъ за десять до смерти, къ этому присоединилось хроническое воспаленіе вѣкъ. Въ 1892 году, по пріѣздѣ въ Москву, онъ заболѣлъ бронхитомъ; эта болѣзнь прошла, но общая слабость усилилась, и 21 ноября, въ полдень, поэтъ скончался, не доживши двухъ дней до 72 лѣтъ. Хотя его многолѣтняя болѣзнь въ послѣдніе годы была мучительно тяжела, онъ бодро переносилъ ее, жаловался очень мало и рѣдко; въ послѣдній день онъ былъ на ногахъ, но, чувствуя приближеніе роковой минуты, уговорилъ жену выѣхать за какой-то покупкой и умеръ, присѣвши на стулъ въ своей столовой.

Вообще, душевныя качества Аѳанасія Аѳанасьевича представляли очень замѣтное и прекрасное своеобразіе. Онъ обладалъ энергіею и рѣшительностью, ставилъ себѣ ясныя цѣли и неуклонно къ нимъ стремился. Ему всегда нужна была дѣятельность; онъ не любилъ безцѣльныхъ прогулокъ, не любилъ оставаться одинъ или молча погружаться въ книгу; когда же имѣлъ собесѣдниковъ, былъ неистощимъ въ рѣчахъ, исполненныхъ блеска и парадоксовъ. Переписка съ друзьями и знакомыми составляла для него не тягость, какъ для большинства писателей, а наслажденіе.

Стихотворенія его были не плодомъ обдумыванія и труда, а прямыми дарами вдохновенія. Въ нихъ обыкновенно нѣтъ никакихъ вступленій, а прямо изливается чувство, возникшее въ извѣстную минуту, въ извѣстной обстановкѣ. Чтò касается его характера, то близко знавшіе его согласятся безъ всякихъ колебаній съ Василіемъ Петровичемъ Боткинымъ, который приписываетъ ему «чистое, доброе, наивное сердце» *).

Отпѣваніе происходило 24 ноября въ университетской церкви, и потомъ гробъ былъ отвезенъ Марьею Петровною въ село Клейменово, въ двадцати пяти верстахъ отъ Орла, во Мценскомъ уѣздѣ. Село это—родовое имѣніе Шеншиныхъ. Тамъ на кладбищѣ старой церкви похоронены отецъ и мать Аѳанасія Аѳанасьевича и нѣкоторые члены предыдущаго поколѣнія Шеншиныхъ. Но самъ онъ положенъ не здѣсь, а въ склепѣ подъ новою церковью.

Тамъ же похоронили и Марью Петровну, скончавшуюся 21 марта 1894 года. Дѣтей у нихъ не было.

---

*) «Мои воспоминанія». II, стр. 96.

ЗАМѢТКИ О ФЕТѢ

Н. Н. Страхова.

I.

«Вечерніе огни». Собраніе неизданныхъ стихотвореній А. Фета. Москва, 1883.

Жалко было бы пропустить безъ всякаго привѣта эту чудесную книжку, вышедшую въ настоящемъ году,—этотъ листокъ чистаго золота, появившійся среди мишуры и фольги и того хлама ломаныхъ гвоздей и ржавыхъ жестяныхъ листовъ, съ которымъ можно и всегда, а особенно теперь, сравнить общую массу литературныхъ явленій.

«Вечерніе огни» — чистая поэзія, въ томъ смыслѣ, что тутъ ни въ мысли, ни въ образѣ, ни въ самомъ звукѣ нѣтъ никакой примѣси прозы. Это — особая область, и счастливъ тотъ, кому она доступна, и не безъ основанія сердятся на нее тѣ, кто не можетъ въ нее проникнуть, кому нужны для этого большіе прозаическіе подмостки, чья грузная мысль не можетъ двигаться, не опираясь прямо на землю. Больше всего у Фета поразительна именно та легкость, съ которою онъ подымается въ область поэзіи. Эта область у него граничитъ, повидимому, съ самыми обыденными предметами и мыслями. Обыкновенно онъ не воспѣваетъ жаркихъ чувствъ, отчаянья, восторга, высокихъ мыслей — всего того, что̀ считается почти непремѣнною принадлежностью поэзіи. Нѣтъ, онъ очень часто останавливается на чемъ-нибудь самомъ простомъ, на первой встрѣтившейся картинѣ природы, на перемѣнахъ дня и ночи, на дождѣ и снѣгѣ, или же на самомъ простомъ дви-

женіи мысли и чувства, и вдругъ магическимъ стихомъ онъ преображаетъ все это въ яркую красоту, въ чистое золото поэзіи. Въ этомъ отношеніи онъ величайшій чародѣй, несравненный поэтъ; чтобы отдѣлиться отъ земли, ему не нужно никакого прыжка, почти вовсе не нужно усилія. Оттого-то тому, кто его не понимаетъ, онъ можетъ показаться вычурнымъ и малосодержательнымъ, тогда какъ для понимающаго онъ самый прямой и полный жизни поэтъ. Отъ свободы и легкости творчества зависитъ и тотъ радостный и свѣтлый тонъ, то чувство свѣта и покоя, которое слышится въ его поэзіи. Ни воплей и стоновъ, ни крика и хохота здѣсь не слыхать, оттого, что все становится музыкой, все преображается въ пѣніе. Кто доступенъ этому волшебству, тотъ съ изумленіемъ начинаетъ видѣть—не то, что поэзія, какъ иные толкуютъ, есть нѣчто чуждое для жизни, а то, что повсюду въ жизни рѣзкая черта отдѣляетъ красоту и прелесть отъ грязи и пошлости.

Фетъ очень небреженъ. Его стихотворенія, несмотря на образцовую краткость, свойственную лирикѣ, часто не имѣютъ полной правильности въ постройкѣ, того отвлеченнаго порядка, который такъ помогаетъ прозаическимъ читателямъ. Но этого нашему поэту и не нужно: каждый стихъ у него съ крыльями, каждый сразу подымаетъ насъ въ область поэзіи. Когда онъ скажетъ, напримѣръ:

Та трава, что вдали на могилѣ твоей,
Здѣсь на сердцѣ, чѣмъ старѣй оно, тѣмъ свѣжѣй,

то эти два стиха производятъ такое же впечатлѣніе, какъ цѣлая книга лирики. Тутъ и молодая любовь, и смерть, и долгіе годы, прожитые послѣ этой смерти, и далекая могила, и старое сердце, давно ставшее могилой любимаго существа, могилой вѣчно свѣжей, даже вѣчно свѣжѣющей. Прелесть этого по-фетовски смѣлаго, но простого и яснаго образа безподобно выражаетъ нѣжность внушившаго его чувства, безконечную нѣжность, которая съ годами все глубже, все свѣтлѣе, но горитъ, какъ въ первую минуту.

Не всякому времени дается чувство поэзіи. Фетъ точно чужой среди насъ и очень хорошо чувствуетъ, что служитъ покинутому толпою божеству:

А я, попрежнему смиренный,
Забытый, брошенный въ тѣни,

Стою колѣнопреклоненный
И, красотою умиленный,
Зажегъ вечерніе огни.

И это правда: его звуки попрежнему — одно поклоненіе прекрасному, одно чистое золото поэзіи; въ нихъ послышались только, кромѣ прежнихъ, еще новыя, глубокія и важныя струны.

Недурно было бы сказать нашимъ безчисленнымъ стихотворцамъ (ибо имъ конца нѣтъ), что этой книжки Фета имъ слѣдуетъ не выпускать изъ рукъ; при ея помощи, если Аполлонъ пошлетъ имъ наконецъ разумѣніе, они могли бы убѣдиться, что и тѣ стихотворенія, которыя появляются въ печати, и тѣ страшныя груды стиховъ, которыя въ редакціяхъ постоянно *предаются уничтоженію*,— что все это, почти безъ всякаго исключенія, пишется только по невѣдѣнію, то-есть потому, что авторы не имѣютъ и понятія о томъ, чтò такое настоящіе стихи.

II.

Юбилей поэзіи Фета.

А я, по прежнему смиренный,
Забытый, брошенный въ тѣни,
Стою колѣнопреклоненный
И. красотою умиленный,
Зажегъ вечерніе огни.

Сегодня празднуется пятидесятилѣтіе писательской дѣятельности Аѳанасія Аѳанасьевича Фета (Шеншина), и хотѣлось бы намъ высказать ему публично самыя лучшія похвалы, какихъ онъ стòитъ и какія мы способны почувствовать и выразить. Давно знаютъ понимающіе, что онъ въ своемъ родѣ поэтъ единственный, несравненный, дающій намъ самый чистый и настоящій поэтическій восторгъ, истинные брильянты поэзіи. У понимающихъ дѣло давно сложилась поговорка, что кто восхищается стихами Фета, тотъ дѣйствительно знаетъ толкъ въ поэзіи, а кто не чувствуетъ любви къ этимъ стихамъ, тотъ вообще не знаетъ настоящаго вкуса въ стихахъ, какъ бы онъ ни восторгался другими поэтами. Это вѣрно какъ нельзя больше, и чѣмъ

дальше будетъ итти время, тѣмъ яснѣе будетъ это для всѣхъ, тѣмъ тверже установится мысль, что Фетъ есть истинный пробный камень для способности понимать поэзію. Если теперь еще много равнодушныхъ къ его произведеніямъ, много неумѣющихъ ихъ цѣнить, то это происходитъ, повидимому, отъ узкости той сферы, которой держится поэтъ, отъ того, что онъ не касается того разнообразнаго множества мыслей и чувствъ, которое занимаетъ различныхъ людей. Хотя Фетъ лирикъ, слѣдовательно принадлежитъ къ простѣйшему, распространеннѣйшему и доступнѣйшему роду поэтовъ, хотя *романсъ* есть даже любимѣйшая форма русскихъ читателей, но Фетъ какъ будто не трогаетъ сильно ни одной изъ безчисленныхъ струнъ души, звонъ которыхъ можетъ отзываться въ лирической поэзіи. Чтò же онъ выражаетъ? Онъ пѣвецъ и выразитель отдѣльно взятыхъ настроеній души, или даже минутныхъ, быстро проходящихъ впечатлѣній. Онъ не излагаетъ намъ какого-нибудь чувства въ его различныхъ фазисахъ, не изображаетъ какой-нибудь страсти съ ея опредѣлившимися формами, въ полнотѣ ея развитія; онъ уловляетъ только одинъ моментъ чувства или страсти, онъ весь въ настоящемъ, въ томъ быстромъ мгновеніи, которое его захватило и заставило изливаться чудными звуками. Каждая пѣсня Фета относится къ одной точкѣ бытія, къ одному біенію сердца и потому неразложима, нераздѣлима; это—аккордъ, въ которомъ на звукъ мгновенно тронутой струны вдругъ гармонически отозвались другія струны. И потому самому тутъ красота, естественность, искренность, сладость поэзіи доходятъ до полнаго совершенства. Поэтъ какъ будто доволенъ только тогда, когда можетъ вполнѣ облечь свое настроеніе въ пѣвучія слова, когда найдетъ формы и звуки для самыхъ ускользающихъ и тайныхъ движеній, проснувшихся въ его душѣ. И потому онъ не выбираетъ предметовъ, а ловитъ каждый, часто самый простой случай жизни; онъ не составляетъ сложныхъ картинъ и не развертываетъ цѣлаго ряда мыслей, а останавливается на одной фигурѣ, на одномъ поворотѣ чувства. Если взять Фета съ этой стороны, то мы не только не найдемъ въ немъ однообразія, а будемъ изумлены шириною его захвата, разнообразіемъ и множествомъ его темъ. Какъ чародѣй, который, до чего

ни коснется, все обращаетъ въ золото, такъ и нашъ поэтъ преобразуетъ въ чистѣйшую поэзію всевозможныя черты нашей жизни. Ночь и день и всѣ часы ночи и дня, ведро и ненастье, дождь и снѣгъ, всѣ времена года и всѣ высоты солнца, мѣсяцъ и звѣзды, сады и степи, море и горы—все отозвалось въ душѣ поэта; здоровье и болѣзнь, тоска и радость, бдѣніе и сонъ, любовь и музыка, надежды и воспоминанія. бредъ и сновидѣнія во всѣхъ ихъ степеняхъ и формахъ, — словомъ, всѣ переливы нашего существованія, отъ самыхъ будничныхъ состояній до самыхъ возвышенныхъ, нашли себѣ поэтическое выраженіе. Какія чудеса! Кто любитъ и понимаетъ Фета, тотъ становится способнымъ чувствовать поэзію, разлитую вокругъ насъ и въ насъ самихъ, то-есть научается видѣть дѣйствительность съ той стороны, съ которой она является красотою, является попыткой воплотить смыслъ и жизнь, осуществить идеалъ. Безцѣнная заслуга поэта, право на величайшую благодарность! Онъ, какъ ярко загорѣвшій факелъ среди ночи, вдругъ освѣщаетъ всѣ предметы и далеко разгоняетъ сумракъ, въ которомъ мы живемъ.

Будемъ же у него учиться. Иногда трудно понять его съ перваго раза, потому что у него обыкновенно нѣтъ вступленій, объясненій, и онъ прямо входитъ въ medias res, въ изображеніе минуты, пробудившей въ немъ поэтическую силу. Его стихи — какъ будто внезапная молнія поэтическаго озаренія дѣйствительности. Первые куплеты обыкновенно исчерпываютъ содержаніе, и заключеніе часто есть только затихающій аккордъ. Наконецъ поэтъ, сосредоточиваясь на нѣсколькихъ стихахъ, часто небреженъ и неясенъ въ остальныхъ. Но зато, когда вникнемъ и поймемъ, насъ поразитъ совершенство этихъ пѣсней. Стихъ Фета имѣетъ волшебную музыкальность и при томъ постоянно разнообразную; для каждаго настроенія души у поэта является своя мелодія, и по богатству мелодій никто съ нимъ не можетъ равняться *). Образность, реалистиче-

*) Фетъ почти никогда не беретъ ходячей мелодіи (которая, разумѣется, сама по себѣ не есть что-нибудь непозволительное). Онъ очень богатъ своими звуками, и онъ до послѣдняго времени запѣваетъ на новый, неслыханный прежде ладъ. Такъ, недавно онъ написалъ удивительное стихотвореніе: «Измученъ жизнью, коварствомъ надежды»,

ская точность изображенія, смѣлость, не знающая предѣловъ, нѣжность, грація, порывъ, разомъ уносящій насъ отъ земли въ область идеала,—все это постоянныя принадлежности Фета. Наконецъ позволимъ себѣ выраженіе, которое, намъ кажется, обнимаетъ почти всю эту характеристику: стихи Фета всегда имѣютъ совершенную *свѣжесть*; они никогда не заношены, они никакихъ другихъ стиховъ, ни своихъ ни чужихъ, не напоминаютъ; въ нихъ нѣтъ и тѣни усилія, сочиненія, надуманности; они свѣжи и непорочны, какъ только-что распустившійся цвѣтокъ; кажется, они не пишутся, а рождаются цѣликомъ.

Для такого обилія и совершенства поэзіи, для такой полной отзывчивости на каждый призывъ музы, очевидно, нужно обладать бодрою и ясною душою. И дѣйствительно, мы не найдемъ у Фета ни тѣни болѣзненности, никакого извращенія души, никакихъ язвъ, постоянно ноющихъ на сердцѣ. Всякая современная разорванность, неудовлетворенность, неисцѣлимый разладъ съ собой и съ міромъ,—все это чуждо нашему поэту. Недаромъ онъ питаетъ такую великую любовь къ Горацію и вообще къ древнимъ; онъ самъ отличается совершенно античною здравостью и ясностью душевныхъ движеній, онъ нигдѣ не переходитъ черты, отдѣляющей свѣтлую жизнь человѣка отъ всякихъ

очень своеобразное по мелодіи. Отчасти своеобразіе это зависитъ отъ размѣра, котораго, кажется, еще никто не употреблялъ. Это—два ямба и два анапеста: размѣръ чрезвычайно красивый. Напримѣръ:

И такъ прозрачна огней безконечность,
И такъ доступна вся бездна эѳира,
Что прямо смотрю я изъ времени въ вѣчность
И пламя твое узнаю, солнце міра!
И неподвижно на огненныхъ розахъ
Живой алтарь мірозданья курится:
Въ его дыму, какъ въ творческихъ грезахъ,
Вся сила дрожитъ и вся вѣчность снится.
И все, что́ мчится по безднамъ эѳира,
И каждый лучъ, плотской и безплотный,
Твой только отблескъ, о, солнце міра,
И только сонъ, только сонъ мимолетный...

Замѣтьте, что и вторая стопа въ нѣкоторыхъ стихахъ—анапестъ, а въ другихъ и третья — ямбъ; но это не неправильность: это —разнообразіе, не нарушающее главной мелодіи. («Замѣтки о Пушкинѣ». 2-е изд., Кіевъ, 1897, стр. 239—240).

демоническихъ областей. Самыя горькія и тяжелыя чувства имѣютъ у него безподобную мѣру трезвости и самообладанія. Поэтому чтеніе Фета укрѣпляетъ и освѣжаетъ душу.

Вѣчный, нерукотворный памятникъ воздвигнулъ себѣ Фетъ! По яркости и законченности, онъ—явленіе необыкновенное, единственное; мы можемъ гордиться имъ предъ всѣми литературами міра и причислить его къ неумирающимъ образцамъ истинной поэзіи. Къ нашей радости, онъ пишетъ до сихъ поръ, и пишетъ съ тою же силой, съ неувядающей свѣжестью. Въ нынѣшній торжественный день всѣмъ намъ слѣдуетъ сердечно привѣтствовать его, сердечно желать безцѣнному поэту здоровья на многіе годы.

III.

Нѣсколько словъ памяти Фета.

Omnia praeclara tam difficilia,
quam rara sunt.

Spinoza.

Какъ трудно все на свѣтѣ, какъ мучительно трудно! Едва закрылась могила Фета, какъ мы принимаемся произносить свои приговоры объ его стихахъ, обсуживать значеніе его поэтической дѣятельности. Можетъ-быть, лучше было бы помолчать, лучше бы переждать, пока затихнутъ скорбныя чувства, пока образъ умершаго поэта перестанетъ вставать между нами и его неумирающею поэзіею. Но молчать нельзя, необходимо торопиться и воспользоваться тѣмъ, что вниманіе публики возбуждено, что у читателей на минуту возникъ вопросъ: что̀ же такое Фетъ, и какъ намъ слѣдуетъ цѣнить его? Для огромнаго большинства тѣхъ, до кого дошло имя поэта, этотъ вопросъ, какъ извѣстно,—чистая загадка; теперь удобное время отвѣчать на вопросъ и загадку, и почитатели великаго таланта должны постараться писать, хотя бы сквозь слезы.

Фетъ былъ поэтомъ вполнѣ и до конца; и потому прославлять его — значитъ то же, что̀ прославлять поэзію. И наоборотъ: для пониманія тайны поэтическаго творчества онъ такой живой и ясный примѣръ, какого другого не

найти. Онъ самъ, конечно, хорошо сознавалъ, что носитъ въ себѣ эту тайну, и часто выражалъ ее очень странными рѣчами. Онъ говорилъ, что поэзія и дѣйствительность не имѣютъ между собою ничего общаго, что какъ человѣкъ онъ—одно дѣло, а какъ поэтъ—другое. По своей любви къ рѣзкимъ и парадоксальнымъ выраженіямъ, которыми постоянно блестѣлъ его разговоръ, онъ доводилъ эту мысль даже до всей ея крайности; онъ говорилъ, что поэзія есть ложь, и что поэтъ, который съ перваго же слова не начинаетъ лгать безъ оглядки, никуда не годится.

Люди, всею душою погруженные въ дѣйствительность, твердо въ нее вѣрящіе и постоянно хватающіеся за нее всѣми возможными способами, должны прійти въ великій соблазнъ отъ такихъ рѣчей.

„Чѣмъ хвалится, безумецъ!“

Значитъ,—скажутъ они:—мы были правы, не находя въ поэзіи вкуса и не видя въ ней никакого толка. Но замѣтимъ, что поэтъ, говоря такія рѣчи, конечно, не хотѣлъ унизить то, чѣмъ онъ жилъ и дышалъ, то-есть поэзію. Онъ хотѣлъ только со всею рѣзкостью выразить, до какой степени поэзія *преобразуетъ* дѣйствительность, возводитъ ее въ «перлъ созданія»; какъ истый лирикъ, онъ хотѣлъ научить насъ, что внѣшній міръ есть только поводъ къ поэзіи, что она коренится и растетъ лишь въ нашемъ внутреннемъ мірѣ. И, подумавши, мы убѣдимся, что поэтъ своимъ парадоксомъ хотѣлъ понизить достоинство не поэзіи, а дѣйствительности.

Мы, бѣдные жители земли, обречены на постоянный обманъ. Вокругъ насъ все тлѣнъ и прахъ, все носитъ печать зла и безобразія. Но намъ во всемъ этомъ видится что-то прочное и твердое, намъ все это кажется тѣмъ единственнымъ, въ чемъ мы можемъ найти удовлетвореніе нашихъ желаній. И вотъ отчего мы преданы вѣчному исканію, вѣчной борьбѣ, вѣчному разочарованію. А между тѣмъ у насъ есть истинная, не обманчивая дѣйствительность, которую мы забываемъ въ погонѣ за ложною; эта дѣйствительность—наше чувство, наша душа. «Gefühl ist alles», «чувство — все», говоритъ Фаустъ у Гёте. Кто признаетъ свою душу за настоящую дѣйствительность, для того этотъ

міръ станетъ призрачнымъ. А кто, напротивъ, считаетъ этотъ призракъ полною и совершенною дѣйствительностью, тотъ долженъ душу свою считать чистою мечтою и видѣть въ поэзіи, въ этомъ прямомъ порожденіи души, одну лишь ложь. Вотъ что хотѣлъ сказать нашъ лирикъ своимъ парадоксомъ.

Но призракъ ли міръ, или дѣйствительность,—не все ли равно? — онъ неотступенъ, онъ объемлетъ насъ отовсюду, онъ не даетъ намъ покоя и тянетъ насъ къ себѣ, иногда ласкаетъ и убаюкиваетъ, но чаще терзаетъ насъ. Гдѣ спасеніе, гдѣ убѣжище? Въ пѣснѣ, — отвѣчалъ себѣ Фетъ, и онъ былъ правъ: тѣ пѣсни, которыя онъ пѣлъ всю жизнь, были дѣйствительнымъ его спасеніемъ, его освобожденіемъ отъ міра.

Всегда и всюду мы связаны, не можемъ двинуться, не можемъ ни о чемъ подумать, не встрѣчая помѣхи, не тяготясь прошлымъ, не страшась будущаго, не стѣсняясь окружающимъ. Но въ пѣснѣ мы вполнѣ свободны, и кто умѣетъ пѣть, испытываетъ это великое блаженство. Пѣніе, какъ молитва, принадлежитъ къ тѣмъ человѣческимъ дѣламъ, которыя человѣкъ можетъ дѣлать одинъ, про себя, и въ которыхъ можетъ достигать полнаго своего удовлетворенія. Не будь мы способны къ такимъ дѣламъ, бѣдственность нашей жизни увеличилась бы неизмѣримо. Поющему пѣсню, очевидно, ничего и никого не нужно, кромѣ самой пѣсни. Онъ поетъ только для себя, и чѣмъ лучше поетъ, тѣмъ больше и полнѣе услаждаетъ себя; но ему для этого нѣтъ нужды въ слушателяхъ или въ обстановкѣ, почти нѣтъ надобности въ поводахъ и въ предметѣ. Любящій пѣть готовъ приняться за пѣніе каждую свободную минуту.

Не истинная ли это загадка? Какимъ образомъ *ложь* можетъ насъ такъ утѣшать? Какимъ образомъ мы способны вполнѣ насыщаться не какою-нибудь дѣйствительностью и не самымъ чувствомъ нашей души, а именно этимъ воплощеніемъ чувства въ звуки? Тутъ великая, глубокая тайна. Есть для насъ несказанная прелесть и отрада въ томъ, что мы останавливаемъ минуту среди непрерывно несущагося потока времени, уловляемъ опредѣленный образъ среди зыблящейся и исчезающей дѣйствительности. Душа наша, какъ говоритъ Платонъ, родилась въ царствѣ вѣч-

ныхъ формъ, вѣчныхъ образцовъ существующаго, и она ищетъ на землѣ ихъ подобія. Все временное, неполное, случайное, неясное, слѣдовательно вся наша жизнь со всѣми ея событіями и чувствами,—не можетъ удовлетворить насъ. Намъ нужна неизмѣнная мысль, содержащаяся въ бѣгущихъ явленіяхъ; нужны незыблемые образы, краски, формы, которыя мы могли бы созерцать; нуженъ опредѣленный строй звуковъ, который воплощалъ бы для насъ сущность нашего мятущагося чувства. Хоть на короткіе сроки, но мы вырываемся изъ потока жизни и съ великою отрадою чувствуемъ себя въ положеніи *вѣчныхъ* существъ, которыя не живутъ, а только видятъ самую глубину всего живущаго, смыслъ всякаго чувства, всякаго мгновенія. Съ этой стороны Фетъ совершенно правъ: между жизнью и поэзіею существуетъ полная противоположность.

Онъ превосходно понималъ свою поэтическую дѣятельность и часто выражалъ это пониманіе съ удивительною ясностью. Въ одномъ стихотвореніи онъ проситъ красавицу хоть на мигъ показать видъ, что она его любитъ, и подарить ему розу съ своей груди. Ему будетъ сладокъ уже одинъ видъ любви, и за розу онъ обѣщаетъ большую награду — свой стихъ. Какія бы радости и горести съ тобой потомъ ни случились,—говоритъ онъ красавицѣ,—но этотъ свѣтлый мигъ для тебя останется; ты можешь потомъ испытать въ жизни много потерь.

Но въ стихѣ умиленномъ найдешь
Эту вѣчно душистую розу.

И онъ правъ: роза дѣйствительно навсегда осталась въ волшебномъ стихѣ. Вотъ почему и въ томъ восторженномъ гимнѣ, который онъ пропѣлъ «Поэтамъ», онъ съ такою силою останавливается на той же мысли:

Въ вашихъ чертогахъ мой духъ окрылился,
Правду провидитъ онъ съ высей творенья;
Этотъ листокъ, что изсохъ и свалился,
Золотомъ вѣчнымъ горитъ въ пѣснопѣньи.
Только у васъ мимолетныя грезы
Старыми въ душу глядятся друзьями,
Только у васъ благовонныя розы
Вѣчно восторга блистаютъ слезами

Не слѣдуетъ понимать этихъ словъ такъ, что стихи поэтовъ остаются навсегда въ памяти людской, что они пе-

реживаютъ современность и такимъ образомъ, какъ говорится, *увѣковѣчиваютъ* извѣстныя имена и событія. Нѣтъ, смыслъ здѣсь совершенно другой: Фетъ восхищенъ тѣмъ, что у поэтовъ все принимаетъ форму вѣчности, облекается въ вѣчность. Пусть забудутъ поэта, пусть никто его не читаетъ; но, несмотря на это, самъ онъ, да и всякій, кто прочтетъ, видитъ эту вѣчную форму, эту «незыблемую мечту». Для нея уже нѣтъ времени, нѣтъ перемѣны, и она такъ же свѣжа, какъ въ первый день.

Въ послѣднемъ, невыразимо трогательномъ стихотвореніи Фета (23 окт.) повторенъ тотъ же мотивъ. Поэтъ уже дошелъ тогда до состоянія,

Когда дыханье множитъ муки
И было бъ сладко не дышать,

онъ уже называетъ свой домъ «обителью смерти»; и вдругъ эту обитель пробудилъ звукъ «райской струны», вдругъ послышался привѣтъ, отъ котораго «вскипѣла слеза» у поэта и освѣжила его тяжко горящіе, больные глаза. Онъ пожелалъ, чтобы эти мгновенныя слезы не пропали безслѣдно «на землѣ, гдѣ все такъ бренно», гдѣ и самъ поэтъ скоро станетъ бреніемъ, и вотъ онъ увѣряетъ:

Ихъ сохранитъ навѣкъ нетлѣнно
Предъ вами старческая грудь.

Конечно, сохранитъ! Въ этихъ стихахъ и для того, къ кому они обращены, и для всякаго, кто прочтетъ ихъ, навсегда сохранится чувство, которое ихъ внушило, и образъ поэта съ его старческой грудью, для которой больно дышать, съ горящими вѣками, которыя вдругъ увлажились отрадною слезою.

Фетъ пѣлъ почти наканунѣ своей смерти; ему до конца не измѣнила эта радость, это лучшее утѣшеніе его жизни. Онъ самъ всегда живо чувствовалъ и исповѣдывалъ примиряющую и просвѣтляющую силу того чуднаго дара, которымъ обладалъ. Страданіе не можетъ пѣть; оно издаетъ вопли или молчитъ. А кто поетъ, тотъ уже покорилъ свое страданіе, тотъ уже облекаетъ его въ вѣчные образы, созерцаніе которыхъ есть самое чистое наслажденіе. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ стихотвореній Фета «муза» отка-

зывается итти на призывъ не понимающихъ ея поэтовъ и съ негодованіемъ говоритъ:

Страдать! Страдаютъ всѣ, страдаетъ темный звѣрь
Безъ упованья, безъ сознанья;
Но передъ нимъ туда навѣкъ закрыта дверь,
Гдѣ *радость теплится страданья.*

Для музы изъ всякаго страданія возникаетъ радость, незнакомая

Ожесточенному и черствому душой,

и она хочетъ приводить насъ къ этой радости, отучать насъ отъ ожесточенія и черствости.

Поэтическое настроеніе бываетъ такъ сильно въ пѣвцѣ, что онъ даже отталкиваетъ отъ себя дѣйствительность, когда она мѣшаетъ ему предаваться «радости страданья».

Не нужно, не нужно мнѣ проблесковъ счастья,
Не нужно мнѣ слова и взора участья,
Оставь и дозволь мнѣ рыдать!

Когда бы ты знала, какимъ сиротливымъ,
Томительно-сладкимъ, безумно-счастливымъ
Я горемъ въ душѣ опьяненъ!

И въ другомъ мѣстѣ:

О, я *блаженъ среди страданій!*
Какъ радъ, себя и міръ забывъ,
Я подступающихъ рыданій
Горячій сдерживать приливъ!

Значитъ, есть страданіе, которому сладко предаваться всею душою, есть муки, которыя выше и дороже спокойствія, въ которыхъ больше счастія, чѣмъ въ иныхъ радостяхъ. Лучше плакать о несбывшемся блаженствѣ, чѣмъ отказаться отъ высокаго стремленія души; бываютъ потери, въ которыхъ мы не хотимъ никакого утѣшенія, какъ бываетъ и смерть, которая лучше жизни.

Поэзія учитъ насъ этому упоенію горя, этому «безумному счастью». Мы поднимаемся съ нею въ какую-то сферу, гдѣ все прекрасно, и страданіе и радость, гдѣ ничтоженъ всякій нашъ личный интересъ, а царствуютъ лишь вѣчные, божественные образы истинно-человѣческихъ чувствъ и стремленій.

Этотъ міръ—намъ родной, но дѣйствительность не даетъ намъ въ немъ оставаться. Очень хорошо поэтъ сравниваетъ себя съ соловьемъ, который всю ночь «терзается» надъ розой.—

Но только-что сумракъ разгонитъ денница,
Смолкаетъ зарей отрезвленная птица:
И счастью и пѣснѣ конецъ.

Основные элементы лирики Фета.

Б. В. Никольскаго.

I.

Какъ Паллада была рождена во всеоружіи своихъ доспѣховъ, такъ и всякое художественное произведеніе является міру законченнымъ сразу на всю вѣчность, такъ образъ самого художника предстаетъ потомству единымъ, цѣльнымъ и сложившимся. У художника одно имя, одинъ возрастъ, одинъ обликъ: это возрастъ и обликъ характера его дарованія, символомъ которыхъ является имя, въ силу этого легко становящееся нарицательнымъ, подобно именамъ героевъ, выводимыхъ поэтами въ своихъ произведеніяхъ. Анакреонъ — вѣчно-юный старецъ; Гомеръ — ветхій слѣпецъ-нищій; хитрые китайцы разсказываютъ даже, что ихъ геніальный старецъ Лаоцзы такъ и родился на свѣтъ съ сѣдыми волосами; вся его біографія въ томъ и состоитъ, что онъ былъ и оставался всю жизнь мудрымъ старцемъ, написавшимъ Тао-те-кинъ. Потомство и въ этомъ отношеніи счастливѣе современниковъ, какъ читатель счастливѣе самого поэта. На глазахъ художника — его произведеніе, самъ художникъ—на глазахъ современныхъ ему поколѣній, лишь медленно и трудно дорастаютъ до себя самихъ, до той цѣльности и полноты особенностей и чертъ, въ какихъ будутъ извѣстны и памятны зрителямъ и потомству. Современники, старшіе и младшіе, поневолѣ знаютъ относительно Фета, что онъ когда-то былъ кавалерійскимъ офицеромъ, потомъ практичнымъ помѣщикомъ, бранившимъ, богатѣя, новые порядки, что старъ и малъ когда-то глумились надъ его произведеніями, то провозглашая ихъ пошлостью и порно-

графіею, то заявляя, что ихъ авторъ—гнусный реакціонеръ, а стало-быть, эти произведенія никуда не годятся; потомство же все это или забудетъ, или будетъ разсматривать лишь какъ забавное личное воспоминаніе великаго старца, автора «Вечернихъ огней». То же самое случится и съ пониманіемъ самой сущности его произведеній. Только благодаря глубокимъ вдохновеніямъ «Вечернихъ огней» пріобрѣли въ нашихъ глазахъ совершенно новый смыслъ его плѣнительныя, благоухающія пѣсни молодости, эти поэтическія предчувствія философски-просвѣтленныхъ созерцаній старости поэта; между тѣмъ потомство начнетъ съ того, что̀ долго было тайною не только для современниковъ, но и для самого автора; начнетъ съ ключа, а не съ запертой двери, начнетъ съ картины, а не съ наброска углемъ на холстѣ; и потому смѣло начнетъ съ восторженныхъ похвалъ, которыми такъ робко и скупо кончаютъ на нашихъ глазахъ современники. Фетъ въ этомъ смыслѣ до такой степени поэтъ будущаго, что съ полнымъ правомъ могъ бы во главѣ своихъ стихотвореній поставить знаменитыя слова Шопенгауэра: «черезъ головы современниковъ передаю мой трудъ грядущимъ поколѣніямъ».

Съ этихъ общихъ соображеній необходимо начинать критическое выясненіе основной сущности произведеній Фета. Огромное большинство читателей, знакомое по юмористическимъ или прямо ругательнымъ отзывамъ и почти никогда не по собственному чтенію съ произведеніями молодости Фета, нерѣдко даже не слыхивало о его «Вечернихъ огняхъ». Между тѣмъ, какъ уже сказано, пѣсни молодости — лишь эпизодъ въ дѣятельности Фета, лишь проба пера, почти безсознательное проявленіе того, что̀ сознательно и твердо выражено въ лучшихъ пьесахъ «Вечернихъ огней». Особенно ярко можно даже выставить различіе двухъ періодовъ его дѣятельности, сопоставивъ принадлежащія къ каждому изъ нихъ пьесы, написанныя на однородную или близкую тему. Таковы, напр., стихотворенія: «Я долго стоялъ неподвижно», принадлежащее къ числу раннихъ произведеній Фета, и «Среди звѣздъ», помѣщенное въ первомъ выпускѣ «Вечернихъ огней». Въ одномъ случаѣ поэтъ прямо

Хватаетъ на лету и закрѣпляетъ вдругъ
И темный бредъ души и травъ неясный запахъ,

а во второмъ передъ нами не бредъ, не «тѣнь отъ облака летучаго», которую «не прибьешь гвоздемъ къ сырой землѣ», но живой лучъ, выхваченный изъ мірозданія и навѣки сіяющій всѣмъ свѣтомъ цѣльнаго пантеистическаго міровоззрѣнія.

Какъ соловьи, Фетъ пѣлъ только на зарѣ, въ молодости и въ старости. Но его трудовой полдень ознаменовался для него изученіемъ философіи Шопенгауэра, этого почти столько же художника, сколько философа, этого Платона новаго міра, который создалъ для насъ своего Канта, какъ древній Платонъ своего Сократа. Пантеистъ по самой сущности своей природы, Фетъ не поступился своимъ воззрѣніемъ въ угоду многочисленнымъ оговоркамъ Шопенгауэра и многое въ его ученіи упростилъ, а многое за него до конца договорилъ. Философія и жизненный опытъ ни на іоту не измѣнили поэта, но для него самого прояснили живую душу его могущественнаго лиризма. Этотъ философъ-поэтъ до такой степени поэтъ философовъ, что его произведенія неизбѣжно станутъ со временемъ настольною книгою каждаго мыслителя, каждаго ученаго, наконецъ каждаго философски мыслящаго человѣка, если только онъ не безусловно лишенъ чувства изящнаго. Самая содержательность этой поэзіи сдѣлала ее столь непопулярною, какой она отчасти остается и до настоящаго времени. Между тѣмъ невольное чутье подсказало даже толпѣ, какая великая творческая сила этотъ непонятый и осмѣиваемый поэтъ: насколько не трудно встрѣтить образованнѣйшаго человѣка, не читавшаго ни строки Фета, настолько же трудно найти гимназиста, который бы не зналъ его имени. Какъ бы то ни было, безъ посягательства на исчерпывающую характеристику поэзіи Фета въ ея цѣломъ, въ дальнѣйшемъ дана будетъ попытка выяснить ея основные, философскіе элементы, не предваряющая окончательнаго приговора надъ этою поэзіею грядущихъ поколѣній, но зато и совершенно пренебрегающая узкой, пристрастной и случайной оцѣнкою современниковъ.

II.

Философское и художественное творчество чрезвычайно близко граничатъ одно съ другимъ, и однакоже между ними не замѣчается должнаго взаимнаго вліянія. Въ нашей со-

временной дѣйствительности философія гораздо тѣснѣе связана съ наукою, чѣмъ съ искусствомъ, хоть у нея съ послѣднимъ едва ли не больше родства, чѣмъ съ первою. Правда, нашъ вѣкъ ознаменовался-было революціею точныхъ наукъ, забывшихъ мудрую притчу Мененія Агриппы и удалившихся на новую Священную гору—мнимыя высоты позитивизма; но «всему научитъ насъ дряхлѣющее время», взявшее на себя роль осторожнаго патриція и понемногу вновь приводящее все человѣческое знаніе въ подчиненіе высшимъ философскимъ обобщеніямъ. Совершенно иначе обстояло дѣло съ искусствомъ: какъ въ старину къ религіи, оно въ новѣйшее время, въ лицѣ всѣхъ высшихъ своихъ представителей, льнуло къ философіи, которая его почти игнорировала, пока наконецъ на нашихъ глазахъ грубѣйшій цинизмъ и матеріализмъ не воцарились въ его области, въ видѣ реализма—съ одной и декадентства—съ другой стороны. Въ настоящее время философія болѣе отзывчиво, чѣмъ прежде, пошла-было на помощь искусству, — но уже было поздно, разрывъ уже совершился. Вина въ немъ лежитъ безусловно на философахъ: они все свое вниманіе посвящали методологіи наукъ, чуждаясь вопросовъ методологіи эстетической, которая, вновь напомнимъ, гораздо ближе къ теоріи философскихъ умозрѣній, чѣмъ къ діалектикѣ точныхъ наукъ. Почти безъ исключеній, философское образованіе — наилучшій эстетическій цензъ, тѣмъ болѣе, что элементъ эстетичности неотъемлемо присущъ всякому творчеству вообще. Безспорно, что и логика и математика включаютъ въ себя своеобразные эстетическіе элементы, которыхъ не исключаютъ ни геометрическія ни юридическія разсужденія, ни даже выработанныя канцелярскія бумаги. Сжатость и замкнутость всякихъ умозрительныхъ построеній, строгость и послѣдовательность умозаключеній вездѣ и всегда проявляютъ извѣстную красоту. Если можно такъ выразиться, истина не включаетъ въ себя красоты, а только ею отливается; красота—какъ бы поверхность истины. Не потому ли рѣдки философы, успѣшно стремящіеся къ художественному творчеству,—Платонъ единственный примѣръ, если не подымать неразрѣшимо-спорнаго вопроса о первобытныхъ эллинскихъ философскихъ поэмахъ или о принадлежности Бекону драмъ Шекспира,—и рѣдки крупные ху-

дожники, которые сознательно или безсознательно не затрогивали бы въ своихъ произведеніяхъ глубочайшихъ философскихъ проблемъ?

Изо всѣхъ лирическихъ поэтовъ, доселѣ жившихъ, ни одинъ до такой степени не сумѣлъ себѣ усвоить чисто-философскій духъ и остаться при томъ исключительно поэтомъ, какъ Фетъ. Этотъ великій художникъ — какое-то золотое звено, связующее красоту съ истиною, золотой мостъ между философіей и поэзіею. Прозрѣніе въ сущность вещей — вотъ въ его глазахъ предѣльное напряженіе художественнаго творчества:

Въ вашихъ чертогахъ мой духъ окрылился,
Правду провидитъ онъ съ высей творенья,

обращается онъ къ поэтамъ. И тѣмъ не менѣе это прозрѣніе остается у него на дѣлѣ и въ словѣ только слѣдствіемъ поэтическаго полета: истина ему открывается только на вершинахъ эстетическаго восторга, которыхъ онъ при томъ для нея не покидаетъ и не для нея достигаетъ. Онъ къ ней приближается своимъ путемъ, непостижимымъ для точнаго мыслителя и между тѣмъ ему глубоко родственнымъ. Въ результатахъ поэтъ и мыслитель сходятся; они только приходятъ различными дорогами. Мыслитель обосновываетъ истину на посылкахъ и предпосылкахъ; художникъ удостовѣряетъ ее красотою выводовъ. Философъ выводитъ явленіе изъ долгихъ вычисленій, изъ сочетаній законовъ, опредѣленій и теоремъ; поэтъ—самое явленіе. Въ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ стихотвореній Фетъ прямо сопоставляетъ безгласнаго со всѣмъ своимъ глубокомысліемъ мудреца и все на свѣтѣ могущаго въ полной наивности выразить поэта:

Какъ бѣденъ нашъ языкъ: хочу—и не могу!..
Не передать того ни другу ни врагу,
Что̀ буйствуетъ въ груди прозрачною волною!
Напрасно вѣчное томленіе сердецъ,
И клонитъ голову маститую мудрецъ
Предъ этой ложью роковою.
Лишь у тебя, поэтъ, крылатый слова звукъ
Хватаетъ на лету и закрѣпляетъ вдругъ
И темный бредъ души и травъ неясный запахъ;
Такъ, для безбрежнаго покинувъ скудный долъ,
Летитъ за облака Юпитера орелъ,
Снопъ молніи неся мгновенный въ вѣрныхъ лапахъ.

Потому-то и можетъ истинный философъ углубиться въ свою работу до незнанія поэзіи; но встрѣтиться во взглядахъ съ поэтомъ—лучшее доказательство въ мірѣ для мыслителя, доказательство и вмѣстѣ съ тѣмъ толкованіе: дѣло въ томъ, что поэтъ воплощаетъ волевую сторону духа; онъ *чувствуетъ* мысли и переживаетъ ихъ, онъ *дочувствывается* до истины:

Nur durch das Morgenthor des Schönen
Dringt er in der Erkenntniss Land;

философъ, который до нея медлительно и трудно добирается холоднымъ и строгимъ размышленіемъ по утомительнымъ ступенямъ отвлеченныхъ силлогизмовъ, невольно увлекается и поражается стремительными, разрозненными намеками поэта, не связанными нитями умозаключеній, какъ отдаленныя вѣтви кустарниковъ — нитями блестящей паутины.

III.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что встрѣча мыслителя съ Фетомъ на высотахъ прозрѣнія представляетъ особую прелесть и особую трудность. Трудность заключается въ особенностяхъ художественной техники Фета. Великій лирикъ грѣшилъ всѣми слабостями своихъ достоинствъ. Порывистость его вдохновеній зачастую выражалась у него въ необычныхъ и темныхъ оборотахъ рѣчи, сжатость изложенія обусловливала нерѣдко чудовищные скачки, говорящіе намъ бѣглыми намеками, отрывочными восклицаніями, а не связною, хотя бы и поэтическою рѣчью, не солнечными лучами, а зарницами. Стихъ его изумительно музыкаленъ, выразителенъ, образенъ, но небреженъ и невыдержанъ до крайности. Синтаксисъ его—что-то совершенно невѣроятное, а слогъ безпрестанно впадаетъ въ изысканность и даже вычурность. Его стихотворенія требуютъ долгаго и вдумчиваго изученія. Его замыселъ нужно иногда высматривать, какъ папоротникъ въ Иванову ночь; правда, кто его подслѣдилъ и настигъ, тотъ открываетъ воистину неисчерпаемый кладъ художественныхъ наслажденій; но то, что̀ оправдываетъ иной разъ въ глазахъ читателя недостатки изложенія у философовъ, не можетъ служить извиненіемъ художнику слова. Между тѣмъ музу Фета приходится почти только угадывать

по его произведеніямъ, какъ Золушку по башмачку: во-первыхъ, это такъ же трудно, какъ въ сказкѣ, а во-вторыхъ, только для принца этотъ башмачокъ служитъ достаточною, надежною, а главное—понятною примѣтою, залогомъ высокаго художественнаго наслажденія: для прочихъ онъ—лишь хорошенькая бездѣлушка. Въ виду этого, вопреки площаднымъ сужденіямъ о великихъ, будто бы, достоинствахъ художественной формы Фета, позволительно утверждать, напротивъ, что превозносить форму Фета въ ущербъ сущности его поэзіи могутъ искренно только тѣ, кому послѣдняя недоступна. Характерно въ этомъ отношеніи, что всѣ хулители Фета начинали обыкновенно съ того, что «отдавали должное» его «умѣнью владѣть стихомъ» и т. д. Они этимъ сами свидѣтельствовали о степени своего критическаго пониманія. Наоборотъ, удивительно вѣрно сознавалъ свой недостатокъ Фетъ, чувствовавшій свой великій даръ и свое плохое умѣнье. О своей музѣ онъ говорилъ:

Цвѣты послѣдніе въ рукѣ ея дрожали,
Отрывистая рѣчь была полна печали,
И женской *прихоти*, и серебристыхъ грезъ,
Невысказанныхъ мукъ и непонятныхъ слезъ.

На ряду съ ней онъ указывалъ на другую, великолѣпную музу древнихъ, замѣтно даже отдавалъ должную дань ея превосходству; но, прибавлялъ онъ,

Мнѣ слуха не ласкалъ языкъ ея *могучій,*
И гибкій, и простой, и звучный безъ созвучій.

Скромный къ самому себѣ, онъ даже еще прямѣе говорилъ про свое дарованіе:

Нѣтъ, не жди ты пѣсни страстной!
Эти звуки—бредъ неясный,
Томный звонъ струны.

До самаго почти конца поэта не оставляла грусть о недосказанности, о непонятности его поэзіи, доходившая даже до какого-то болѣзненнаго желанія, чтобы «Лета поглотила его минутныя мечты»:

Съ солнцемъ склоняясь за темную землю,
Взоромъ весь пройденный путь я объемлю:
Вижу, безслѣдно пустынная мгла
День погасила и ночь привела.
Страннымъ лишь что-то мерцаетъ узоромъ:

Горе минувшее тайнымъ укоромъ,
Въ сбивчивомъ ходѣ несбыточныхъ грезъ,
Тамъ милліоны разсыпало слезъ.
Стыдно и больно, что такъ непонятно
Свѣтятся эти туманныя пятна,
Словно неясно дошедшая вѣсть...
Все бы, ахъ, все бы съ собою унесть!

Такова коренная трудность знакомства съ Фетомъ и проникновенія въ истинную сущность его поэзіи: крупные недостатки поэтической формы. Особая же прелесть этого проникновенія заключается, помимо содержанія, въ характерѣ господствующихъ въ поэзіи Фета настроеній. Ея темы—аристократически избранны, а потому внѣшній кругъ ея содержанія крайне тѣсенъ. Поэтъ хорошо это сознавалъ и умышленно не покидалъ привычнаго его вдохновенію предѣла. Въ стихотвореніи «Горная высь» онъ говоритъ:

Превыше тучъ, покинувъ горы
И наступя на темный лѣсъ,
Ты за собою смертныхъ взоры
Зовешь на синеву небесъ.
Снѣговъ серебряныхъ порфира
Не хочетъ праха прикрывать:
Твоя судьба—на граняхъ міра
Не снисходить, а возвышать.
Не тронетъ вздохъ тебя безсильный,
Не омрачитъ земли тоска;
У ногъ твоихъ, какъ дымъ кадильный,
Віяся, таютъ облака.

Эти великолѣпные стихи всего вѣрнѣе можно примѣнить къ нему самому. Въ дѣлѣ поэзіи его судьба—не снисходить, а возвышать, и потому пониманіе поэзіи Фета—наилучшій эстетическій цензъ; эту мысль и выражаетъ въ боевой формѣ ходячее словечко: кто не любитъ Фета, не понимаетъ поэзіи. При всемъ кажущемся противорѣчіи чертъ его поэтическаго характера, главная особенность его вдохновеній объединяетъ и примиряетъ все разногласіе частностей однимъ общимъ родовымъ свойствомъ. Муза Фета—что-то ѳеирное, легкое и воздушное. Въ ней не слышно ничего тѣлеснаго, ничего земного, хотя она ни на что не закрываетъ глаза. Даже попытки въ антологическомъ родѣ нимало не противорѣчатъ общему отъ нея духовно-цѣломудрен-

ному и чистому впечатлѣнію. Ея вдохновенія — это дѣйствительно какія-то порыванья безплотнаго духа:

И въ сердцѣ, какъ плѣнная птица,
Томится безкрылая пѣсня,

выражался поэтъ о своихъ поэтическихъ концепціяхъ,—или даже еще ярче и воздушнѣе:

Налету весеннихъ порывовъ подвластный,
Дохнулъ я струею, и чистой и страстной,
У плѣннаго ангела съ вѣющихъ крылъ.

Фетъ въ своей поэзіи почти не знаетъ *дѣйствій*: онъ весь живетъ въ восторженныхъ порывахъ духа, въ сосредоточенныхъ созерцаніяхъ. Всѣ наслажденія неожиданно вспыхивающихъ мыслей, всѣ радости намековъ, отъ которыхъ напряженно мыслящему духу внезапно открываются необозримыя дали желанной истины, все счастье открытія, проникновенія—это высшее счастье мыслителя—находимъ мы воплощенными въ изумительныхъ лирическихъ миніатюрахъ Фета. Такіе стихи, какъ, напримѣръ: «Я — лучъ твой, летящій далеко», «Напрасно мыслью жадной ты думы вѣчной догоняешь тѣнь», «Былое стремленье — далеко, какъ отблескъ вечерній», «Крылья растутъ у какихъ-то воздушныхъ стремленій», «Съ лучомъ, просящимся во тьму», «Какъ будто изъ дѣйствительности чудной уносишься въ волшебную безбрежность», «Выше, выше плыву серебристымъ путемъ я, какъ шаткая тѣнь за крыломъ», «Еще темнѣе мракъ жизни вседневной, какъ послѣ яркой осенней зарницы»,—каждый такой стихъ, какъ какой-то вздохъ души, напоминаетъ намъ цѣлый рой знакомыхъ впечатлѣній, мыслей, радостей и печалей. Они намъ по первому взгляду кажутся какъ будто нашими собственными давнишними воспоминаніями, и лишь позднѣе приходитъ намъ въ голову, что это высокія художественныя произведенія. Таково свойство и даръ поэтовъ:

Только у *нихъ* мимолетныя грезы
Старыми въ душу глядятся друзьями.

Эта эѳирность, чистота и духовность поэзіи Фета рѣзко выдѣляетъ его изъ несмѣтнаго множества лириковъ, не исключая даже величайшихъ изъ нихъ. По складу своего ума и дарованія, по *темпераменту мысли*, онъ стоялъ го-

раздо ближе къ философамъ, чѣмъ къ поэтамъ: но совершенно погрузиться въ бездны познанія не пускало его крылатое поэтическое вдохновеніе. Едва ли возможно лучше выразить эту своеобразную духовную двойственность, чѣмъ то сдѣлано Фетомъ въ стихотвореніи «Ласточки». Правда, мысль этого стихотворенія собственно гораздо шире и глубже, чѣмъ только-что высказанная; сравненіемъ съ ныряющею ласточкою поэтъ, очевидно, хотѣлъ намекнуть на коренную жажду сверхчувственнаго, потустороннаго познанія, присущую духу человѣческому; но избранный имъ образъ вполнѣ умѣстенъ и для характеристики философскаго элемента въ его поэзіи.

Природы праздный соглядатай,
Люблю, забывши все кругомъ,
Слѣдить за ласточкой стрѣльчатой
Надъ вечерѣющимъ прудомъ.
Вотъ понеслась и зачертила,—
И страшно, чтобы гладь стекла
Стихіей чуждой не схватила
Молніевиднаго крыла,—
И снова то же дерзновенье
И та же темная струя...
Не таково ли вдохновенье
И человѣческаго *я*?
Не такъ ли я, сосудъ скудельный,
Дерзаю на запретный путь,
Стихіи чуждой, запредѣльной,
Стремясь хоть каплю зачерпнуть?

Таковы особенная трудность и особенная прелесть поэзіи Фета для мыслящаго читателя.

IV.

Героическіе элементы почти безусловно чужды поэзіи Фета, бывшаго художникомъ прежде всего и послѣ всего. Героическіе образы, вообще представленія объ идеальномъ характерѣ поэта, опредѣляются взглядами его на назначеніе поэта въ мірѣ, на значеніе искусства въ человѣчествѣ. Это значеніе въ глазахъ Фета было чисто-эстетическаго свойства; въ искусствѣ онъ видѣлъ исцѣленіе хотя на мигъ отъ муки бытія.

Плѣнительные сны лелѣя наяву,
Своей божественною властью

Я къ наслажденію высокому зову
И къ человѣческому счастью.
Къ чему противиться природѣ и судьбѣ?
На землю сносятъ эти звуки
Не бурю страстную, не вызовы къ борьбѣ,
А исцѣленіе отъ муки,

говорила поэту его муза, въ своей художественной замкнутости принимавшая выходъ изъ ея заколдованнаго круга не иначе, какъ за измѣну своему служенію. Соблазнъ, конечно, являлся и нашему поэту, но не соблазнительнымъ, а жалкимъ. Трудно болѣе граніозно и просто воплотить все величіе несоблазнимаго духа, чѣмъ это сдѣлано Фетомъ.

Когда Божественный бѣжалъ людскихъ рѣчей
И празднословной ихъ гордыни
И голодъ забывалъ и жажду многихъ дней,
Внимая голосу пустыни,—
Его, взалкавшаго, на темя сѣрыхъ скалъ
Князь міра вынесъ величавый:
„Вотъ здѣсь, у ногъ Твоихъ, всѣ царства, — онъ сказалъ:—
Съ ихъ обаяніемъ и славой.
Признай лишь явное. Пади къ моимъ ногамъ,
Сдержи на мигъ порывъ духовный,—
И эту всю красу, всю власть Тебѣ отдамъ
И покорюсь въ борьбѣ неровной“.
Но Онъ отвѣтствовалъ:—„Писанію внемли:
Предъ Богомъ Господомъ лишь преклоняй колѣни“.
И сатана исчезъ,—и ангелы пришли
Въ пустынѣ ждать Его велѣній.

Этотъ жалкій для поэта соблазнъ однакоже для огромнаго большинства является неотразимо привлекательнымъ и могущественнымъ; *слава* въ той или иной формѣ для всѣхъ почти художниковъ высшая цѣль ихъ стремленій, и нерѣдко ради нея готовы они продать свое дарованіе, гоняясь за успѣхомъ и одобреніями толпы. Этой слабости причастны порою даже высшіе представители искусства; болѣе того, великимъ исключеніемъ въ мірѣ художниковъ являются тѣ, кто ей не причастенъ. Однимъ изъ типичнѣйшихъ представителей этой исключительной категоріи художниковъ является Фетъ. Какъ всякій художникъ, онъ горячо желалъ встрѣтить въ мірѣ сочувственный и широкій откликъ на свои произведенія:

...пѣсенъ рой, вослѣдъ за первой пѣсней,
Мой тайный пылъ на волю понесли—

И, трепетнымъ отъ счастія и муки,
Хотѣлось птичкамъ Божіимъ моимъ,
Чтобъ гдѣ-нибудь ихъ налетѣли звуки
На чуткій слухъ, внимать готовый имъ.
Полвѣка ждалъ друзей я этихъ пѣсенъ,
Гадалъ о тѣхъ, кто имъ живой пріютъ!..

Но немногимъ поэтамъ данъ былъ въ этомъ отношеніи такой тяжелый удѣлъ, какъ Фету: его произведенія, вмѣсто того, чтобы возбудить всеобщій восторгъ и поклоненіе, сдѣлались предметомъ самаго ожесточеннаго глумленія, какое только можно себѣ представить. И однакоже до самаго конца дней своихъ не поколебался передъ всѣми насмѣшками и порицаніями этотъ глубоко чувствовавшій обиды отъ современниковъ поэтъ.

Давно познавъ, какъ ранятъ больно
Иныя терніи вѣнцовъ,

онъ однакоже смѣло поставилъ во главѣ четвертаго выпуска «Вечернихъ огней» то изумительное предисловіе, которое не уступаетъ красотой и силою даже лучшимъ его стихотвореніямъ:

«Человѣкъ, не занавѣсившій вечеромъ своихъ освѣщенныхъ оконъ, даетъ доступъ всѣмъ равнодушнымъ, а быть-можетъ, и враждебнымъ взорамъ съ улицы; но было бы несправедливо заключать, что онъ освѣщаетъ комнаты не для друзей, а въ ожиданіи взглядовъ толпы. Послѣ трогательнаго и высокознаменательнаго для насъ сочувствія друзей къ пятидесятилѣтію нашей музы, жаловаться на ихъ равнодушіе намъ, очевидно, невозможно; что же касается до массы читателей, устанавливающей такъ называемую популярность, то эта масса совершенно права, раздѣляя съ нами взаимное равнодушіе: намъ другъ у друга искать нечего. Раскрывая небольшое окошечко четвертаго выпуска въ крайне ограниченномъ числѣ экземпляровъ, мы только желаемъ сказать друзьямъ, что всегда рады ихъ встрѣтить, и что за нашимъ окномъ «Вечерніе огни» еще не погасли окончательно».

Если однако смотрѣть на художника только какъ на художника, на артиста, то героическая роль его, даже при ея высшей идеализаціи, дастъ намъ образъ *жреца,* но не пророка, не учителя, не трибуна. Главная добродѣтель, от-

личающая этотъ стоическій образъ,—неколебимая вѣрность; главный подвигъ, данный на долю жреца,—священнодѣйствіе, невозмутимое никакими внѣшними треволненіями; пользуясь сравненіемъ Шопенгауэра, можно сказать, что это—солнечный лучъ, перерѣзающій ураганъ въ любомъ направленіи и котораго не можетъ ни отклонить, ни разсѣять, ни поколебать никакой ураганъ. И дѣйствительно, самъ Фетъ любилъ представлять себя жрецомъ, одиноко и благоговѣйно священнодѣйствующимъ подъ шумъ близкаго ярмарочнаго разгула:

...я, попрежнему смиренный,
Забытый, кинутый въ тѣни,
Стою колѣнопреклоненный
И, красотою умиленный,
Зажегъ вечерніе огни.

Но это не было безнадежное или бездѣйственное одиночество; наоборотъ, въ своемъ кругу, среди тѣхъ, кто былъ «живымъ пріютомъ» его пѣсенъ, Фетъ былъ героическимъ примѣромъ мужественной и вѣрующей стойкости. Онъ

...былъ для насъ всегда вонъ той скалою,
Взлетѣвшей къ небесамъ,
Подъ бурями, подъ ливнемъ и грозою
Невозмутимый самъ.

Онъ самъ это ясно сознавалъ и всю мощь своего замкнутаго поэтическаго призванія характерно и широко воплотилъ въ пьесѣ «Оброчникъ», такъ великолѣпно открывавшей четвертый выпускъ «Вечернихъ огней», которому суждено было остаться послѣднимъ:

Хоругвь священную подъявъ своей десной,
Иду—и тронулась за мной толпа живая,
И потянулись всѣ по просѣкѣ лѣсной,
И я блаженъ и гордъ, святыню воспѣвая.
Пою—и помысламъ невѣдомъ дѣтскій страхъ:
Пускай на пѣнье мнѣ отвѣтятъ воемъ звѣри,—
Съ святыней надъ челомъ и пѣснью на устахъ,
Съ трудомъ, но я дойду до вожделѣнной двери!

V.

Странно было бы требовать отъ поэта, хотя бы воспитавшаго свое дарованіе на самыхъ утонченныхъ философскихъ ученіяхъ, связнаго и послѣдовательнаго изложенія

системы его взглядовъ, отвлеченной формулировки основъ его міровоззрѣнія. Такія требованія мы можемъ предъявлять къ мыслителю, и онъ долженъ на нихъ отвѣтить; задачи и средства поэта совершенно другія. Міровоззрѣніе человѣка, т.-е. его оптимизмъ или пессимизмъ, его взгляды на сущность жизни, смерти, любви, его пониманіе природы, назначенія человѣка въ мірѣ и задачъ искусства въ человѣчествѣ, его рѣшеніе вопроса о добрѣ и злѣ,—всѣ эти воззрѣнія не представляются отвлеченными и въ психическомъ отношеніи безразличными формулами, въ родѣ математическихъ теоремъ. Они вырабатываются не въ однихъ философахъ, а въ каждомъ изъ насъ, вырабатываются на всемъ нашемъ жизненномъ опытѣ, на утратахъ, на страданіяхъ, радостяхъ и работѣ, при томъ зачастую вырабатываются почти безсознательно, не въ видѣ принциповъ, а въ видѣ психически ассоціированныхъ выводовъ, составляя такъ называемый характеръ человѣка; съ другой стороны, однажды сложившись или уяснившись, эти ассоціаціи или идеи становятся опредѣляющимъ всю дѣятельность каждаго человѣка нравственнымъ факторомъ, вліяя на его рѣшенія, поступки, житейскія связи, симпатіи и антипатіи. Однажды выработанныя такимъ образомъ воззрѣнія и идеи становятся достояніемъ философіи; а ихъ, такъ сказать, *жизненныя окраины*, ихъ возникновеніе изъ опыта и ихъ власть надъ душою составляютъ содержаніе и матеріалъ поэзіи. Сказать, что все тлѣнно—есть истина; но когда она сознаётся глубоко страдающимъ въ минуту утраты умирающаго друга человѣкомъ—эта истина становится лирическою темою. Равнымъ образомъ она можетъ послужить достаточнымъ внушеніемъ эпикурейской поэзіи Парни и хотя бы мрачнаго «Довольно» Тургенева. Но, съ другой стороны, житейскія впечатлѣнія становятся предметами поэзіи лишь въ качествѣ окраинъ міровоззрѣнія, а не сами по себѣ. Просвѣтляющая радость, просвѣтляющее страданіе, борьба страсти и долга, сердце человѣческое среди природы, разумныя рѣшенія и слѣпыя случайности—вотъ основныя темы всѣхъ поэтовъ міра. Радость сама по себѣ, страданіе само по себѣ являются предметомъ не поэта, но психолога или физіолога.

Страдать! Страдаютъ всѣ,—страдаетъ темный звѣрь
  Безъ упованья, безъ сознанья;

Но передъ нимъ туда навѣкъ закрыта дверь,
Гдѣ радость теплится страданья.

Отсюда философское значеніе поэтовъ и сводится къ тому, что они «хватаютъ на лету и закрѣпляютъ вдругъ» именно эти жизненныя окраины своего міровоззрѣнія, подсказывая тѣмъ даже не философскому, но богатому опытомъ уму или чуткому сердцу философскія размышленія и, наоборотъ, философа съ высоты его парящихъ вдохновеній вдругъ волшебствомъ какимъ-то вводя въ «запутанность и сложность» мельчайшихъ жизненныхъ отношеній, провѣряя восторгами и стонами страдающаго духа его безстрастную работу мысли. Поэзія, если можно такъ выразиться, прикладная философія, и поэты въ извѣстномъ смыслѣ столь же самобытны и зависимы отъ философіи, какъ инженеры и техники—отъ теоретической физики.

Средство и въ то же время цѣль поэтовъ, при увѣковѣченіи въ образахъ и словѣ творческихъ комбинацій жизненной стороны философскихъ умозрѣній,—красота. Красота сближаетъ человѣка съ міромъ, роднитъ душу съ тѣломъ, какъ безтѣлесныя идеи разлучаютъ ихъ, претворяя для мыслителя тѣла̀ и міръ въ понятія и чистое бытіе. Тѣла̀ и явленія для мыслителя—оболочка, покрывало Майи, текущая ложь бытія, отъ которой они стремятся разоблачить сущность вещей; поэтъ же стремится угадать эту сущность сквозь покрывало, намекнуть на идеи красотой оболочки, найти въ вѣчномъ потокѣ преходящихъ явленій отраженія вѣчно-сущаго бытія. Если познающій духъ рвется изъ міра, то красота возвращаетъ его. Между тѣмъ красота—вездѣ и во всемъ. Правда,

Только пчела узнаётъ въ цвѣткѣ затаенную сладость,
Только художникъ на всемъ чуетъ прекраснаго слѣдъ,

но во всякомъ случаѣ онъ чуетъ его и, гдѣ находитъ, миритъ человѣка съ міромъ, душу съ тѣломъ. Страданія и радости—это подымающіяся и падающія волны житейскаго опыта, изъ нѣдръ котораго возникаетъ прекрасная идея. Страданіе—боль, но эта боль—подножіе тѣхъ просвѣтлѣній, которыми одухотворено мірозданіе. Таково по существу дѣла основное отношеніе къ міру каждаго художника—пантеистическое и оптимистическое. Но въ немъ самомъ ко-

ренится глубокій разладъ, разрѣшеніе котораго всегда составляетъ основную мысль каждаго крупнаго и мелкаго художника.

Никто не можетъ быть только художникомъ, только артистомъ; наоборотъ, человѣкъ лишь въ нѣкоторыя минуты своей жизни способенъ къ настроенію,—такъ называемому вдохновенію,—при которомъ одномъ возможно служеніе своему творческому призванію. За вычетомъ этихъ исключительныхъ минутъ,

Когда съ осанкою свободной
Поэтъ на будущность глядитъ,
И міръ мечтою благородной
Предъ нимъ очищенъ и обмытъ,

поэтъ остается человѣкомъ, заблуждающимся, страдающимъ, трудящимся ради куска хлѣба, поглощеннымъ мелочами вседневной жизни. Тому, кто страдаетъ, не до красоты своего страданія; тому, кто раздраженъ и возмущенъ, не до примиренія съ міромъ; тому, кто совершаетъ свой поденный, ремесленный трудъ, не до поэтическихъ прозрѣній въ сущность вещей. Нерѣдко даже старыя раны своею незаживающею болью разстраиваютъ вдохновеніе, затемняютъ сужденіе поэта, приходящаго въ міръ, чтобы оправдать его передъ людьми. Тотъ самый поэтъ, который

...понялъ тѣ *слезы* и понялъ тѣ *муки*,
Гдѣ слово нѣмѣетъ, гдѣ царствуютъ звуки,
Гдѣ слышишь не пѣсню, а душу пѣвца,
Гдѣ духъ покидаетъ ненужное тѣло,
Гдѣ внемлешь, что радость не знаетъ предѣла,
Гдѣ вѣришь, что счастью не будетъ конца,

который обращался къ мечтательной тѣни:

Когда бы ты знала, какимъ сиротливымъ,
Томительно-*сладкимъ*, безумно-*счастливымъ*
Я *горемъ* въ душѣ опьяненъ,—
Безмолвно прошла бъ ты воздушной стопою,
Чтобъ даже своей благовонной стезею
Больной не смутила мой сонъ,—

этотъ самый поэтъ въ минуту охватившаго его глубокаго страданія, забывая все, кромѣ гнетущей боли неизлѣчимыхъ воспоминаній, страстно восклицалъ:

О, какъ ничтожно все! Отъ жертвы жизни цѣлой,
Отъ этихъ пылкихъ жертвъ и подвиговъ святыхъ—

Лишь тайная тоска въ душѣ осиротѣлой
Да тѣни блѣдныя у лепестковъ сухихъ!

Или еще ярче въ другомъ мѣстѣ:

Бѣжать?—Куда? Гдѣ правда? Гдѣ ошибка?
Опора гдѣ, чтобъ руки къ ней простерть?
Что ни расцвѣтъ живой, что ни улыбка—
Уже подъ ними торжествуетъ смерть.

Это мучительное настроеніе сливается даже у него въ какой-то волшебный аккордъ упоительно-прекрасной скорби, въ преувеличенно-гнѣвныя восклицанія, которыя не имѣютъ себѣ ничего подобнаго во всемірной литературѣ:

Не жизни жаль съ томительнымъ дыханьемъ:
Что жизнь, и смерть!.. А жаль того огня,
Что просіялъ надъ цѣлымъ мірозданьемъ—
И въ ночь идетъ!.. И плачетъ, уходя!

Невольное противорѣчіе человѣка съ художникомъ доходитъ у Фета иногда даже до прямого негодованія на близкихъ ему, какъ человѣку, читателей, которые за красотою поэтическаго выраженія не видятъ живой томительной боли, его внушившей. «Любуясь заревомъ дальняго пожара,—восклицаетъ онъ:—неужели ты не подумала, что тамъ, быть-можетъ, люди гибнутъ въ эту минуту? Неужели мои стихи внушаютъ тебѣ одно наслажденіе и не подсказываютъ той любви и жалости, о которыхъ я втайнѣ мечтаю?»

Когда читала ты мучительныя строки,
Гдѣ сердца звучный пылъ сіянье льетъ кругомъ
И страсти роковой вздымаются потоки,—
　　Не вспомнила ль о чемъ?
Я вѣрить не хочу! Когда въ степи, какъ диво,
Въ полночной темнотѣ безвременно горя,
Вдали передъ тобой, прозрачно и красиво,
　　Вставала вдругъ заря,
И въ эту красоту невольно взоръ тянуло,
Въ тотъ величавый блескъ за темный весь предѣлъ,—
Ужель ничто тебѣ въ то время не шепнуло:
　　Тамъ —человѣкъ сгорѣлъ?

Этотъ роковой разладъ поэта съ человѣкомъ, породившій столько печальныхъ явленій въ нашей литературѣ, погубившій столько прекрасныхъ дарованій и вызвавшій столько фальшивыхъ въ художественномъ отношеніи пьесъ, былъ въ полной его глубинѣ и силѣ пережитъ Фетомъ и разрѣшенъ

имъ вполнѣ свободно и прямо. Онъ сумѣлъ воздать кесарево — кесарю, а Божіе — Богу. Онъ сумѣлъ страдать и оставаться поэтомъ. Трепетная полнота бытія, восторгъ и вдохновеніе—вотъ то, чѣмъ осмыслено страданіе, вотъ гдѣ примирены артистъ и человѣкъ. О чемъ ни спроси меня смерть, я, пока живъ, на все могу отвѣтить ей тѣмъ, что буду жить:

А я дышу—живу—и понялъ, что въ незнаньи
Одно прискорбное, а страшнаго въ немъ нѣтъ.

Въ самомъ кипѣньи живой жизни, въ полнотѣ ея аккордовъ, въ гармоническомъ великолѣпіи красокъ ея, въ кипучей и быстрой смѣнѣ ея впечатлѣній разрѣшаются въ глазахъ Фета ея мгновенныя и преходящія противорѣчія. И сама природа отвѣчаетъ ему устами самаго жизнерадостнаго и плѣнительнаго своего созданія—воплощеннаго мгновенія—бабочки:

Ты правъ. Однимъ воздушнымъ очертаньемъ
Я такъ мила.
Весь бархатъ мой съ его живымъ миганьемъ —
Лишь два крыла.
Не спрашивай, откуда появилась,
Куда спѣшу:
Здѣсь на цвѣтокъ я легкій опустилась —
И вотъ—дышу...
Надолго ли, безъ цѣли, безъ усилья
Дышать хочу?—
Вотъ-вотъ сейчасъ—сверкнувъ, раскину крылья —
И улечу!

Эту вотъ особенность — изумительное равновѣсіе человѣка съ художникомъ въ силу внутренней, волевой энергіи, въ силу эстетичности природы Фета — и необходимо прежде всего отмѣтить у «поэта философовъ».

VI.

Но мало быть бодрымъ и яснымъ душою, мало обладать способностью постоянной душевной готовности жить и умереть, страдать и радоваться, любить и любоваться: въ жизни приходится дѣйствовать, приходится принимать тѣ или другія рѣшенія въ зависимости отъ своихъ нравственныхъ воззрѣній, отъ пониманія добра и зла. И въ этой области нравственныхъ вопросовъ каждаго художника ожидаетъ но-

вый разладъ, новая загадка, ставимая жизнью. Художникъ, чуя на всемъ слѣды прекраснаго, красотою міра покупая примиреніе съ нимъ у тревожнаго человѣческаго духа, не можетъ являться нравственнымъ судьей явленій, осуждать и хвалить во имя этическихъ требованій. Онъ — искатель красоты въ мірѣ, т.-е. въ его добрѣ и злѣ, въ его свѣтлыхъ и мрачныхъ областяхъ, совершенно независимо отъ ихъ нравственнаго содержанія. Поэтъ воспѣваетъ красоту тамъ, гдѣ ее находитъ, хотя бы то была красота зла или порока. Демонъ—такой же предметъ поэзіи, какъ свѣтлый ангелъ; драконы, змѣи внушали поэтамъ произведенія безсмертной красоты и силы. Безспорно, красоту поэтъ находитъ только какъ красоту и не оправдываетъ ею зла или порока; далеко нѣтъ; но зло безусловное, *чистое зло,* есть невозможность, есть ничто, абсолютный холодъ, абсолютное небытіе; то зло, которое мы въ мірѣ видимъ и находимъ, не есть безусловное зло, и міръ имъ не опороченъ безусловно; оно входитъ въ міръ, какъ одинъ изъ его элементовъ, и въ полномъ своемъ ужасѣ, чистымъ зломъ, никогда не является нашему взору. Потому поэтъ, находя красоту зла, не оправдываетъ зла, но только тотъ міръ, въ которомъ зло возможно, указывая красотою зла на то, какъ оно условно и случайно въ мірѣ, какъ оно является лишь однимъ изъ элементовъ явленій, никогда не будучи ихъ сущностью. Но это поэтическое примиреніе со зломъ опять-таки допустимо и возможно только для художника. Человѣкъ не можетъ съ нимъ мириться, болѣе того: не можетъ съ нимъ не бороться. Онъ долженъ обладать яснымъ и твердымъ критеріемъ добра и зла, долженъ строго дѣлить все его окружающее между этими двумя нравственными категоріями. Созерцать міръ можно съ полнымъ безразличіемъ, но дѣйствовать безразлично—это чистый nonsens, понятіе, себѣ самому противорѣчащее. И вотъ этотъ нравственный конфликтъ опять-таки встрѣтилъ широкое и полное разрѣшеніе въ поэзіи Фета. Намекая на преданіе о грѣхопаденіи человѣка, онъ поэтически изобличаетъ древняго искусителя въ стихотвореніи «Добро и зло».

Два міра властвуютъ отъ вѣка,
Два равноправныхъ бытія:
Одинъ—объемлетъ человѣка;

Другой—душа и мысль моя.
И какъ въ росинкѣ чуть замѣтной
Весь солнца ликъ ты узнаёшь,
Такъ слитно въ глубинѣ завѣтной
Все мірозданье ты найдешь.
Не лжива юная отвага:
Согнись надъ роковымъ трудомъ—
И міръ свои раскроетъ блага:
Но быть не мысли божествомъ
И даже въ часъ отдохновенья,
Подъемля потное чело,
Не бойся горькаго сравненья
И различай добро и зло.
Но если на крылахъ гордыни
Познать дерзаешь ты, какъ богъ,—
Не заноси же въ міръ святыни
Своихъ невольничьихъ тревогъ:
Пари, всезрящій и всесильный,—
И съ незапятнанныхъ высотъ
Добро и зло, какъ прахъ могильный,
Въ толпы людскія отпадетъ.

«Два равноправныхъ бытія» составляютъ мірозданіе,—начинаетъ поэтъ,—макрокосмъ и микрокосмъ, міръ и *я* человѣка. Они равноправны, и каждое изъ нихъ въ отдѣльности включаетъ въ себя самодовлѣющую полноту бытія; но зато каждому изъ нихъ отведена эта сфера, соприкасающаяся, но не совпадающая со сферою другого. Заблужденіе человѣчества кроется въ томъ, что въ предѣлѣ чистаго, трансцедентнаго умозрѣнія оно стремится найти основныя начала этики, что оно не анализируетъ словъ древняго змія и думаетъ, что одно—быть Богомъ и познать добро и зло. Но змій солгалъ: божественное познаніе не включаетъ въ себя добра и зла; добро и зло знаетъ только наша земная воля, та воля, которая была изгнана въ міръ изъ блаженства умозрѣнія, дабы, въ потѣ лица своего снѣдая хлѣбъ свой, человѣкъ созналъ, что не въ познаніи добра и зла лежитъ сущность божественнаго разума. Божественный духъ, человѣческое *я*, равноправное съ божественнымъ твореніемъ, т.-е. мірозданіемъ, исключаетъ всякую мысль о добрѣ и злѣ, отпадающую, какъ могильный прахъ, въ людскія толпы съ незапятнанныхъ высотъ чистаго умозрѣнія или вдохновенія; всезрящій и всесильный, окрыленный самодовлѣющимъ восторгомъ, мыслящій духъ свободно паритъ въ своихъ всеобъемлющихъ созерцаніяхъ, не зная ни

добра ни зла. Иное дѣло наша земная воля, обреченная на трудъ и борьбу. Ей необходимо знаніе добра и зла, пока она совершаетъ свой поденный трудъ. «Не лжива юная отвага»; не лжива та кипящая молодость, которая стремится къ познанію добра и зла, если только она не поддалась нашептыванью змія и не помыслила стать божествомъ въ своемъ достигнутомъ познаніи. Трудись, зарабатывай въ потѣ лица свой хлѣбъ,—и міръ дастъ тебѣ миръ и счастье, раскроетъ свои блага. Но зато довольствуйся, труженикъ, этою побѣдою, «быть не мысли божествомъ», даже когда, въ минуты отдохновенія, ты подымаешь свое «потное» чело къ небу, къ вѣчности, вдохновенію, истинѣ и красотѣ. И тутъ не долженъ ты бояться «горькаго сравненья», подсказаннаго тебѣ твоими «невольничьими тревогами», и тутъ долженъ ты различать добро и зло, какъ сынъ земли, понимая даже небесное лишь въ предѣлахъ этихъ моральныхъ категорій. Едва ли нужно дѣлать окончательный выводъ, ясно вытекающій изъ этого грандіознаго по глубинѣ замысла и совершенству выполненія стихотворенія: добро и зло—для человѣка, красота—для художника. Пусть красота порока и зла, чуемаго художникомъ, не затемнитъ въ человѣкѣ отвращенія отъ зла и порока, и пускай узкія требованія «невольничьей» морали не стѣсняютъ вольныхъ воззрѣній творческаго духа. Оба міра равноправны; потому въ обоихъ царствахъ съ различными законами должно умѣть оставаться свободнымъ.

VII.

Изъ изложеннаго, повидимому, ясны основныя черты поэтическаго міросозерцанія Фета: его отношеніе къ людямъ, отношеніе къ міру и его нравственныя воззрѣнія. Художникъ, жрецъ прекраснаго, неколебимо вѣрный своему призванію, не соблазняющійся никакою славою, хотя пламенно ея желающій, онъ съ удивительной уравновѣшенностью умѣетъ сознавать грани житейскихъ заботъ и поэтическихъ настроеній. Въ немъ человѣкъ никогда не порабощаетъ художника, и, наоборотъ, художникъ не убиваетъ чувствующаго, страдающаго и жаждущаго любви человѣка. Всѣ влеченія души его свободны и въ то же время гармоничны. Обрисовавъ однакоже микрокосмъ этой поэзіи,

необходимо выяснить философскіе элементы ея макрокосма, указать на умозрительную сущность особенностей художественнаго творчества Фета, очертить, такъ сказать, внѣшній кругъ ея содержанія. Чтò находитъ поэтъ въ этомъ замкнутомъ, заколдованномъ кругу? Чтò видитъ въ мірѣ его восторженное вдохновеніе?—Какъ и слѣдовало ждать—красоту. При томъ, какъ всякій художникъ, посколько онъ художникъ, Фетъ—пантеистъ. Онъ не углублялся въ критическія утонченности философіи Канта, но взялъ ее въ томъ видѣ, какъ она преломилась въ художественной призмѣ философіи Шопенгауэра. Великаго вопроса о сущности соприкосновенія духа и міра, или, выражаясь терминами Шопенгауэра, о principium individuationis воли къ жизни, Фетъ не разрѣшалъ теоретически, такъ какъ онъ на практикѣ рѣшенъ съ момента возникновенія на землѣ органической жизни; для поэта достаточно того, что вопросъ поставленъ и объектъ его разрѣшенія налицо; какъ бы ни былъ рѣшенъ этотъ вопросъ, отъ того единство духа и міра, которое мы видимъ теперь, не нарушится, не станетъ неразрывнѣй; а смыкающее ихъ воедино первоначало, котораго не уяснила философія и которое по-своему дала человѣчеству религія, — это первоначало и поэзія можетъ предугадывать зримыми образами:

И все, чтò мчится по безднамъ эѳира,
И каждый лучъ, плотской и безплотный,
Твой только образъ, о, *солнце міра*,
И только сонъ,—только сонъ мимолетный!

Въ блистающемъ первообразѣ «солнца міра» для поэта сливались духъ и тѣло, «плотскіе и безплотные лучи», роднились міръ и вдохновеніе. Обращаясь къ звѣздамъ, свѣтъ которыхъ доходитъ къ намъ лишь черезъ тысячелѣтія сквозь неизмѣримость мірового пространства, и которыхъ лучи все еще сіяютъ намъ, хотя самыя звѣзды, быть-можетъ, угасли уже тысячи лѣтъ тому назадъ, онъ даже восклицаетъ, по-новому выражая ту же мысль въ стихотвореніи «Угасшимъ звѣздамъ»:

Долго ль впивать мнѣ мерцаніе ваше,
Синяго неба пытливыя очи?
Долго ли чуять, что выше и краше
Васъ ничего нѣтъ во храминѣ ночи?

Можетъ-быть, нѣтъ васъ подъ тѣми огнями —
Давняя васъ погасила эпоха...
Такъ и по смерти летѣть къ вамъ стихами,
Къ призракамъ звѣздъ, буду призракомъ вздоха!

Такимъ образомъ самый духъ человѣческій въ его высшихъ и отвлеченнѣйшихъ проявленіяхъ вводитъ онъ, какъ неизъемлемое звено, въ неразрывную цѣпь мірозданія—

И равны всѣ звенья предъ Вѣчнымъ
Въ цѣпи непрерывной творенья,
И жизненнымъ трепетомъ общимъ
Исполнены чудныя звенья.

Это нѣсколько похоже на матеріализмъ; но сходство здѣсь только кажущееся. Прежде всего надо замѣтить, что и вообще пантеизмъ весьма близко граничитъ съ матеріализмомъ и дѣлится отъ него лишь очень тонкою, для поверхностныхъ умовъ нерѣдко даже вовсе неуловимою чертой. Еще ближе возможность отожествить эти міровоззрѣнія въ поэзіи, гдѣ образы и намеки художника очень далеки отъ строгости и точности опредѣленій мыслителя, тѣмъ болѣе, что искусство имѣетъ дѣло съ формами, т.-е. свойствами матеріи, стремясь идеи выражать въ ихъ конкретныхъ отраженіяхъ, отыскивая мысль въ образахъ, душу въ тѣлахъ. По существу же дѣла нѣтъ поэта болѣе далекаго отъ матеріализма, чѣмъ Фетъ: онъ мистикъ даже въ большей степени, чѣмъ пантеистъ. Во всемъ безконечномъ разнообразіи міровыхъ явленій онъ видѣлъ и находилъ сверхчувственное начало, воплощенное въ мірѣ, какъ цѣломъ; можно даже сказать, что безсмертіе и вѣчность міра въ его цѣломъ, недолговѣчность и призрачность отдѣльныхъ преходящихъ явленій, причастныхъ однакоже міровому безсмертію, какъ неизъемлемыхъ звеньевъ «въ цѣпи непрерывной творенья» — основная идея Фета. Но это безсмертіе и эта вѣчность свойственны въ своей безусловной полнотѣ лишь «солнцу міра» и человѣческому *я*, человѣческому творческому духу. Это изумительное равенство духа и міра, даже превосходство духа надъ міромъ, его трансцедентность, представлялись поэту чудомъ изъ чудесъ, чудомъ по преимуществу, вызывавшимъ въ немъ глубокое, восторженное изумленіе.

Не тѣмъ, Господь, могучъ, непостижимъ
Ты предъ моимъ мятущимся сознаньемъ,

Что въ звѣздный день Твой свѣтлый серафимъ
Громадный шаръ зажегъ надъ міросозданьемъ
И мертвецу съ пылающимъ лицомъ
Онъ повелѣлъ блюсти Твои законы,—
Все пробуждать живительнымъ лучомъ,
Храня свой пылъ столѣтій милліоны:—
Нѣтъ, Ты могучъ и мнѣ непостижимъ
Тѣмъ, что я самъ, безсильный и мгновенный,
Ношу въ груди, какъ оный серафимъ,
Огонь сильнѣй и ярче всей вселенной.
Межъ тѣмъ какъ я - добыча суеты,
Игралище ея непостоянства,—
Во мнѣ—онъ вѣченъ, вездѣсущъ, какъ Ты
Ни времени не знаетъ, ни пространства.

Потому въ безсмертномъ мірѣ *наиболѣе безсмертно* (если можно такъ выразиться) человѣческое *я* съ его вдохновеніями и прозрѣніями въ сущность вещей. Въ глазахъ Фета художникъ, какъ Мидасъ (недаромъ получившій свою способность отъ бога поэзіи—Аполлона), однимъ своимъ прикосновеніемъ, однимъ своимъ упоминаніемъ превращаетъ въ чистое золото поэзіи каждую пылинку во внѣшнемъ мірѣ:

Этотъ листокъ, что̀ изсохъ и свалился,—
Золотомъ вѣчнымъ горитъ въ пѣснопѣньи.

Болѣе того, въ параллель геніальному обѣщанію Катулломъ безсмертія какому-то Равиду за то, что тотъ своею назойливою глупостью заставилъ поэта въ сердцахъ поглумиться надъ нимъ, Фетъ пишетъ изумительно-прекрасное стихотвореніе:

Если радуетъ утро тебя,
Если въ пышную вѣришь примѣту,—
Хоть на время, на мигъ полюбя,
Подари эту розу поэту:
Хоть полюбишь кого, хоть снесешь
Не одну ты житейскую грозу,
Но въ стихѣ умиленномъ найдешь
Эту вѣчно душистую розу.

Въ безподобномъ стихотвореніи «Теперь» онъ даже чуть не въявь заставляетъ каждаго читателя почувствовать безсмертное вѣяніе поэтическаго порыва.

VIII.

Мистически объединяя въ «солнцѣ міра» духъ и матерію, признавая центральное положеніе и централизующее значеніе человѣческаго *я* въ природѣ, Фетъ однакоже далеко и рѣзко расходился съ мыслителями въ отношеніи къ природѣ. Правда, онъ говоритъ въ одномъ изъ геніальнѣйшихъ своихъ стихотвореній:

Пока душа кипитъ въ горнилѣ тѣла,
Она летитъ, куда несетъ крыло.
Не говори о счастьѣ, о свободѣ
Тамъ, гдѣ царитъ желѣзная судьба:
Сюда! Сюда! Не рабство здѣсь природѣ,
Она сама здѣсь вѣрная раба.

Но въ то же время, умѣя такъ тонко и глубоко чувствовать присущее духу человѣческому стремленіе въ область трансцедентнаго (ср., напримѣръ, приведенное выше стихотвореніе «Ласточки»), Фетъ былъ художникомъ съ совершенно исключительно развитымъ чувствомъ красоты. Вся цѣльность и восторженность его стремительнаго ума наиболѣе наглядно сказывалась именно въ культѣ красоты. Художникъ тончайшаго закала, онъ дѣйствительно умѣлъ всѣ явленія міра воспринимать съ чисто-эстетической точки зрѣнія. Понимая, что природа—раба въ области духа, онъ зато спокойно созерцалъ природу въ ея области помимо всякихъ требованій во имя принциповъ, внѣ ея лежащихъ. Онъ бралъ природу такъ, какъ она есть:

Не разъ подъ оболочкой зримой
Онъ самоё ее узрѣлъ —

и за то она довѣрчиво и прямо раскрывала своему «любимому» поэту самыя завѣтныя красоты, очарованія и тайны. Большей близости къ природѣ, чѣмъ та, которая проникаетъ произведенія Фета, невозможно себѣ представить: никакихъ олицетвореній въ описаніяхъ, никакихъ фальшивыхъ одухотвореній міра, никакихъ украшеній дѣйствительности; одно простодушное стремленіе воспроизводить природу безо всякаго поползновенія что-нибудь въ ней улучшить, исправить, подчеркнуть. Правда, въ описаніяхъ Фета часто встрѣчаются миѳологическіе образы, даже алле-

горическія уподобленія; Аврора, Фебъ, Ночь, Амфитрита упоминаются имъ почти такъ же часто и упорно, какъ любымъ псевдоклассическимъ поэтомъ; но эти образы и аллегоріи лишь напоминаютъ о присутствіи человѣка въ природѣ, а не о той розни ихъ, которую такъ болѣзненно-чутко ощущалъ, напримѣръ, Тютчевъ. Въ аккордѣ мірозданія человѣкъ—необходимый звукъ; но если бы этотъ звукъ не звучалъ самъ по себѣ, какъ самобытный интервалъ, то не было бы и аккорда: былъ бы стонъ или радостный вопль въ унисонъ, а не безконечно-подвижная гармонія бытія. Иное дѣло, когда человѣкъ подчиняетъ—какъ у Тютчева—своимъ настроеніямъ, своимъ радостямъ и печалямъ «равнодушную природу»; но иное дѣло, когда художникъ уловляетъ настроеніе природы и гармонирующимъ звукомъ вводитъ свой голосъ въ ея стихійный аккордъ. Въ своихъ описаніяхъ природы Фетъ прямо вступаетъ въ ея царство, какъ вспархивающая птичка, какъ расцвѣтающій цвѣтокъ, которые ничего и никого не спугнутъ, которые ничего не разстроятъ и не нарушатъ. Художественное чувство Фета не чуждо природѣ, какъ чуждъ ей самодержавно-творческій разумъ человѣка. Это умѣнье отрѣшиться отъ всего царственно-духовнаго въ созерцаніи природы, это художественное умѣнье быть сыномъ ея, а не деспотомъ, такъ непосредственно и глубоко у Фета, что въ своихъ описаніяхъ природы онъ умѣлъ быть безукоризненно вѣрнымъ ея мельчайшимъ частностямъ и оттѣнкамъ, несмотря на все несовершенство своей поэтической техники. Своимъ вычурнымъ, запутаннымъ и стремительнымъ словомъ онъ изображалъ ея явленія такъ же вѣрно, близко и точно, какъ немногимъ живописцамъ удается правдивой и обдуманной кистью. Какъ легендарные пустынножители, понимавшіе птицъ и съ трудомъ понятные людямъ, отъ которыхъ они отвыкали въ своемъ уединеніи, Фетъ иной разъ прямо нарушаетъ законы стиля, грамматики и даже логики, но всегда неукоснительно вѣренъ природѣ. Повидимому, послѣднее не нуждается въ подтвержденіи выдержками, потому что любая выдержка можетъ послужить достаточнымъ подтвержденіемъ сказанному.

Эта уравновѣшенность, въ силу которой художнику были доступны

И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье,

въ силу которой ничто не ускользнуло отъ его зоркости и чуткости, и дала ему способность и духъ человѣческій наблюдать въ его сокровеннѣйшихъ проявленіяхъ, уловляя тончайшіе оттѣнки чувствъ и настроеній, слышать, «какъ сердце цвѣтетъ», по его собственному выраженію. Какъ горныя озера на днѣ глубокихъ ущелій и въ ясный полдень отражаютъ звѣзды, такъ гармоничное творчество поэта въявь уловляло полусознательныя чувства и ощущенія, которыя заглушены въ менѣе уравновѣшенныхъ сердцахъ житейскими тревогами и внутреннимъ разладомъ. Самыя мимолетныя грезы, исчезающія при малѣйшемъ дыханьи «посторонней суеты», довѣрчиво кружились въ могучемъ вѣяньи поэтическаго вдохновенія Фета; самые неуловимые переходы ощущеній и настроеній зримо являлись его богатому воображенію, мгновенно воплощаясь въ образы удивительной вѣрности и яркости. Самыя сокровенныя тонкости нѣжнѣйшихъ чувствъ онъ уловлялъ въ душѣ своей, какъ оттѣнки заката на небѣ, какъ движеніе морской волны по отмели. Это поэтическое самонаблюденіе въ немъ не было тѣмъ несноснымъ ухаживаньемъ и подглядываньемъ за собственной особою, которое такъ нарушаетъ цѣльность произведеній многихъ, даже весьма значительныхъ по размѣрамъ и силамъ дарованія, поэтовъ; нѣтъ, это именно былъ результатъ той уравновѣшенности и свободы душевной, въ силу которой каждая струна его сердца могла звучать отдѣльно отъ другихъ. Такъ называемая «сложность» натуры нерѣдко является лишь грубостью или неразвитостью души, не владѣющей своими чувствами и ощущеніями, ступающей всею ступнею ноги съ неподвижными пятью пальцами, тогда какъ подвижные пальцы рукъ каждый въ отдѣльности способны къ мельчайшимъ и осторожнѣйшимъ самостоятельнымъ движеніямъ. Благодаря этой безпримѣрной свободѣ и уравновѣшенности духа Фетъ и далъ тѣ изумительныя произведенія, единственныя во всемірной литературѣ по филигранной психологической тонкости, которыя самъ называлъ «мелодіями» и характеръ которыхъ представляется характернѣйшею внѣшней особен-

ностью его дарованія, такъ что именно къ ихъ числу принадлежитъ наиболѣе прославленное, дѣйствительно прелестное его стихотвореніе «Шопотъ, робкое дыханье».

Живое чувство красоты было такъ сильно у Фета и такъ полно захватывало его душу, что, довѣряясь минутнымъ преувеличеніямъ своего восторга, онъ нерѣдко бывалъ готовъ позабыть великое значеніе человѣческаго духа, его *равноправность* міру, бывалъ готовъ унижать свое вдохновеніе передъ пышною полнотою земного бытія.

Кому вѣнецъ—богинѣ ль красоты
Иль въ зеркалѣ ея изображенью?
Поэтъ смущенъ, когда дивишься ты
Богатому его воображенью:
Не я, мой другъ, а Божій міръ богатъ,
Въ пылинкѣ онъ лелѣетъ жизнь и множитъ,
И, что̀ одинъ твой выражаетъ взглядъ,
Того поэтъ пересказать не можетъ—

говорилъ онъ нѣсколько разъ и разными словами.

Только пѣснѣ нужна красота,
Красотѣ же и пѣсенъ не надо—

вотъ что̀ было нерѣдко его искреннимъ убѣжденіемъ.

Людскія такъ грубы слова—
Ихъ даже нашептывать стыдно!
На цвѣтъ, проглянувшій едва,
Смотрѣть при тебѣ мнѣ завидно.
Вотъ роза раскрыла уста:
Въ нихъ дышитъ моленье нѣмое,
Чтобъ ты пребывала чиста,
Какъ сердце ея молодое.
Вотъ, нѣжа дыханье и взоръ,
Отъ счастія роза увяла—
И свой благовонный уборъ
Къ твоимъ же ногамъ разроняла!

Но проходила минута артистическаго восхищенія, поэтъ углублялся въ себя—и вдохновеніе торжественно вступало въ свои права:

...я иду по шаткой пѣнѣ моря
Отважною, нетонущей ногой.
Я пронесу твой свѣтъ чрезъ жизнь земную!
Онъ мой! И съ нимъ двойное бытіе
Вручила ты,—и я, я торжествую,
— Хотя на мигъ—безсмертіе твое!

IX.

Итакъ, жизнерадостный гимнъ неколебимо замкнутаго въ своемъ призваніи художника-пантеиста изящному восторгу и просвѣтлѣнію духа среди прекраснаго міра—вотъ что̀ такое по своему философскому содержанію поэзія Фета. Въ этой характеристикѣ не хватаетъ теперь лишь одной, заключительной черты,—именно отношенія поэта къ загадкѣ небытія. Энергія жизненности такъ напряженно-сильна у Фета, какъ едва ли у какого-нибудь другого поэта въ мірѣ. Безтрепетное спокойствіе передъ лицомъ смерти, не доходящее, правда, до своей высшей степени—до юмористическаго благодушія, съ которымъ народныя пѣсни называютъ ее «злодѣй скорая *смерётушка»*, потому что юморъ вообще несвойственъ суровой поэзіи Фета,—но допускающее возможность встрѣтить смерть съ улыбкою, красною нитью проходитъ черезъ все его творчество. Далекій отъ культа смерти, онъ однакоже съ открытыми глазами, ясно и мирно встрѣчаетъ ея появленіе:

...кто не молитъ и не проситъ,
Кому страданье не дано,
Кто жизни злобно не поноситъ,
А молча, сознавая, носитъ
Твое могучее зерно,
Кто дышитъ съ равнымъ напряженьемъ,—
Того, безмолвна, посѣти,
Повѣя полнымъ примиреньемъ,
Ему предстань за сновидѣньемъ
И тихо вѣжды опусти—

говорилъ поэтъ еще въ первой половинѣ своей поэтической дѣятельности. Весеннія грезы, весеннія ощущенія навѣвали ему на душу какія-то свѣтлыя и фантастическія предчувствія смерти:

Еще весна. Какъ будто неземной
Какой-то духъ ночнымъ владѣетъ садомъ.
Иду я молча, медленно,—и рядомъ
Мой темный профиль движется со мной.
Еще аллей не сумраченъ пріютъ,—
Между вѣтвей небесный сводъ синѣетъ,
А я иду—душистый холодъ вѣетъ
Въ лицо—иду—и соловьи поютъ...
Несбыточное грезится опять,

Несбыточное въ нашемъ бѣдномъ мірѣ,
И грудь вздыхаетъ радостнѣй и шире,
И вновь кого-то хочется обнять.
Придетъ пора,—и скоро, можетъ-быть,—
Опять земля взалкаетъ обновиться,
Но это сердце перестанетъ биться
И ничего не будетъ ужъ любить.

Мысль о ясной смерти, увѣнчивающей ясную артистическую жизнь, не измѣняла ему отъ молодости до поздней старости. Мечтая о будущемъ и рисуя себѣ въ этихъ мечтахъ идиллическія картины сельской жизни, поэтъ говорилъ:

Тамъ, наконецъ, я все, чего душа алкала,
Ждала. надѣялась, на склонѣ лѣтъ найду
И съ лона тихаго земного идеала
На лоно вѣчности съ улыбкой перейду.

Въ своемъ изумительномъ стихотвореніи «Никогда» онъ съ неслыханною поэтическою смѣлостью взялъ на себя *эстетическое оправданіе смерти*. Поэтъ сошелся здѣсь съ народною сказкою, по которой люди сами стали призывать обратно пойманную и запрятанную солдатомъ смерть. Умереть, исчезнуть—это даже эстетически-необходимое свойство явленія, индивидуума. Какой смыслъ въ моей жизни, если нѣтъ человѣчества?

Куда итти, гдѣ некого обнять?

Это поразительное стихотвореніе по философской глубинѣ замысла и неотразимо-убѣдительному реализму выполненія принадлежитъ къ числу величайшихъ лирическихъ произведеній вообще. Достойно восполняющимъ его освѣщеніемъ того же вопроса съ другой стороны является пьеса «Смерти».

Я въ жизни обмиралъ и чувство это знаю,
Гдѣ мукамъ всѣмъ конецъ, и сладокъ томный хмель:
Вотъ почему я васъ безъ страха ожидаю,
Ночь безразсвѣтная и вѣчная постель!
Пусть головы моей рука твоя коснется,
И ты сотрешь меня со списка бытія—
Но предъ моимъ судомъ, покуда сердце бьется,
Мы силы равныя, и торжествую —я.
Еще ты каждый мигъ моей покорна волѣ,
Ты тѣнь у ногъ моихъ, безличный призракъ ты,
Покуда я дышу,—ты мысль моя, не болѣ,
Игрушка шаткая тоскующей мечты.

Это торжество надъ смертью потрясаетъ насъ именно своей неподдѣльной искренностью. Индивидуальное существованіе, до изнеможенія неудержимо проявляющаяся «воля къ жизни»,

Какъ лучъ, просящійся во тьму,

совмѣщаетъ въ себѣ у поэта обѣ стороны: и жажду жить и умѣнье умереть. «Тебя не знаю я»,—говоритъ онъ «*ничтожеству*» (неточное слово, которое должно бы было соотвѣтствовать по мысли поэта французскому le néant):—

Тебя не знаю я: болѣзненные крики
На рубежѣ твоемъ рождала грудь моя,
И были для меня мучительны и дики
Условья первыя земного бытія.
. . . .
Хочу тебя забыть надъ тяжкою работой,
Но мигъ—и ты въ глазахъ съ бездонностью своей.
Что жъ ты? Зачѣмъ?—Молчатъ и чувства и познанье...
Чей глазъ хоть заглянулъ на роковое дно?
Ты—это вѣдь я самъ: ты только отрицанье
Всего, что чувствовать, что мнѣ узнать дано.
Что жъ я узналъ?—Пора узнать, что въ мірозданьи,
Куда ни обратись, вопросъ, а не отвѣтъ;
А я дышу, живу, и понялъ, что въ незнаньи—
Одно прискорбное, но страшнаго въ немъ нѣтъ.
А между тѣмъ, когда бъ, въ смятеніи великомъ
Срываясь, силой я хоть дѣтской обладалъ,
Я встрѣтилъ бы твой край тѣмъ самымъ рѣзкимъ крикомъ,
Съ какимъ я нѣкогда твой берегъ покидалъ.

Философскій духъ стоически встрѣчаетъ смерть: онъ и есть тотъ верховный судья, предъ которымъ смерть лишь «игрушка шаткая тоскующей мечты»; но этотъ разумный духъ живетъ въ преходящемъ тѣлѣ, и его земная оболочка встрѣчаетъ смерть какимъ-то невольнымъ ужасомъ. Поэту понятенъ и доступенъ этотъ ужасъ, это «смятенье великое», но онъ допускаетъ его лишь какъ мгновенный переходъ: смерть—мечта, пока я живъ; смерть — «безсмертный храмъ Бога», начальная граница моего участія во всемірномъ безсмертіи съ того момента, какъ я умеръ.

ВЕЧЕРНІЕ ОГНИ.

Die Gleichmässigkeit des Laufes der Zeit in allen Köpfen beweist mehr, als irgend etwas, dass wir Alle in denselben Traum versenkt sind, ja dass es Ein Wesen ist, welches ihn träumt.

Schopenhauer, Parerga II, § 29.

Измученъ жизнью, коварствомъ надежды,
Когда имъ въ битвѣ душой уступаю,
И днемъ и ночью смежаю я вѣжды
И какъ-то странно порой прозрѣваю.

Еще темнѣе мракъ жизни вседневной,
Какъ послѣ яркой осенней зарницы,
И только на небѣ, какъ зовъ задушевный,
Сверкаютъ звѣздъ золотыя рѣсницы.

И такъ прозрачна огней безконечность,
И такъ доступна вся бездна эѳира,
Что прямо смотрю я изъ времени въ вѣчность
И пламя твое узнаю, солнце міра!

И неподвижно на огненныхъ розахъ
Живой алтарь мірозданья курится;
Въ его дыму, какъ въ творческихъ грёзахъ,
Вся сила дрожитъ, и вся вѣчность снится.

И все, что̀ мчится по безднамъ эѳира,
И каждый лучъ, плотской и безплотный,—
Твой только отблескъ, о, солнце міра,
И только сонъ,—только сонъ мимолетный!

И этихъ грёзъ въ міровомъ дуновеньи
Какъ дымъ несусь я, и таю невольно,
И въ этомъ прозрѣньи и въ этомъ забвеньи
Легко мнѣ жить и дышать мнѣ не больно.

Духъ всюду сущій и единый.
Державинъ.

Я потрясенъ, когда кругомъ
Гудятъ лѣса, грохочетъ громъ,
И въ блескъ огней гляжу я снизу,
Когда, испугомъ обуянъ,
На скалы мечетъ океанъ
Твою серебряную ризу;

Но, просвѣтленный и нѣмой,
Овѣянъ властью неземной,
Стою не въ этотъ мигъ тяжелый,
А въ часъ, когда, какъ бы во снѣ,
Твой свѣтлый ангелъ шепчетъ мнѣ
Неизреченные глаголы.

Я загораюсь и горю,
Я порываюсь и парю
Въ томленьяхъ крайняго усилья
И вѣрю сердцемъ, что растутъ
И тотчасъ въ небо унесутъ
Меня раскинутыя крылья.

29 авг. 1885.

РОЗА.

У пурпурной колыбели
Трели мая прозвенѣли,
Что весна опять пришла,
Гнется въ зелени береза,
И тебѣ, царица роза,
Брачный гимнъ поетъ пчела.

Вижу, вижу! Счастья сила
Яркій свитокъ твой раскрыла
И увлажила росой.
Необъятный, непонятный,
Благовонный, благодатный
Міръ любви передо мной.

Если бъ движущій громами
Повелѣлъ между цвѣтами
Цвѣсть нѣжнѣйшей изъ богинь,
Чтобъ безмолвною красою
Звать къ любви, когда весною
Теменъ лѣсъ и воздухъ синь,—

Ни Киприда и ни Геба,
Спрятавъ въ сердцѣ тайны неба
И съ безмолвьемъ на челѣ,
Въ часъ блаженный расцвѣтанья
Больше страстнаго признанья
Не повѣдали бъ землѣ.

Не тѣмъ, Господь, могучъ, непостижимъ
Ты предъ моимъ мятущимся сознаньемъ,
Что въ звѣздный день Твой свѣтлый серафимъ
Громадный шаръ зажегъ надъ мірозданьемъ

И мертвецу съ пылающимъ лицомъ
Онъ повелѣлъ блюсти Твои законы,—
Все пробуждать живительнымъ лучомъ,
Храня свой пылъ столѣтій милліоны:—

Нѣтъ, Ты могучъ и мнѣ непостижимъ
Тѣмъ, что я самъ, безсильный и мгновенный,
Ношу въ груди, какъ оный серафимъ,
Огонь сильнѣй и ярче всей вселенной.

Межъ тѣмъ какъ я—добыча суеты,—
Игралище ея непостоянства,—
Во мнѣ—онъ вѣченъ, вездѣсущъ, какъ Ты,
Ни времени не знаетъ, ни пространства.

Весна и ночь покрыли долъ,
Душа бѣжитъ во мракъ безсонный,
И внятно слышенъ ей глаголъ
Стихійной жизни, отрѣшенной.

И неземное бытіе
Свой разговоръ ведетъ съ душою
И вѣетъ прямо на нее
Своею вѣчною струею.

Но вотъ заря,—блѣднѣетъ тѣнь,
Туманъ волнуется и таетъ,—
И встрѣтить очевидный день
Душа съ восторгомъ вылетаетъ.

ЛАСТОЧКИ.

Природы праздный соглядатай,
Люблю, забывши все кругомъ,
Слѣдить за ласточкой стрѣльчатой
Надъ вечерѣющимъ прудомъ.

Вотъ понеслась и зачертила,—
И страшно, чтобы гладь стекла
Стихіей чуждой не схватила
Молніевиднаго крыла,—

И снова то же дерзновенье
И та же темная струя...
Не таково ли вдохновенье
И человѣческаго я?

Не такъ ли я, сосудъ скудельный,
Дерзаю на запретный путь,
Стихіи чуждой, запредѣльной,
Стремясь хоть каплю зачерпнуть?

Заря прощается съ землею.
Ложится паръ на днѣ долинъ.
Смотрю на лѣсъ, покрытый мглою,
И на огни его вершинъ:

Какъ незамѣтно потухаютъ
Лучи и гаснутъ подъ конецъ!
Съ какою нѣгой въ нихъ купаютъ
Деревья пышный свой вѣнецъ!

И—все таинственнѣй, безмѣрнѣй—
Ихъ тѣнь растетъ, растетъ какъ сонъ..
Какъ тонко по зарѣ вечерней
Ихъ легкій очеркъ вознесенъ!

Какъ будто, чуя жизнь двойную
И ей овѣяны вдвойнѣ,—
И землю чувствуютъ родную
И въ небо просятся онѣ.

Учись у нихъ,—у дуба, у березы:
Кругомъ зима (жестокая пора!)—
Напрасныя на нихъ застыли слезы
И треснула, сжимаяся, кора.

Все злѣй мятель и съ каждою минутой
Сердито рветъ послѣдніе листы,
И за сердце хватаетъ холодъ лютый,—
Они стоятъ, молчатъ; молчи и ты.

Но вѣрь веснѣ! Ея промчится геній,—
Опять тепломъ и жизнію дыша,
Для ясныхъ дней, для новыхъ откровеній
Переболитъ скорбящая душа.

31 дек. 1885.

УГАСШИМЪ ЗВѢЗДАМЪ.

Долго ль впивать мнѣ мерцаніе ваше,
Синяго неба пытливыя очи?
Долго ли чуять, что выше и краше
Васъ—ничего нѣтъ во храминѣ ночи?

Можетъ-быть, нѣтъ васъ подъ тѣми огнями—
Давняя васъ погасила эпоха...
Такъ и по смерти летѣть къ вамъ стихами,
Къ призракамъ звѣздъ, буду призракомъ вздоха!

6 мая 1890.

Ночь и я, мы оба дышимъ,
Цвѣтомъ липы воздухъ пьянъ,
И, безмолвные, мы слышимъ,
Что̀ струей своей, колышимъ,
Напѣваетъ намъ фонтанъ.

—«Я—и кровь, и мысль, и тѣло.
Мы—послушные рабы!
До извѣстнаго предѣла
Всѣ возносимся мы смѣло
Подъ давленіемъ судьбы:

Мысль несется, сердце бьется...
Мглѣ мерцаньямъ не помочь:
Къ сердцу кровь опять вернется,
Въ водоемъ мой лучъ прольется,
И заря потушитъ ночь».

7 іюня 1891.

Какая грусть! Конецъ аллеи
Опять съ утра исчезъ въ пыли,
Опять серебряныя змѣи
Черезъ сугробы поползли,

На небѣ ни клочка лазури,
Въ степи все гладко, все бѣло,—
Одинъ лишь вòронъ противъ бури
Крылами машетъ тяжело.

И на душѣ не разсвѣтаетъ,
Въ ней тотъ же холодъ, чтò кругомъ,
Лѣниво дума засыпаетъ
Надъ умирающимъ трудомъ,—

А все надежда въ сердцѣ тлѣетъ,
Что, можетъ-быть, хоть невзначай,
Опять душа помолодѣетъ,
Опять родной увидитъ край,

Гдѣ бури пролетаютъ мимо,
Гдѣ дума страстная чиста,
И, посвященнымъ только зримо,
Цвѣтетъ весна и красота.

СВѢТОЧЪ.

Ловецъ, всѣ дни отдавшій лѣсу,
Я направлялъ по немъ стопы.
Мой глазъ привыкъ къ его навѣсу
И ночью различалъ тропы.

Когда же вдругъ изъ тучи мглистой
Сосну ужалилъ яркій змѣй,
Я самъ затеплилъ сукъ смолистый
У золотыхъ ея огней.

Горѣлъ мой факелъ величаво,
Тянулись тѣни предо мной,—
Но, обѣжавъ меня лукаво,
Онѣ смыкались за спиной...

Пестрѣетъ мгла, блуждаютъ очи,
Кровавый призракъ въ нихъ глядитъ,—
И тѣмъ ужаснѣй сумракъ ночи,
Чѣмъ ярче свѣточъ мой горитъ.

16 авг. 1885.

Напрасно:
Куда ни взгляну я, встрѣчаю вездѣ неудачу,
И тягостно сердцу, что лгать я обязанъ всечасно!
Тебѣ улыбаюсь, а внутренно горько я плачу...
Напрасно!

Разлука!
Душа человѣка какія выноситъ мученья,—
А часто на нихъ намекнуть лишь достаточно звука!
Стою какъ безумный,--еще не постигъ выраженья:
Разлука...

Свиданье...
Разбей этотъ кубокъ: въ немъ капля надежды таится.
Она-то продлитъ и она-то усилитъ страданье;
И въ жизни туманной все будетъ обманчиво сниться
Свиданье...

Не нами
Безсилье извѣдано словъ къ выраженью желаній:
Безмолвныя муки сказалися людямъ вѣками;
Но очередь наша, и кончится рядъ испытаній—
Не нами.

Но больно,
Что жребіи жизни святымъ побужденьямъ враждебны!
Въ груди человѣка до нихъ бы добраться довольно...
Нѣтъ,—вырвать и бросить!..
—Тѣ язвы, быть-можетъ,
цѣлебны,—
Но больно!

НЕЛЬЗЯ.

Проснулся день. Свѣтло, широко
На землю лучъ его летитъ,
И все, что только видитъ око,
Земного путника манитъ,—

Но голубого неба своды
Покрыли блѣдностью лучи,
И звѣздъ живые хороводы
Къ намъ только выступятъ въ ночи.

Въ движеньи, въ блескѣ жизни дольной
Не сходитъ свыше благодать:
Нельзя въ смятенности невольной
Красы небесной созерцать,

Нельзя съ безбрежностью творенья
Въ чаду отыскивать родства,
И ночь и мракъ уединенья—
Единый путь до божества.

Тяжело въ ночной тиши
Выносить тоску души
Предъ безглазымъ домовымъ,
Темнымъ призракомъ нѣмымъ,
Какъ стихійная волна
Надъ душой одна вольна.

Но зато люблю я днемъ,
Какъ замолкнетъ все кругомъ,
Различать, раздумья полнъ,
Тихій плескъ житейскихъ волнъ:
Не меня гнететъ волна,
Мысль свѣжа, душа вольна...
Каждый мигъ сказать хочу:
«Это—я!»—Но я молчу.

15 сент. 1892.

Говорили въ древнемъ Римѣ,
Что въ горахъ, въ пещерѣ темной,
Богоравная Сивилла,
Вѣчно-юная, живетъ,
Что ей все открыли боги,
Что̀ въ груди чужой сокрыто,
Что̀ таитъ небесный сводъ.

Только избраннымъ доступно
Хоть не самую богиню,
А священное жилище
Чародѣйки созерцать...
Въ ясномъ зеркалѣ ты можешь,
Взоръ въ глаза свои вперяя,
Ту богиню увидать:

Неподвижна и безмолвна,
Для тебя единой зрима,
На порогѣ черной двери,—
На нее тогда смотри!
Но, когда заслышишь пѣсню
Вдохновенную тобою,—
Эту дверь мнѣ отопри!

3 апр. 1883.

ПАМЯТИ Н. Я. ДАНИЛЕВСКАГО.

Если жить суждено, и на свѣтъ не родиться нельзя, —
Какъ завидна, о, странникъ почившій, твоя мнѣ стезя!

Отдаваяся мысли широкой, доступной всему,
Ты успѣлъ оглядѣть, полюбить голубую тюрьму.

Постигая, что міръ только право-живущимъ хорошъ,
Ты восторговъ опасныхъ старался обуздывать ложь;

И у южнаго моря, за вѣчной оградою скалъ,
Ты мѣстечко на отдыхъ въ цвѣтущемъ саду отыскалъ.

5 іюля 1886.

ДОБРО И ЗЛО.

Два міра властвуютъ отъ вѣка,
Два равноправныхъ бытія:
Одинъ—объемлетъ человѣка,
Другой—душа и мысль моя.

И какъ въ росинкѣ чуть замѣтной
Весь солнца ликъ ты узнаёшь,
Такъ слитно въ глубинѣ завѣтной
Все міроздавье ты найдешь.

Не лжива юная отвага:
Согнись надъ роковымъ трудомъ—
И міръ свои раскроетъ блага;
Но быть не мысли божествомъ

И даже въ часъ отдохновенья,
Подъемля потное чело,
Не бойся горькаго сравненья
И различай добро и зло.

Но если на крылахъ гордыни
Познать дерзаешь ты, какъ богъ,—
Не заноси же въ міръ святыни
Своихъ невольничьихъ тревогъ:

Пари, всезрящій и всесильный,—
И съ незапятнанныхъ высотъ
Добро и зло, какъ прахъ могильный,
Въ толпы людскія отпадетъ.

НЕЖДАННЫЙ ДОЖДЬ.

Все тучки, тучки,—а кругомъ
Все сожжено, все умираетъ...
Какой архангелъ ихъ крыломъ
Ко мнѣ на нивы навѣваетъ?

Повиснулъ дождь, какъ легкій дымъ,—
Напрасно степь кругомъ алкала,
И надо мною лишь однимъ
Зарею радуга стояла.

Смирись, мятущійся поэтъ:
Съ небесъ нисходитъ жизни влага!
Чего ты ждешь, того и нѣтъ;
Лишь незаслуженное—благо.

Я,—ничего я не могу;
Одинъ лишь можетъ, Кто, могучій,
Воздвигъ прозрачную дугу
И живоносныя шлетъ тучи.

АВАДДОНЪ.

Ангелъ, и левъ, и телецъ, и орелъ,
Всѣ шестикрылые, держатъ престолъ,

А надъ престоломъ, надъ Тѣмъ, кто сидитъ,
Радуга яркимъ смарагдомъ горитъ.

Молніи съ громомъ по небу летятъ,
И раздается изъ нихъ: «Святъ, святъ, святъ!».

Вотъ проносящійся ангелъ трубитъ,—
Съ трескомъ звѣзда къ намъ на землю летитъ.

Землю пробила до бездны глухой,—
Вырвался дымъ, какъ изъ печи большой.

Мѣдными крыльями грозно стуча,
Вышла изъ дыма съ коня саранча.

Львиные зубы, коса какъ у женъ,
Хвостъ скорпіоновымъ жаломъ снабженъ.

Царь ея гордой сіяетъ красой:
То—Аваддонъ, ангелъ бездны земной.

Будутъ терзать васъ, и жалить,—и вотъ
Смерть призовете, и смерть не придетъ:

Пусть же извѣдаетъ всякая плоть,
Что испытанія хочетъ Господь!

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО.

Я громомъ ихъ въ отчаяньи застигну,
Я молніей ихъ пальмы сокрушу,
И месть на месть и кровь на кровь воздвигну,
И злобою гортань ихъ изсушу,

Я стѣны ихъ сотру до основанья,
Я камни ихъ въ пустынѣ размечу,
Я прокляну ихъ смрадное дыханье,
И тѣлеса ихъ Я предамъ мечу,

Я члены ихъ орлятамъ раскидаю,
Я кости ихъ въ пескахъ испепелю,
И сѣмя ихъ въ потомкахъ покараю,
И силу ихъ во внукахъ погублю,

На жертвы ихъ отвѣчу Я хулою,
Оставлю храмъ, и не приду опять,
И дѣвы ихъ въ молитвѣ предо Мною
Вотще придутъ стенать и умирать.

ГОРНАЯ ВЫСЬ.

Превыше тучъ, покинувъ горы
И наступя на темный лѣсъ,
Ты за собою смертныхъ взоры
Зовешь на синеву небесъ.

Снѣговъ серебряныхъ порфира
Не хочетъ праха прикрывать:
Твоя судьба—на граняхъ міра
Не снисходить, а возвышать.

Не тронетъ вздохъ тебя безсильный,
Не омрачитъ земли тоска;
У ногъ твоихъ, какъ дымъ кадильный,
Віяся, таютъ облака.

На зеленыхъ уступахъ лѣсовъ
Неизмѣнной своей бѣлизной
Вознеслась ты подъ сводъ голубой
Надъ бродячей толпой облаковъ.

И земному въ небесный чертогъ
Не дано ничему достигать:
Соберется туманная рать —
И растаетъ у царственныхъ ногъ.

23 іюля 1886.

Нетлѣнностью божественной одѣты,
Украсившіе свѣтъ,
Въ Элизіи цари, герои и поэты,
А темной черни—нѣтъ.

Сама судьба, безстрастный вождь природы,
Ихъ зыблетъ колыбель;
Блюсти, хранить и возвышать народы —
Вотъ ихъ тройная цѣль.

Равно молчатъ въ сознаніи безсилья
Аида мрачный долъ
И самъ Олимпъ, когда ширяетъ крылья
Юпитера орелъ.

Утратя сонъ отъ божескаго гласа,
При помощи небесъ
И змѣй убилъ и стойла Авгіаса
Очистилъ Геркулесъ.

И ты, поэтъ, мечей внимая звуку,
Свой подвигъ совершилъ:
Ты протянулъ тому отважно руку,
Кто гидру задушилъ.

ВОЛЬНЫЙ СОКОЛЪ.

Не вскормленъ ты пищей нѣжной,
Не унесенъ къ зимѣ въ тепло,
И каждый часъ рукой прилежной
Твое не холено крыло.

Тамъ надъ скалой, вблизи лазури,
На умирающемъ дубу.
Ты съ первыхъ дней извѣдалъ бури
И съ ураганами борьбу.

Дразнили молодую силу
И зной, и голодъ, и гроза,
И восходящему свѣтилу
Глядѣлъ ты за море въ глаза.

Зато, когда пора приспѣла,
Съ гнѣзда ты крылья распустилъ
И, взмахамъ ихъ довѣрясь, смѣло
Широясь, по небу поплылъ.

Е. П. КОВАЛЕВСКОМУ.

Напрасно жизнь зовешь ты жалкою ошибкой
И, тихо наклонясь усталой головой,
Напрасно смотришь ты съ язвительной улыбкой
На благородный подвигъ свой:

Судьба тебя тоской не праздной истерзала,
Въ измученной груди волшебный голосъ живъ;
Въ немъ слышенъ жаръ любви, въ немъ жажда идеала
И сердца смѣлаго порывъ.

Такъ, навсегда простясь съ родимою скалою,
Затерянный въ пескахъ разсыпчатыхъ степей,
Встрѣчаетъ путниковъ, томящихся отъ зною,
Изъ камня брызнувшій ручей.

СЕВАСТОПОЛЬСКОЕ БРАТСКОЕ КЛАДБИЩЕ.

Какой тутъ дышитъ миръ! Какая славы тризна!
Средь кипарисовъ, миртъ и каменныхъ гробовъ
Рукою набожной сложила здѣсь отчизна
Священный прахъ своихъ сыновъ.

Они и подъ землей отвагой прежней дышатъ! —
Боюсь, мои стопы покой ихъ возмутятъ,
И, мнится, всѣ они шаги живого слышатъ,
Но лишь молитвенно молчатъ.

Счастливцы, высшею пылали вы любовью:
Тутъ, что̀ ни мавзолей, ни надпись,—все боецъ,
И рядомъ улеглись, своей залиты кровью,
И дѣдъ со внукомъ и отецъ.

Изъ каменныхъ гробовъ ихъ голосъ вѣчно слышенъ:
Имъ внуковъ поучать навѣки суждено.
Ихъ слава такъ чиста, ихъ жребій такъ возвышенъ,
Что имъ завидовать грѣшно.

4 іюня 1887.

ПАМЯТИ Д. Л. КРЮКОВА.

Когда свѣтильникомъ предъ нашими очами
Ко храму римскихъ музъ ты озарялъ ступень,
И чудилося намъ невольно, что надъ нами
Горація витаетъ тѣнь,—

Впервые тихія и радостныя слезы
Исторгнулъ дышащій изъ устъ твоихъ пѣвецъ:
Плѣнили насъ его неблекнущія розы
И зеленѣющій вѣнецъ.

Въ замолкнувшій чертогъ къ Минервѣ и къ Зевесу
Вслѣдъ за тобой толпа ликующая шла,
И тихо древнюю ты раздвигалъ завѣсу
Съ громодержащаго орла...

Но свѣточъ твой угасъ—надежнаго союза
Судьба не обрекла межъ нами и тобой!—
И, лиру уронивъ, поникла молча муза
Въ слезахъ надъ урной гробовой.

НА СМЕРТЬ А. В. ДРУЖИНИНА.

19 янв. 1864 г.

Умолкъ твой голосъ навсегда,
И сердце жаркое остыло.
Лампаду честнаго труда
Дыханье смерти погасило.

На миръ усопшаго лица
Кладу послѣднее лобзанье.
Не измѣнили до конца
Тебѣ ни дружба ни призванье.

Изнемогающій, больной,
Души ты не утратилъ силу
И жизни мутною волной
Ты чистымъ унесенъ въ могилу.

Спи! Вѣчность правды настаетъ,
Вокругъ стихаетъ гулъ суровый,
И муза строгая кладетъ
Тебѣ на гробъ вѣнокъ лавровый.

ПАМЯТИ В. П. БОТКИНА.

16 окт. 1869 г.

Прости! Разверстая могила
Тебя отдастъ родной землѣ...
Скажи, что̀ смерть изобразила
На этомъ вдумчивомъ челѣ?

Ужель, добра поклонникъ страстный,
Ты буйству вѣка уступилъ
И обозвалъ мечтой напрасной,
Чему всю жизнь не измѣнилъ?

Ужель сказалъ:—«За вами поле,
Вы правы, тщетенъ нашъ союзъ!
Я ухожу,—нѣтъ въ мірѣ болѣ
Ни свѣтлыхъ думъ ни вѣщихъ музъ!»

Нѣтъ; покидая жизнь земную,
Ты вспять стопы не обращалъ
И тихо ленту трудовую
Тремъ старшимъ музамъ завѣщалъ *).

---

*) Завѣщалъ капиталъ университету, консерваторіи и школѣ живописи.

Когда Божественный бѣжалъ людскихъ рѣчей
И празднословной ихъ гордыни,
И голодъ забывалъ и жажду многихъ дней,
Внимая голосу пустыни,

Его, взалкавшаго, на темя сѣрыхъ скалъ
Князь міра вынесъ величавый:
— «Вотъ здѣсь, у ногъ Твоихъ, всѣ царства,—онъ сказалъ: —
Съ ихъ обаяніемъ и славой.

Признай лишь явное, пади къ моимъ ногамъ,
Сдержи на мигъ порывъ духовный—
И эту всю красу, всю власть Тебѣ отдамъ
И покорюсь въ борьбѣ неровной».

Но Онъ отвѣтствовалъ:—«Писанію внемли:
Предъ Богомъ Господомъ лишь преклоняй колѣни!»
И сатана исчезъ, и ангелы пришли
Въ пустынѣ ждать Его велѣній.

ОБРОЧНИКЪ.

Хоругвь священную подъявъ своей десной,
Иду, и тронулась за мной толпа живая,
И потянулись всѣ по просѣкѣ лѣсной,
И я блаженъ и гордъ, святыню воспѣвая.
Пою—и помысламъ невѣдомъ дѣтскій страхъ:
Пускай на пѣнье мнѣ отвѣтятъ воемъ звѣри,—
Съ святыней надъ челомъ и пѣснью на устахъ,
Съ трудомъ, но я дойду до вожделѣнной двери!

17 сент. 1889.

Озираясь на юность тревожно,
Будь завѣтной святынѣ вѣрна!
Для надежды граница возможна,—
Невозможна для вѣры она.

Не дивись же, что прежнее пламя
Все твою окружаетъ красу:
Ты уходишь, но вѣрное знамя
На ходу надъ собой я несу.

11 сент. 1889.

АЛМАЗЪ.

Не украшать чело царицы,
Не рѣзать твердое стекло,
Тѣ разноцвѣтныя зарницы
Ты разсыпаешь такъ свѣтло:

Нѣтъ! За прозрачность отраженья,
За непреклонность до конца,
Ты призванъ разрушать сомнѣнья
И съ высоты сіять вѣнца.

9 февр. 1888.

МУЗѢ.

Пришла и сѣла. Счастливъ и тревоженъ,
Ласкательный твой повторяю стихъ—
И если даръ мой предъ тобой ничтоженъ,
То ревностью не ниже я другихъ.

Заботливо храня твою свободу,
Непосвященныхъ я къ тебѣ не звалъ
И рабскому ихъ буйству я въ угоду
Твоихъ рѣчей не оскверняль.

Все та же ты, завѣтная святыня,
На облакѣ, незримая землѣ,
Въ вѣнцѣ изъ звѣздъ, нетлѣнная богиня,
Съ задумчивой улыбкой на челѣ.

ПОЛОНСКОМУ.

Спасибо! Лирой вдохновенной
Ты мнѣ опять напомнилъ дни,
Когда, не зная мысли плѣнной,
Ты вынесъ, отрокъ дерзновенный,
Свои алмазные огни.

А я по прежнему, смиренный,
Забытый, кинутый въ тѣни,
Стою, колѣнопреклоненный.
И, красотою умиленный,
Зажегъ вечерніе огни.

Кляните насъ: намъ дорога свобода,
И буйствуетъ не разумъ въ насъ, а кровь;
Въ насъ вопіетъ всесильная природа,
И прославлять мы будемъ вѣкъ любовь.

Въ примѣръ себѣ пѣвцовъ весеннихъ ставимъ:
Какой восторгъ—такъ говорить умѣть!
Какъ мы живемъ, такъ мы поемъ и славимъ,
И такъ живемъ, что намъ нельзя не пѣть.

2 марта 1891.

ГРАФУ А. К. ТОЛСТОМУ

въ деревнѣ Пустынькѣ.

Въ твоей Пустынькѣ подгородной,
У хлѣбосольства за столомъ,
Поклонникъ музы благородный,
Каменъ мы русскихъ помянемъ,

Почтимъ святое ихъ наслѣдство
И не забудемъ до конца,
Какъ на призывъ ихъ съ малолѣтства
Дрожали счастьемъ въ насъ сердца.

Пускай пришла пора иная,
Пора печальная, когда
Гетера гонитъ площадная
Царицу мысли и труда:

Да не смутитъ души поэта
Гоненье на стыдливыхъ музъ,
И пусть въ тѣни, вдали отъ свѣта,
Свободнѣй зрѣетъ ихъ союзъ.

ПСЕВДО-ПОЭТУ.

Молчи, поникни головою,
Какъ бы представъ на страшный судъ,
Когда случайно предъ тобою
Любимца музъ упомянуть!

На рынокъ! Тамъ кричитъ желудокъ,
Тамъ для стоокаго слѣпца
Цѣннѣй грошовый твой разсудокъ
Безумной прихоти пѣвца,

Тамъ сбытъ малеванному хламу,
На этой затхлой площади,—
Но къ музамъ, къ чистому ихъ храму,
Продажный рабъ, не подходи!

Влача по прихоти народа
Въ грязи низкопоклонный стихъ,
Ты слова гордаго «свобода»
Ни разу сердцемъ не постигъ,

Не возносился богомольно
Ты въ ту свѣжѣющую мглу,
Гдѣ беззавѣтно лишь привольно
Свободной пѣснѣ, да орлу.

Все, все мое, что̀ есть и прежде было:
Въ мечтахъ и снахъ нѣтъ времени оковъ;
Блаженныхъ грезъ душа не подѣлила;
Нѣтъ старческихъ и юношескихъ сновъ.

За рубежомъ вседневнаго удѣла
Хотя на мигъ отрадно и свѣтло;
Пока душа кипитъ въ горнилѣ тѣла,
Она летитъ, куда несетъ крыло.

Не говори о счастьѣ, о свободѣ
Тамъ, гдѣ царитъ желѣзная судьба:
Сюда! Сюда! Не рабство здѣсь природѣ,—
Она сама здѣсь вѣрная раба!

17 іюля 1887.

Въ пѣнѣ несется потокъ,
Ладью обгоняютъ буруны,—
Кормчій глядитъ на востокъ
И будитъ дрожащія струны.

Въ бурю челнокъ полетѣлъ,—
Пусть кормчій погибнетъ въ ней шумно:
Сердце, могучій, онъ пѣлъ,—
То сердце, что̀ любитъ безумно!

Много промчалось вѣковъ,
Смѣняя знамена и власти,
Много сковали оковъ
Вседневныя мелкія страсти,—

Вынырнулъ снова потокъ...
Струею серебряной мчало
Только лавровый вѣнокъ,
Да мчало ся покрывало.

ТЕПЕРЬ.

Мой прахъ уснетъ, забытый и холодный,
А для тебя настанетъ жизни май...
О, хоть на мигъ душою благородной
Тогда стихамъ, звучавшимъ мнѣ, внимай!

И—вдумчивымъ и чуткимъ сердцемъ дѣвы—
Безумныхъ сновъ волненья ты поймешь,
И отчего въ дрожащіе напѣвы
Я уходилъ,—и ты за мной уйдешь.

Привѣтами, встающими изъ гроба,
Сердечныхъ тайнъ безсмертье ты провѣрь:
Внѣвременной повѣемъ жизнью оба,
И ты и я,—мы встрѣтимся...

--Теперь!

О. М. СОЛОВЬЕВОЙ.

Разсѣянной, невѣрною рукою
Я собиралъ поэзіи цвѣты,
И въ этотъ часъ мы встрѣтились съ тобою,
Поклонница и жрица красоты.

Въ безумцѣ ты тоскующемъ признала
Прибывшаго съ знакомыхъ береговъ,
И кисть твоя волшебствомъ разгадала
Языкъ цвѣтовъ и сердца тайный зовъ.

И вотъ, съ тѣхъ поръ, въ роскошномъ ихъ уборѣ
Завидѣвши тѣ сельскіе цвѣты
Нетлѣнными на матовомъ фарфорѣ,
Безъ подписи я знаю: это ты.

29 окт. 1884.

Тѣснѣе и ближе сюда!
Раскрой ненаглядное око!
Ты—въ сердцѣ съ румянцемъ стыда,
Я—лучъ твой, летящій далеко.

На горы во мракѣ ночномъ,
На сѣрую тучку заката,
Какъ кистью, я этимъ лучомъ
Наброшу румянца и злата.

Напрасно холодная мгла,
Чернѣя, все виснетъ надъ нами:
Пускай и безбрежность сама
Отъ насъ загорится огнями.

4 сент. 1888.

Люби меня! Какъ только твой покорный
Я встрѣчу взоръ,
У ногъ твоихъ раскину я узорный
Живой коверъ.

Окрылены невѣдомымъ стремленьемъ,
Надъ всѣмъ земнымъ,—
Въ какомъ огнѣ, съ какимъ самозабвеньемъ
Мы полетимъ!

И, просіявъ въ лазури сновидѣнья,
Предстанешь ты
Царить навѣкъ въ дыханьи пѣснопѣнья
И красоты.

13 апр. 1891.

Роями поднялись крылатыя мечты
Въ веснѣ кругомъ себя искать душистой пищи, —
Но на закатѣ дня къ себѣ, царица, ты
Ихъ соберешь ко сну въ таинственномъ жилищѣ;

А завтра на зарѣ вновь крылья зажужжать,
Чтобы къ незримому, къ безвѣстному стремиться:
Гдѣ за ночь расцвѣло, гдѣ первый ароматъ,—
Туда перенестись и въ пышной нѣгѣ скрыться.

17 февр. 1889.

Съ бородою сѣдою верховный я жрецъ,
На тебя возложу я душистый вѣнецъ

И нетлѣнною солью горящихъ рѣчей
Я осыплю невинную роскошь кудрей,

Эту дѣтскую грудь разсѣку я потомъ
Вдохновеннаго слова звенящимъ мечомъ, —

И раскроетъ потомку минувшаго мгла,
Что на свѣтѣ всѣхъ чище ты сердцемъ была.

Если радуетъ утро тебя,
Если въ пышную вѣришь примѣту,—
Хоть на время, на мигъ полюбя,
Подари эту розу поэту!

Хоть полюбишь кого, хоть снесешь
Не одну ты житейскую грозу,—
Но въ стихѣ умиленномъ найдешь
Эту вѣчно душистую розу.

10 янв. 1887.

Запретили тебѣ выходить,
Запретили и мнѣ приближаться,
Запретили,—должны мы признаться,—
Намъ съ тобою другъ друга любить;

Но чего намъ нельзя запретить,
Что̀ съ запретомъ всего несовмѣстнѣй,—
Это пѣсня: съ крылатою пѣсней
Будемъ вѣчно и явно любить!

7 іюля 1890.

Какъ бѣденъ нашъ языкъ: хочу—и не могу!..
Не передать того ни другу ни врагу,
Что̀ буйствуетъ въ груди прозрачною волною:
Напрасно вѣчное томленіе сердецъ!—
И клонитъ голову маститую мудрецъ
Предъ этой ложью роковою.

Лишь у тебя, поэтъ, крылатый слова звукъ
Хватаетъ на лету и закрѣпляетъ вдругъ
И темный бредъ души и травъ неясный запахъ:
Такъ, для безбрежнаго покинувъ скудный долъ,
Летитъ за облака Юпитера орелъ,
Снопъ молніи неся мгновенный въ вѣрныхъ лапахъ.

11 іюня 1887.

Какъ ясность безоблачной ночи,
Какъ юно-нетлѣнныя звѣзды,
Твои загораются очи
Всесильнымъ, таинственнымъ счастьемъ.

И все, что̀ лучомъ ихъ случайнымъ
Далеко иль близко объято,
Блаженствомъ овѣяно тайнымъ,—
И люди, и звѣри, и скалы.

Лишь мнѣ, молодая царица,
Ни счастія нѣтъ ни покоя,
И въ сердцѣ, какъ плѣнная птица,
Томится безкрылая пѣсня.

Кому вѣнецъ: богинѣ ль красоты,
Иль въ зеркалѣ ея изображенью?
Поэтъ смущенъ, когда дивишься ты
Богатому его воображенью:

Не я, мой другъ, а Божій міръ богатъ,
Въ пылинкѣ онъ лелѣетъ жизнь и множитъ,
И, что̀ одинъ твой выражаетъ взглядъ,
Того поэтъ пересказать не можетъ.

Цѣлый міръ отъ красоты,
Отъ велика и до мала,
И напрасно ищешь ты
Отыскать ея начала.

Чтò такое день иль вѣкъ
Передъ тѣмъ, чтò безконечно?
Хоть не вѣченъ человѣкъ,
То, чтò вѣчно,—человѣчно.

Кто писалъ стихи иль прозу?
Кто даритъ вотъ эту розу?
(То жъ выходитъ, да не то!)—
Въ этомъ весь вопросъ опасный,
И хотѣлъ бы, другъ прекрасный,
Настоящимъ быть я «Кто»!

22 февр. 1888.

Только встрѣчу улыбку твою,
Или взглядъ уловлю твой отрадный,—
Не тебѣ пѣснь любви я пою,
А твоей красотѣ ненаглядной.

Про пѣвца по зарямъ говорятъ,
Будто розу влюбленною трелью
Восхвалять неумолчно онъ радъ
Надъ душистой ея колыбелью,—

Но безмолвствуетъ, пышно чиста,
Молодая владычица сада:
Только пѣснѣ нужна красота;
Красотѣ же и пѣсенъ не надо!

Какъ трудно повторять живую красоту
Твоихъ воздушныхъ очертаній!
Гдѣ силы у меня схватить ихъ на лету
Средь непрестанныхъ колебаній?

Когда изъ-подъ рѣсницъ пушистыхъ на меня
Блеснутъ глаза съ просвѣтомъ ласки,
Гдѣ кистью трепетной я наберу огня?
Гдѣ я возьму небесной краски?

Въ усердныхъ поискахъ все кажется: вотъ-вотъ
Пріемлетъ тайна ликъ знакомый!—
Но сердца бѣднаго кончается полетъ
Одной безсильною истомой.

26 февр. 1888.

Какъ богатъ я въ безумныхъ стихахъ!
Этотъ блескъ мнѣ отраденъ и нуженъ,—
Всѣ алмазы мои въ небесахъ,
Всѣ росинки подъ ними жемчужинъ:

Выходи, красота, не робѣй!
Звуки есть, дорогія есть краски,—
Это все я, поэтъ-чародѣй,
Расточу за мгновеніе ласки.

Но, когда ты приколешь цвѣтокъ
Шаловливо, иль съ думой лукавой,
И, какъ въ дымкѣ, твой кроткій зрачокъ
Загорится сердечной отравой,

И налетъ молодого стыда
Чуть ланиты овѣетъ зарею,—
О, какъ бѣденъ, какъ жалокъ тогда,
Какъ безпомощенъ я предъ тобою!

1 февр. 1887.

Хоть нельзя говорить, хоть и взоръ мой поникъ,—
У дыханья цвѣтовъ есть понятный языкъ:

Если ночь унесла много грезъ, много слезъ,
Окружусь я тогда горькой сладостью розъ;

Если тихо у насъ, и не вѣетъ грозой,
Я безмолвно о томъ намекну резедой;

Если нѣжно ко мнѣ приласкалася мать,
Я съ утра уже буду фіалкой дышать;

Если жъ скажетъ отецъ: «Не грусти, я готовъ»—
Съ благовоньемъ войду апельсинныхъ цвѣтовъ.

3 авг. 1887.

Какъ ярко полная луна
Посеребрила эту крышу!
Мы здѣсь подъ тѣнью полотна,—
Твое дыханіе я слышу.

У неостывшаго гнѣзда
Ночная пѣснь гремитъ и таетъ...
О, погляди, какъ та звѣзда
Горитъ—горитъ—и потухаетъ...

Понятенъ блескъ ея лучей
И полночь съ пѣснею своею,
Но чтò горитъ въ душѣ моей,
Тебѣ сказать я не умѣю.

Вся эта ночь у ногъ твоихъ
Воскреснетъ въ звукахъ пѣснопѣнья,
Но тайну счастья въ этотъ мигъ
Я унесу безъ выраженья.

ПОЭТАМЪ.

Сердце трепещетъ отрадно и больно,
Подняты очи, и руки воздѣты:
Здѣсь на колѣняхъ я снова невольно,
Какъ и бывало, предъ вами, поэты.

Въ вашихъ чертогахъ мой духъ окрылился, —
Правду провидитъ онъ съ высей творенья:
Этотъ листокъ, что изсохъ и свалился, —
Золотомъ вѣчнымъ горитъ въ пѣснопѣньи.

Только у васъ мимолетныя грёзы
Старыми въ душу глядятся друзьями,
Только у васъ благовонныя розы
Вѣчно восторга блистаютъ слезами.

Съ торжищъ житейскихъ, безцвѣтныхъ и душныхъ,
Видѣть такъ радостно тонкія краски:
Въ радугахъ вашихъ, прозрачно-воздушныхъ,
Неба родного мнѣ чудятся ласки.

5 іюня 1890.

Однимъ толчкомъ согнать ладью живую
Съ наглаженныхъ отливами песковъ,
Одной волной подняться въ жизнь иную,
Учуять вѣтръ съ цвѣтущихъ береговъ,

Тоскливый сонъ прервать единымъ звукомъ,
Упиться вдругъ невѣдомымъ, роднымъ,
Дать жизни вздохъ, дать сладость тайнымъ мукамъ,
Чужое вмигъ почувствовать своимъ,

Шепнуть о томъ, предъ чѣмъ языкъ нѣмѣетъ,
Усилить бой безтрепетныхъ сердецъ, —
Вотъ чѣмъ пѣвецъ лишь избранный владѣетъ!
Вотъ въ чемъ его и признакъ и вѣнецъ!

28 окт. 1887.

ТУМАННОЕ УТРО.

Какъ первый золотистый лучъ
Межъ бѣлыхъ горъ и сизыхъ тучъ
Скользитъ уступами вершинъ
На темя башенъ и руинъ,
Когда въ долинахъ, полныхъ мглой,
Туманъ недвижимъ голубой, —
Пусть твой восторгъ во мглу сердецъ
Такой кидаетъ свѣтъ, пѣвецъ!

И какъ у розы молодой,
Рожденной раннею зарей,
Когда еще налящихъ крылъ
Полудня вѣтеръ не раскрылъ,
И влажный вздохъ туманъ ночной
Межъ небомъ дѣлитъ и землей,
Росинка катится съ листа, —
Пусть будетъ пѣснь твоя чиста.

СОНЕТЪ.

Когда отъ хмеля преступленій
Толпа развратная буйна,
И радъ влачить въ грязи злой геній
Мужей великихъ имена, —

Мои сгибаются колѣни,
И голова преклонена:
Зову властительныя тѣни
И ихъ читаю письмена;

Въ тѣни таинственнаго храма
Учусь сквозь волны оиміама
Словамъ наставниковъ внимать

И, забывая гулъ народный,
Ввѣряясь думѣ благородной,
Могучимъ вздохомъ ихъ дышать.

Когда у райскихъ вратъ изгнанникъ
Стоялъ униженъ, нагъ и нѣмъ,
Предсталъ съ мечомъ небесъ посланникъ
И путь закрылъ ему въ Эдемъ.

Но, падшихъ душъ услыша стоны,
Творецъ мольбѣ скитальца внялъ:
Крылатыхъ стражей легіоны
Адама внукамъ Онъ послалъ,

Чтобъ хоть одна съ родного неба
Намъ улыбнулася душа,
Когда мы бьемся изъ-за хлѣба,
Въ кровавомъ потѣ, чуть дыша.

Но и въ кругахъ духовъ небесныхъ
Земные стоны сочтены,
И силой крыльевъ безтѣлесныхъ
Еговы дѣти не равны.

Твой ангелъ — перьевъ лебединыхъ
Не распускаетъ за спиной:
Онъ на крылахъ летитъ орлиныхъ,
Поникнувъ грустно головой,

Въ рукѣ — пророческая лира,
Въ другой — горящій Божій громъ;
Такъ на твоемъ въ пустынѣ міра
Онъ камнѣ станетъ гробовомъ.

ГРАФУ Л. Н. ТОЛСТОМУ.

(При появленіи романа „Война и Миръ").

Была пора — своей игрою,
Своею ризою стальною
Морской просторъ меня плѣнялъ:
Я дорожилъ, и въ тишь и въ бури,
То нѣгой тающей лазури,
То пѣной у прибрежныхъ скалъ.

Но вотъ, о, море, властью тайной
Не все мнѣ милъ твой блескъ случайный
И въ душу просится мою:
Дивясь красѣ жестоковыйной,
Я передъ мощію стихійной
Въ священномъ трепетѣ стою.

НА КНИЖКѢ СТИХОТВОРЕНІЙ ТЮТЧЕВА.

Вотъ нашъ патентъ на благородство —
Его вручаетъ намъ поэтъ:
Здѣсь — духа мощнаго господство,
Здѣсь — утонченной жизни цвѣтъ.

Въ сыртахъ не встрѣтишь Геликона,
На льдинахъ лавръ не расцвѣтетъ,
У чукчей нѣтъ Анакреона,
Къ зырянамъ Тютчевъ не придетъ.

Но муза, правду соблюдая,
Глядитъ,—а на вѣсахъ у ней
Вотъ эта книжка небольшая
Томовъ премногихъ тяжелѣй.

Ѳ. И. ТЮТЧЕВУ.

Прошла весна, темнѣетъ лѣсъ,
Скуднѣй ручьи, грустнѣе ивы,
И солнце съ высоты небесъ
Томитъ безвѣтреныя нивы.

На плугъ знакомый налегли
Всѣ, кѣмъ владѣетъ трудъ упорный:
Опять сухую грудь земли
Взрѣзаетъ конь и волъ покорный.

Но въ свѣжемъ тайникѣ куста
Одинъ пѣвецъ проснулся вешній,
И такъ же пѣснь его чиста
И дышитъ полночью нездѣшней...

Какъ сладко труженикъ смущенъ,
Весны заслыша зовъ единый!
Какъ улыбнулся онъ сквозь сонъ
Подъ яркій посвистъ соловьиный!

НА ЮБИЛЕЙ А. Н. МАЙКОВА.

Какъ привлечь къ себѣ вниманье,
Въ этотъ мигъ прервавъ молчанье,
И того хвалить судьбу,
Кто торжественному звуку
Далъ тимпанъ гремящій въ руку
И старинную трубу?

Нѣтъ, безсильными стихами
Громогласнаго межъ нами
Пѣть пѣвца я не берусь,
Что въ одеждѣ пышной грека
Звонкой лирою полвѣка
Изумляетъ нашу Русь.

Дайте, дайте безъ искусства
Проявить живыя чувства
Въ дружномъ трепетѣ сердецъ
И, восторгомъ пламенѣя,
Въ день почетный юбилея
Обновить его вѣнецъ!

7 марта 1888.

НА ЮБИЛЕЙ А. Н. МАЙКОВА.

30 апрѣля 1888 года.

Пятьдесятъ лебедей пронесли
Съ юга вешніе крики въ полѣсья,
И мы слышали, дѣти земли,
Какъ звучала ихъ пѣснь съ поднебесья.

Майковъ мѣдь этихъ звуковъ для насъ
Отчеканилъ стихомъ-чародѣемъ,
И за это въ торжественный часъ
Мы встрѣчаемъ пѣвца юбилеемъ.

Кто же выступитъ съ гимномъ похвалъ
Передъ тѣмъ, кто, поднявшись надъ нами,
Полстолѣтія Русь осыпалъ
Драгоцѣнныхъ стиховъ жемчугами?

Хоть восторгъ не дастъ намъ молчать,
Но восторженныхъ скоро забудутъ,
А пѣвца по поднебесью мчать
Лебедивыя крылья все будутъ!

11 марта 1888.

Заиграли на роялѣ,
И подъ звонъ чужихъ напѣвовъ
Завертѣлись, заплясали
Изумительныя куклы.

Блескъ нарядовъ ихъ чудесенъ,
Шелкъ и звѣзды золотыя;
Что̀ за чуткость къ ритму пѣсенъ:
Тамъ играютъ — здѣсь трепещутъ.

Видъ приличенъ и не робокъ,
А наряды — заглядѣнье;
Только, жаль, у милыхъ пробокъ
Такъ тѣла прямолинейны!

Но красой сіяютъ вящшей
Ихъ роскошныя одежды...
Что̀ бъ — такой уборъ блестящій
Настоящему поэту!

———

МУЗА.

Не въ сумрачный чертогъ Наяды говорливой
Пришла она плѣнять мой слухъ самолюбивый
Разсказомъ о щитахъ, герояхъ и коняхъ,
О шлемахъ кованыхъ и сломанныхъ мечахъ.
Скрывая низкій лобъ подъ вѣтвію лавровой,
Съ цитарой золотой иль изъ кости слоновой,
Ни разу на моемъ не прилегла плечѣ
Богиня гордая въ расшитой епанчѣ.
Мнѣ слуха не ласкалъ языкъ ея могучій,
И гибкій, и простой, и звучный безъ созвучій;
По волѣ Піеридъ съ достоинствомъ пѣвца
Я не мечталъ стяжать широкаго вѣнца.
О, нѣтъ! Подъ дымкою ревнивой покрывала
Мнѣ Муза молодость иную указала:
Отягощала прядь душистая волосъ
Головку дивную узломъ тяжелыхъ косъ,
Цвѣты послѣдніе въ рукѣ ея дрожали,
Отрывистая рѣчь была полна печали,
И женской прихоти, и серебристыхъ грёзъ,
Невысказанныхъ мукъ и непонятныхъ слезъ;
Какой-то нѣгою томительной волнуемъ,
Я слушалъ, какъ слова встрѣчались съ поцѣлуемъ,
И долго безъ нея душа была больна
И несказаннаго стремленія полна.

МУЗѢ.

Надолго ли опять мой уголъ посѣтила,
Заставила еще томиться и любить?
Кого на этотъ разъ собою воплотила?
Чьей рѣчью ласковой сумѣла подкупить?

Дай руку. Сядь. Зажги свой факелъ вдохновенный.
Пой, добрая! Въ тиши признàю голосъ твой
И стану, трепетный, колѣнопреклоненный,
Запоминать стихи, пропѣтые тобой.

Какъ сладко, позабывъ житейское волненье,
Отъ чистыхъ помысловъ пылать и потухать,
Могучее твое учуя дуновенье,
И вѣчно-дѣвственнымъ словамъ твоимъ внимать!

Пошли, небесная, ночамъ моимъ безсоннымъ
Еще блаженныхъ сновъ и славы, и любви,
И нѣжнымъ именемъ, едва произнесеннымъ,
Мой трудъ задумчивый опять благослови.

МУЗА.

Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.
Пушкин.

Ты хочешь проклинать, рыдая и стеня,
Бичей подыскивать к закону?
Поэт, остановись! Не призывай меня, —
Зови из бездны Тизифону!

Пленительные сны лелея наяву,
Своей божественною властью
Я к наслажденію высокому зову
И к человеческому счастью.

Когда, безчинствами обиженный опять,
В груди заслышишь зов к рыданью,
Я ради мук твоих не стану изменять
Свободы вечному призванью.

Страдать! — Страдают все! — Страдает темный зверь,
Без упованья, без сознанья, —
Но перед ним туда навек закрыта дверь,
Где радость теплится страданья.

Ожесточенному и черствому душой
Пусть эта радость незнакома:
Зачем же лиру бьешь ребяческой рукой,
Что не труба она погрома?

К чему противиться природе и судьбе?
На землю сносят эти звуки
Не бурю страстную, не вызовы к борьбе,
А исцеленіе от муки.

8 мая 1887.

НА ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ МУЗЫ.

29 января 1889 года.

На утрѣ дней все ярче и чудеснѣй
Мечты и сны въ груди моей росли, —
И пѣсенъ рой вослѣдъ за первой пѣсней
Мой тайный пылъ на волю понесли.

И, трепетнымъ отъ счастія и муки,
Хотѣлось птичкамъ Божіимъ моимъ,
Чтобъ гдѣ-нибудь ихъ налетѣли звуки
На чуткій слухъ, внимать готовый имъ.

Полвѣка ждалъ друзей я этихъ пѣсенъ,
Гадалъ о тѣхъ, кто имъ живой пріютъ, —
О, какъ мой день сегодняшній чудесенъ:
Со всѣхъ сторонъ тѣ пѣсни мнѣ несутъ!

Тутъ нѣтъ чужихъ, тутъ все — родной и кровный,
Тутъ нѣтъ враговъ, кругомъ — одни друзья! —
И всей душой за вашъ привѣтъ любовный
Къ своей груди васъ прижимаю я.

14 янв. 1889.

НА ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ МУЗЫ.

Насъ отпѣваютъ... Въ этотъ день
Никто не подойдетъ съ хулою:
Всякъ благосклонною хвалою
Нѣмую провожаетъ тѣнь.

Какъ ликъ усопшаго свѣтитъ
Душою лучшей начинаетъ!
Не то, чѣмъ былъ онъ, проступаетъ,
А только то, чѣмъ могъ онъ быть.

Живымъ карать и награждать,
А намъ, — у гробового входа, —
О, муза, — намъ велитъ природа,
Навѣкъ смиряяся, молчать.

20 дек. 1888.

Е. Д. ДУНКЕРЪ.

Если захочешь ты душу мою разгадать,
То перечти со вниманіемъ эту тетрадь:

Можно ли трезвой то высказать силой ума,
Что̀ опьяненному Муза прошепчетъ сама?

Я назову лишь цвѣтокъ, что̀ срываетъ рука, —
Муза раскроетъ и сердце, и запахъ цвѣтка;

Я разскажу, что тебя безпредѣльно люблю, —
Муза повѣдаетъ, что̀ я за муки терплю.

17 янв. 1888.

Съ солнцемъ склоняясь за темную землю,
Взоромъ весь пройденный путь я объемлю:
Вижу, безслѣдно пустынная мгла
День погасила и ночь привела.

Страннымъ лишь что-то мерцаетъ узоромъ:
Горе минувшее тайнымъ укоромъ,
Въ сбивчивомъ ходѣ несбыточныхъ грёзъ,
Тамъ милліоны разсыпало слезъ.

Стыдно и больно, что такъ непонятно
Свѣтятся эти туманныя пятна,
Словно неясно дошедшая вѣсть...
Все бы, ахъ, все бы съ собою унесть!..

22 авг. 1887.

ALTER EGO.

Какъ лилея глядится въ нагорный ручей,
Ты стояла надъ первою пѣсней моей
И—была ли при этомъ побѣда? И чья,—
У ручья ль отъ цвѣтка? У цвѣтка ль отъ ручья?

Ты душою младенческой все поняла,
Что̀ мнѣ высказать тайная сила дала,
И хоть жизнь безъ тебя суждено мнѣ влачить,
Но мы вмѣстѣ съ тобой,—насъ нельзя разлучить!

Та трава, что̀ вдали на могилѣ твоей,
Здѣсь на сердцѣ, чѣмъ старѣ оно, тѣмъ свѣжѣй,
И я знаю, взглянувши на звѣзды порой,
Что взирали на нихъ мы какъ боги съ тобой!

У любви есть слова,—тѣ слова не умрутъ;
Насъ съ тобой ожидаетъ особенный судъ:
Онъ сумѣетъ насъ сразу въ толпѣ различить,—
И мы вмѣстѣ придемъ,—насъ нельзя разлучить!

Долго снились мнѣ вопли рыданій твоихъ,—
То былъ голосъ обиды, безсилія плачъ...
Долго, долго мнѣ снился тотъ радостный мигъ,
Какъ тебя умолилъ я,—несчастный палачъ!

Проходили года,—мы умѣли любить;
Расцвѣтала улыбка, грустила печаль;
Проносились года, и пришлось уходить:
Уносило меня въ неизвѣстную даль.

Подала ты мнѣ руку,—спросила: «Идешь?»
Чуть въ глазахъ я замѣтилъ двѣ капельки слезъ...
Эти искры въ глазахъ и холодную дрожь
Я въ безсонныя ночи навѣкъ перенесъ!

2 апр. 1886.

Солнца лучъ промежъ липъ былъ и жгучъ и высокъ.
Предъ скамьой ты чертила блестящій песокъ.
Я мечтамъ отдавался, я вѣрилъ веснѣ.—
Ничего ты на все не отвѣтила мнѣ.

Я давно угадалъ, что мы сердцемъ родня,
Что ты счастье свое отдала за меня,
Я рвался, я твердилъ о не-нашей винѣ, —
Ничего ты на все не отвѣтила мнѣ.

Я молилъ, повторялъ, что нельзя намъ любить,
Что минувшіе дни мы должны позабыть,
Что въ грядущемъ цвѣтутъ всѣ права красоты,—
Ничего мнѣ и тутъ не отвѣтила ты.

Съ опочившей я глазъ былъ не въ силахъ отвесть,—
Всю погасшую тайну хотѣлъ я прочесть:
И лица твоего мнѣ простили ль черты?—
Ничего, ничего не отвѣтила ты!..

Свѣтилъ намъ день, будя огонь въ крови;
Прекрасная, восторговъ ты искала
И о своей несбыточной любви
Младенчески мнѣ тайны повѣряла...

Какъ могъ, слѣпецъ, я не видать тогда,
Что жизни ночь надъ нами лишь сгустится,
Твоя душа, красы твоей звѣзда,
Передо мной, умчавшись, загорится,

И, разлучась навѣки, мы поймемъ,
Что счастья взрывъ мы промолчали оба,
И что вздыхать обоимъ намъ по немъ,
Хоть будемъ врозь стоять у двери гроба!

9 іюня 1887.

Нѣтъ, я не измѣнилъ: до старости глубокой
Я тотъ же преданный, я рабъ твоей любви,
И старый ядъ цѣпей, отрадный и жестокій,
Еще горитъ въ моей крови.

Хоть память и твердитъ, что между насъ могила,
Хоть каждый день бреду томительно къ другой,—
Не въ силахъ вѣрить я, чтобъ ты меня забыла,
Когда ты здѣсь, передо мной.

Мелькнетъ ли красота иная на мгновенье,
Мнѣ чудится,—вотъ-вотъ—тебя я узнаю, -
И нѣжности былой я слышу дуновенье
И, содрогаясь, я пою.

2 февр. 1887.

ОТОШЕДШЕЙ.

Ты отстрадала, я еще страдаю,—
Сомнѣніемъ мнѣ суждено дышать,—
И трепещу и сердцемъ избѣгаю
Искать того, чего нельзя понять...

А былъ разсвѣтъ—я помню!—Вспоминаю
Языкъ любви, цвѣтовъ, ночныхъ лучей...
Какъ не цвѣсти всевидящему маю
При отблескѣ родномъ такихъ очей!

Очей тѣхъ нѣтъ,—и мнѣ не страшны гробы,
Завидно мнѣ безмолвіе твое,
И, не судя ни тупости ни злобы,
Скорѣй, скорѣй—въ твое небытіе!

4 ноября 1878.

Встаетъ мой день, какъ труженикъ убогій,
И свѣтитъ мнѣ безъ силы и огня,
И я бреду съ заботой и тревогой.

Мы думой врозь,—тебѣ не до меня.
Но вотъ луна прокралася изъ саду
И гаситъ ночь въ рукѣ дрожащей дня

Своимъ дыханьемъ яркую лампаду.
Таинственнымъ окружена огнемъ,
Сама идешь ты мнѣ принесть отраду;

Забыто все, что̀ угнетало днемъ,
И, полные слезами умиленья,
Мы объ руку, блаженные, идемъ,

И тѣни нѣтъ тяжелаго сомнѣнья.

Въ тиши и мракѣ таинственной ночи
Я вижу блескъ привѣтный и милый,
И въ звѣздномъ хорѣ знакомыя очи
Горятъ въ степи надъ забытой могилой.

Трава поблекла, пустыня угрюма,
И сонъ сиротливъ одинокой гробницы,
И только въ небѣ, какъ вѣчная дума,
Сверкаютъ звѣздъ золотыя рѣсницы.

И снится мнѣ, что ты встала изъ гроба,
Такой же, какой ты съ земли отлетѣла,
И снится мнѣ, что мы молоды оба,
И ты взглянула, какъ прежде глядѣла.

Въ благословенный день, когда стремлюсь душою
Въ блаженный міръ любви, добра и красоты,
Воспоминаніе выноситъ предо мною
Нерукотворныя черты.

Предъ тѣнью милою, колѣнопреклоненный,
Въ слезахъ молитвенныхъ, я сердцемъ оживу
И вновь затрепещу, тобою просвѣтленный,—
Но все тебя не назову.

И тайной сладостной душа моя мятется;
Когда жъ окончится земное бытіе,
Мнѣ ангелъ кротости и грусти отзовется
На имя нѣжное твое.

О, не вѣряйся ты шумному
Блеску толпы неразумному,—
Ты его міру безумному
Брось и о немъ не тужи:
Льни ты—хотя бъ къ преходящему,
Трепетной нѣгой манящему,
Лишь одному настоящему,
Имъ лишь однимъ дорожи!

QUASI UNA FANTASIA.

(Е. М. Семенковичъ).

Сновидѣнье—
Пробужденье--
Таетъ мгла—
Какъ весною
Надо мною
Высь свѣтла...

Неизбѣжно,
Страстно, нѣжно
Уповать,
Безъ усилій,
Съ плескомъ крылій,
Залетать

Въ міръ стремленій,
Преклоненій
И молитвъ.—
Радость чуя,
Не хочу я
Вашихъ битвъ!

31 дек. 1889.

КЛЮЧЪ.

Межъ селеньемъ и рощей нагорной
Вьется свѣтлою лентой рѣка,
А на храмѣ надъ озимью черной
Яркій крестъ поднялся въ облака.

И толпой голосистой и жадной
Все къ зарѣ набѣжитъ со степей,
Точно вѣсть надъ волною прохладной
Пронеслась: освѣжись и испей!

Но въ шумящей толпѣ ни единый
Не присмотрится къ кущамъ деревъ,
И не слышенъ имъ зовъ соловьиный
Въ ревѣ стадъ и плесканьи вальковъ.

Лишь одинъ въ часъ вечерній, завѣтный,
Я къ журчащему сладко ключу
По тропинкѣ лѣсной незамѣтной
Путь обычный во мракѣ сыщу.

Дорожа соловьинымъ покоемъ,
Я ночного пѣвца не спугну
И устами, спаленными зноемъ,
Къ освѣжительной влагѣ прильну.

День проснется, и рѣчи людскія
Закипятъ раздраженной волной,
И помчитъ, разливаясь, стихія
Все, что́ вызвано алчной нуждой.

И мои зажурчатъ пѣснопѣнья,—
Но въ зыбучихъ струяхъ ты найдешь
Развѣ ласковой думы волненья,
Развѣ сердца напрасную дрожь.

А. Л. БРЖЕССКОЙ.

Нѣтъ, лучше голосомъ, ласкательно обычнымъ,
Безумца вѣчнаго, поэта, не буди:
Оставь его въ толпѣ, ненужнымъ и безличнымъ,
За шумною волной безмолвному идти!

Зачѣмъ уснувшаго будить къ тоскѣ безсильной?
Къ чему шептать про свѣтъ, когда кругомъ темно,
И дружеской рукой срывать покровъ могильный
Съ того, что̀ спать навѣкъ въ груди обречено?

Вѣдь это—прахъ святой затихшаго страданья!
Вѣдь это—милыя почившія сердца!
Вѣдь это—страстныя, блаженныя рыданья!
Вѣдь это—терніи колючаго вѣнца!

1 апр. 1886.

КРЫМСКІЙ ОБВАЛЪ.

—«Ты былъ для насъ всегда вонъ той скалою,
Взлетѣвшей къ небесамъ,—
Подъ бурями, подъ ливнемъ и грозою
Невозмутимый самъ.

Защищены отъ сѣвера тобою,
Надъ зеркаломъ наядъ
Росли мы здѣсь веселою семьею,
Цвѣтущій вертоградъ.

И вдругъ вчера,—тебя я не узнала,—
Ты былъ какъ Божій громъ...
Умолкла я,— я вся затрепетала
Передъ твоимъ лицомъ».

—«О, да, скала молчитъ; но—неужели
Ты думаешь: ничуть
Всѣ бури ей, всѣ ливни и мятели
Не надрываютъ грудь?

Откуда же,—ты помнишь,—это было:
Вдругъ землю потрясло,
И что-то въ ночь весь садъ проборроздило
И слѣдомъ все легло?

И никому не разсказало море,
Чѣ̀ кануло ко дну...
А то скала свое былое горе
Швырнула въ глубину».

2 іюля 1883.

Когда читала ты мучительныя строки,
Гдѣ сердца звучный пылъ сіянье льетъ кругомъ
И страсти роковой вздымаются потоки,—
Не вспомнила ль о чемъ?

Я вѣрить не хочу! Когда въ степи, какъ диво,
Въ полночной темнотѣ безвременно горя,
Вдали передъ тобой прозрачно и красиво
Вставала вдругъ заря,

И въ эту красоту невольно взоръ тянуло,
Въ тотъ величавый блескъ за темный весь предѣлъ,—
Ужель ничто тебѣ въ то время не шепнуло:
«Тамъ человѣкъ сгорѣлъ!»

15 февр. 1887.

Въ душѣ, измученной годами,
Есть неприступный чистый храмъ,
Гдѣ все нетлѣнно, что̀ судьбами
Въ отраду посылалось намъ.

Для міра путь къ нему заглохнетъ,
Но въ этотъ дѣвственный тайникъ,
Хотя бъ и могъ, скорѣй изсохнетъ,
Чѣмъ путь укажетъ мой языкъ.

Скажи же, ка̀къ, при первой встрѣчѣ,
Успокоительно-свѣтла,
Вчера,—о, какъ оно далече! —
Живая ты въ него вошла?

И вотъ отнынѣ поневолѣ
Въ блаженной памяти моей
Одной улыбкой нѣжной болѣ,
Одной звѣздой любви свѣтлѣй.

Чѣмъ безнадежнѣе и строже
Года разъединяютъ насъ,
Тѣмъ сердцу моему дороже,
Дитя, съ тобой крылатый часъ.

Я лѣтъ не чувствую суровыхъ,
Когда въ глаза ко мнѣ порой
Изъ-подъ рѣсницъ твоихъ шелковыхъ
Заглянетъ ангелъ голубой.

Не въ силахъ ревности мятежность
Я побѣдить и скрыть печаль:
Мнѣ эту дѣвственную нѣжность
Въ глазахъ толпы оставить жаль!

Я знаю, жизнь не дастъ отвѣта
Твоимъ несбыточнымъ мечтамъ,
И лишь одна душа поэта —
Ихъ вѣчно празднующій храмъ.

Сегодня день твой просвѣтлѣнья,
И на вершинѣ красоты
Живую тайну вдохновенья
Всѣмъ существомъ вѣщаешь ты.

Мечты несбыточной подруга,
Царишь съ поэтомъ ты вдвоемъ, —
А завтра, вѣрно, мы другъ друга
И не найдемъ и не поймемъ...

Такъ, невозможно, несомнѣнно,
Огнемъ пронизанъ золотымъ,
Съ закатомъ солнечнымъ мгновенно
Чертоговъ яркихъ таетъ дымъ.

19 іюня 1887.

РАКЕТА.

Горѣлъ напрасно я душой,
Не озаряя ночи черной:
Я лишь вознесся предъ тобой
Стезею шумной и проворной.

Лечу на смерть во слѣдъ мечтѣ...
Знать, мой удѣлъ—лелѣять грезы
И тамъ, со вздохомъ, въ высотѣ
Разсыпать огненныя слезы.

21 янв. 1888.

Не нужно, не нужно мнѣ проблесковъ счастья,
Не нужно мнѣ слова и взора участья,—
Оставь и дозволь мнѣ рыдать!
Къ горячему снова прильнувъ изголовью,
Дозволь мнѣ моей нераздѣльной любовью,
Забывъ все на свѣтѣ, дышать!

Когда бы ты знала, какимъ сиротливымъ,
Томительно-сладкимъ, безумно-счастливымъ
Я горемъ въ душѣ опьяненъ,—
Безмолвно прошла бъ ты воздушной стопою,
Чтобъ даже своей благовонной стезею
Больной не смутила мой сонъ.

Не такъ ли, чуть роща одѣться готова—
Въ весенніи ночи—свѣтила дневного
Боится крылатый пѣвецъ?—
И, только-что сумракъ разгонитъ денница,
Смолкаетъ зарей отрезвленная птица:
И счастью и пѣснѣ конецъ.

4 ноября 1887.

Упрекомъ, жалостью внушеннымъ,
Не растравляй души больной:
Позволь колѣнопреклоненнымъ
Мнѣ оставаться предъ тобой!

Горя надъ суетной землею,
Ты милосердно разрѣши
Мнѣ упиваться чистотою
И красотой твоей души,

Глядѣть, какимъ прозрачнымъ свѣтомъ
Окружена ты на землѣ,
Какъ Божій міръ при свѣтѣ этомъ
Въ голубоватой тонетъ мглѣ!..

О, я блаженъ среди страданій!
Какъ радъ, себя и міръ забывъ
Я подступающихъ рыданій
Горячій сдерживать приливъ!

31 янв. 1888.

Роящимся мечтамъ летѣть давъ волю
Къ твоимъ стопамъ,
Тебя никакъ смущать я не дозволю
Любви словамъ:

Я знаю, мы изъ разныхъ поколѣній
Съ тобой пришли,
Несходныхъ словъ и розныхъ откровеній
Мы принесли!

Передъ тобой во храминѣ сердечной
Я затворюсь
И юности ласкающей и вѣчной
Въ ней помолюсь.

14 мая 1891.

Не могу я слышать этой птички,
Чтобы тотчасъ сердцемъ не вспорхнуть;
Не могу, наперекоръ привычкѣ,
Какъ войдешь,—хоть молча, не вздохнуть.

Ты не вспыхнешь, ты не поблѣднѣешь,
Взоры полны тихаго огня,—
Больно видѣть мнѣ, какъ ты умѣешь
Не видать и не слыхать меня!

Я тебя невольно безпокою,—
Торжество должна ты искупить:
На зарѣ безъ тучъ нельзя такою
Молодой и лучезарной быть!

16 февр. 1892.

Только-что спрячется солнце,
Неба затепливъ красу,
Тихо къ тебѣ подъ оконце
Пѣсню свою понесу.

Чистой и вольной душою,
Ясной и свѣжей, какъ ночь,
Смѣйся надъ пѣснью больною,
Прочь отгоняй ее, прочь!

Какъ бы за легкимъ вниманьемъ
Въ вольное сердце дотоль
Вслѣдъ за живымъ состраданьемъ
Та же не вкралася боль.

14 янв. 1888.

Я не знаю, не скажу я,—
Оттого ли, что гляжу я
На тебя, я все пою,
И задорное веселье
Ты, какъ легкое похмелье,
Проливаешь въ пѣснь мою.

Иль—еще того чудеснѣй—
За моей дрожащей пѣсней
Таетъ думъ невольныхъ мгла,
И—за то ли, оттого ли,—
До томленія, до боли
Ты привѣтливо свѣтла?

11 дек. 1890.

Ты вся въ огняхъ,—твоихъ зарницъ
И я сверканьями украшенъ...
Подъ сѣнью ласковыхъ рѣсницъ
Огонь небесный мнѣ не страшенъ,

Но я боюсь такихъ высотъ,
Гдѣ устоять я не умѣю:
Какъ сохранить мнѣ образъ тотъ,
Что приданъ мнѣ душой твоею?

Боюсь, на блѣдный обликъ мой
Падетъ твой взоръ неблагосклонный,
И я очнусь передъ тобой,
Угасшій вдругъ и опаленный.

2 авг. 1886.

Забудь меня, безумецъ изступленный,
Покоя не губи:
Я создана душой твоей влюбленной,
Ты грёзы не люби!

О, вѣрь и знай, мечтатель малодушный,
Что, мучась и стеня,
Чѣмъ ближе ты къ мечтѣ своей воздушной,
Тѣмъ дальше отъ меня.

Такъ надъ водой младенецъ, восхищенный
Луной, подъемлетъ крикъ:
Онъ бросится,—и съ влаги возмущенной
Исчезъ сребристый ликъ...

Дитя, отри заплаканное око,
Не довѣряй мечтамъ:
Луна плыветъ и свѣтится высоко;
Она не здѣсь, а тамъ!

Не избѣгай: я не молю
Ни слезъ, ни сердца тайной боли!
Своей тоскѣ хочу я воли
И повторять тебѣ: «люблю!».

Хочу нестись къ тебѣ, летѣть,
Какъ волны по равнинѣ водной,
Поцѣловать гранитъ холодный,
Поцѣловать—и умереть!

—«Полуразрушенный, полужилецъ могилы,
О таинствахъ любви зачѣмъ ты намъ поешь?
Зачѣмъ, куда тебя домчать не могутъ силы,
Какъ дерзкій юноша, одинъ ты насъ зовешь?»

—«Томлюся—и пою; ты слушаешь—и млѣешь:
Въ напѣвахъ старческихъ твой юный духъ живетъ.
Такъ въ хорѣ молодомъ: «Ахъ, слышишь, разумѣешь..»
Цыганка старая одна еще поетъ».

4 янв. 1888.

Томительно-призывно и напрасно
Твой чистый лучъ передо мной горѣлъ:
Нѣмой восторгъ будилъ онъ самовластно,
Но сумрака кругомъ не одолѣлъ.

Пускай клянутъ, волнуяся и споря,
Пусть говорятъ: «То бредъ души больной!».
Но я иду по шаткой пѣнѣ моря
Отважною, не тонущей ногой

Я пронесу твой свѣтъ чрезъ жизнь земную,
Онъ мой,—и съ нимъ двойное бытіе
Вручила ты, и я,—я торжествую,
Хотя на мигъ, безсмертіе твое!

Безобиднѣй всѣхъ и проще
Въ общемъ хорѣ голосистомъ,
Вольной птицей въ вешней рощѣ
Раздражалъ я воздухъ свистомъ.

Все замолкло предъ зимою,
Нѣтъ и птицъ на голой вѣткѣ,
Но—счастливецъ—я тобою
Въ золотой задержанъ клѣткѣ.

Дай мнѣ ручку, дорогая,—
Къ ней прильнуть трепещутъ крылья!
Пусть умру я, распѣвая,
Отъ восторговъ и усилья.

22 янв. 1891.

Окна въ рѣшеткахъ, и сумрачны лица,
Злоба глядитъ ненавистно на брата...
Я признаю твои стѣны, темница,—
Юности пиръ ликовалъ здѣсь когда-то.

Что жъ тамъ мелькнуло красою нетлѣнной?
Ахъ, то цвѣтокъ мой весенній любимый!
Какъ уцѣлѣлъ ты, засохшій, смиренный,
Тутъ, подъ ногами толпы нелюдимой?

Радость сіяла, чиста безупречно,
Въ часъ, какъ тебя обронила невѣста...
Нѣтъ, не покину тебя безсердечно:
Здѣсь, у меня на груди, тебѣ мѣсто!

Ты правъ, мы старимся. Зима не далека,
Намъ кто-то праздновать мѣшаетъ,
И кудри темныя незримая рука
И серебритъ и обрываетъ.

Въ пути пріутомясь, покорнѣй мы другихъ
Въ лицо намъ вѣющимъ невзгодамъ,
И не подъ силу намъ безумцевъ молодыхъ
Веселымъ править хороводомъ.

Такъ что жъ, ужели намъ, покуда мы живемъ,
Вздыхать, оборотясь къ закату,
Какъ нѣкогда, томясь любви живымъ огнемъ,
Любви пѣвали мы утрату?

Нѣтъ, мы не отжили! Мы властны день любой
Чертою бѣлою отмѣтить,
И Музы сирыя еще на зовъ ночной
Намъ поторопятся отвѣтить.

Къ чему пытать судьбу? Быть-можетъ, коротка
Въ рукахъ у Парки нитка наша!
Еще разымчива, душиста и сладка
Намъ Гебы пѣнистая чаша?

Зажжетъ, какъ прежде, намъ во глубинѣ сердецъ
Ея огонь благія чувства?
Такъ пей же изъ нея, любимый нашъ пѣвецъ:
Въ ней есть искусство для искусства!

Кричатъ перепела, трещатъ коростели,
Ночныя бабочки взлетѣли,
И позднихъ соловьевъ надъ рѣчкою вдали
Звучатъ порывистыя трели.

Въ напѣвахъ вечера тревожною душой
Ищу былого наслажденья,—
Увы, какъ прежде, въ грудь живительной струей
Они не вносятъ откровенья!

Но тѣмъ мучительнѣй, какъ близкая бѣда,
Меня томитъ вопросъ лукавый:
Ужели поднесли къ устамъ моимъ года
Съ такою горькою отравой?

Иль вѣкъ смолкающій въ наслѣдство передалъ
Свои безплодныя мнѣ муки,
И въ одиночествѣ мнѣ допивать фіалъ,
Изъ рукъ переходившій въ руки?

Проходятъ юноши съ улыбкой предо мной,
И слышу я ихъ шопотъ внятный:
—«Чего онъ ищетъ здѣсь средь жизни молодой
Съ своей тоскою непонятной?»

Спѣшите, юноши, и вѣрить и любить,
Вкушать и трудъ и наслажденье:
Придетъ моя пора,—и скоро, можетъ-быть,
Мое наступитъ возрожденье,

Приснится мнѣ опять весенній, свѣтлый сонъ
На лонѣ божески-единомъ,
И міра юнаго, покоенъ, примиренъ,
Я стану вѣчнымъ гражданиномъ.

Влачась въ бездѣйствіи лѣнивомъ
Навстрѣчу осени своей,
Намъ съ каждымъ молодымъ порывомъ,
Что̀ день, встрѣчаться веселѣй.

Такъ въ лѣтній зной, когда въ долины
Съѣзжаютъ бережно снопы,
И въ зрѣлыхъ жатвахъ круговины
Глубоко врѣзали серпы,

Прорвешь случайно повилику
Нетерпѣливою ногой—
И вдругъ откроешь землянику
Краснѣй и слаще, чѣмъ весной.

Не смѣйся, не дивися мнѣ,
Въ недоумѣньи дѣтски-грубомъ,
Что передъ этимъ дряхлымъ дубомъ
Я вновь стою по старинѣ:

Не много листьевъ на челѣ
Больного старца уцѣлѣли,
Но вновь съ весною прилетѣли
И жмутся горленки въ дуплѣ.

В. С. СОЛОВЬЕВУ.

Ты изумляешься, что я еще пою—
Какъ будто прежняя во храмъ вступаетъ жрица,—
И, чѣмъ-то молодымъ овѣявъ пѣснь мою,
То ласточка мелькнетъ, то длинная рѣсница?

Не все же былъ я старъ, и жизненныхъ трудовъ
Не вѣчно на плеча ложилася обуза:
Въ безпечные года, въ виду ночныхъ пировъ,
Огни потѣшные изготовляла Муза.

Какъ сожигать тогда отрадно было ихъ
Въ кругу пріятелей, въ глазахъ воздушной феи!
Ихъ было множество, и яркихъ и цвѣтныхъ...
Но рабскій трудъ прервалъ веселыя затѣи.

И вотъ, когда теперь, поникнувъ головой
И исподлобья въ даль одну вперяя взгляды,
Раздумье набредетъ тяжелою ногой,
И слышишь выстрѣлъ ты,—то старые заряды.

10 апр. 1885.

Дулъ сѣверъ, плакала трава
И вѣтви о недавнемъ зноѣ,
И розъ, проснувшихся едва,
Сжималось сердце молодое.

Стоялъ угрюмъ тѣнистый садъ,
Забывъ о пѣньи голосистомъ,—
Лишь соловьихи робкихъ чадъ
Хрипливымъ подзывали свистомъ.

Прошла пора влюбленныхъ грёзъ,—
Зачѣмъ еще томиться тщетно?
Но вдругъ одинъ любовникъ розъ
Запѣлъ такъ ярко, беззавѣтно...

Прощай, соловушко! И я
Готовъ на мигъ воскреснуть тоже,
И пѣснь послѣдняя твоя
Всѣхъ вешнихъ пѣсенъ мнѣ дороже.

Моего тотъ безумства желалъ, кто смежалъ
Этой розы завои, и блестки, и росы!
Моего тотъ безумства желалъ, кто свивалъ
Эти тяжкимъ узломъ набѣжавшія косы!

Злая старость хотя бы всю радость взяла,
А душа моя такъ же, предъ самымъ закатомъ,
Прилетѣла бъ со стономъ сюда, какъ пчела,
Охмелѣть, упиваясь такимъ ароматомъ.

И, сознаніе счастья на сердцѣ храня,
Стану буйства я жизни живымъ отголоскомъ:
Этотъ медъ благовонный—онъ мой, для меня!
Пусть другимъ онъ останется тонкимъ лишь воскомъ!

25 апр. 1887.

Еще люблю, еще томлюсь
Передъ всемірной красотою
И ни за что не отрекусь
Отъ ласкъ, ниспосланныхъ тобою.

Покуда на груди земной
Хотя съ трудомъ дышать я буду,
Весь трепетъ жизни молодой
Мнѣ будетъ внятенъ отовсюду.

Покорны солнечнымъ лучамъ,
Такъ сходятъ корни въ глубь могилы
И тамъ у смерти ищутъ силы
Бѣжать навстрѣчу вешнимъ днямъ.

30 дек. 1890.

Еще одно забывчивое слово,
Еще одинъ случайный полувздохъ. —
И тосковать я сердцемъ стану снова
И буду я опять у этихъ ногъ.

Душа дрожитъ, готова вспыхнуть чище,
Хотя давно угасъ весенній день,
И при лунѣ на жизненномъ кладбищѣ
Страшна и ночь и собственная тѣнь.

А. Л. БРЖЕССКОЙ.

Далекій другъ, пойми мои рыданья,
Ты мнѣ прости болѣзненный мой крикъ:
Съ тобой цвѣтутъ въ душѣ воспоминанья,
И дорожить тобой я не отвыкъ!

Кто скажетъ намъ, что жить мы не умѣли,
Бездушные и праздные умы,
Что въ насъ добро и нѣжность не горѣли
И красотѣ не жертвовали мы?

— Гдѣ жъ это все? Еще душа пылаетъ,—
Попрежнему готова міръ обнять,—
Напрасный жаръ,—никто не отвѣчаетъ!..
Воскреснутъ звуки—и замрутъ опять...

Лишь ты одна! Высокое волненье
Издалека мнѣ голосъ твой принесъ:
Въ ланитахъ кровь и въ сердцѣ вдохновенье. .
Прочь этотъ сонъ,— въ немъ слишкомъ много слезъ!

Не жизни жаль съ томительнымъ дыханьемъ,—
Чтò жизнь, и смерть!..—А жаль того огня,
Чтò просіялъ надъ цѣлымъ мірозданьемъ —
И въ ночь идетъ!.. И плачетъ, уходя!..

28 янв. 1879.

А. Л. БРЖЕССКОЙ.

Опять весна—опять дрожатъ листы
Съ концовъ березъ и на макушкѣ ивы.
Опять весна—опять твои черты,
Опять моя воспоминанья живы...

Весна, весна! О, какъ она крѣпитъ,
Какъ жизненной насъ учитъ вѣрить силѣ!
Пускай нашъ добрый, лучшій другъ нашъ спитъ
Въ своей цвѣтами убранной могилѣ, —

Онъ говоритъ: «Пріободрись и ты:
Нельзя больной лелѣять два недуга»...
Когда къ нему ты понесешь цвѣты,
Снеси ему сочувствіе отъ друга.

Минувшаго нельзя намъ воротить,
Грядущему нельзя не довѣряться:
Хоть смерть въ виду, а все же нужно жить, —
А слово жить, вѣдь,—значитъ: покоряться.

ГРАФИНѢ С. А. ТОЛСТОЙ

(вдовѣ графа Алексѣя Константиновича).

Гдѣ, средь иного поколѣнья,
Намъ міръ такъ пустъ,
Ловлю усмѣшку утомленья
Я вашихъ устъ.

Мнѣ все сдается: миновали
Восторги розъ,
Цвѣты послѣдніе увяли, —
Побилъ морозъ, —

И безуханна, безпривѣтна
Тропа и тамъ,
Гдѣ что-то блѣдное замѣтно
По бороздамъ;

Но знаю, въ воздухѣ нагрѣтомъ,
Богъ здѣсь, со мной,
Цвѣты задышать прежнимъ лѣтомъ
И резедой.

21 дек. 1889.

Опавшій листъ дрожитъ отъ нашего движенья,
Но зелени еще свѣжа надъ нами тѣнь,
А что-то говоритъ, средь радости сближенья,
Что этотъ желтый листъ—нашъ слѣдующій день...

Какъ ненасытны мы и какъ несправедливы!
Всю радость явную невѣрный гонитъ страхъ!
Еще такъ ласковы волосъ твоихъ извивы!
Какой живетъ восторгъ на блекнущихъ устахъ!

Идемъ. Надолго ли еще не разлучаться.
Надолго ли дышать отрадою? Какъ знать!
Пора за будущность заранѣ не пугаться,
Пора о счастіи учиться вспоминать!

15 янв 1891.

Блескомъ вечернимъ овѣяны горы.
Сырость и мгла набѣгаютъ въ долину.
Съ тайной мольбою подъемлю я взоры:
— «Скоро ли холодъ и сумракъ покину?»

Вижу на томъ я уступѣ румяномъ —
Сдвинуты кровель уютныя гнѣзды;
Вонъ засвѣтилисъ подъ старымъ каштаномъ
Милыя окна, какъ вѣрныя звѣзды..

Кто жъ меня втайнѣ пугаетъ обманомъ:
— «Сердцемъ, какъ прежде, ты чистъ ли и молодъ?
Что, если тамъ, въ этомъ мірѣ румяномъ,
Снова охватитъ и сумракъ и холодъ?»

Напрасно ты восходишь надо мной
Посланницей волшебныхъ сновидѣній
И, юностью сіяя заревой,
Ждешь отъ меня похвалъ и пѣснопѣній:

Какъ ярко ты и нѣжно ни гори
Надъ каменнымъ, угаснувшимъ Мемнономъ, —
На яркія привѣтствія зари
Онъ отвѣчать способенъ только стономъ.

Давно въ любви отрады мало:
Безъ отзыва вздохи, безъ радости слезы;
Что̀ было сладко,—горько стало;
Осыпались розы, разсѣялись грёзы...

Оставь меня, смѣшай съ толпою! —
Но—ты отвернулась, а сѣтуешь, видно...
И все еще больна ты мною?
О, какъ же мнѣ тяжко и какъ мнѣ обидно!

24 іюня 1891.

Все, что̀ волшебно такъ манило,
Изъ-за чего весь вѣкъ жилось,
Со днями зимними остыло
И непробудно улеглось.

Нѣтъ ни надеждъ ни силъ для битвы, —
Лишь, посреди ничтожныхъ смутъ,
Какъ гордость думъ, какъ храмъ молитвы,
Страданья въ прошломъ возстаютъ...

28 февр. 1892.

Жизнь пронеслась безъ явнаго слѣда.
Душа рвалась,—кто скажетъ мнѣ, куда?
Съ какой заранѣ избранною цѣлью?
Но всѣ мечты, все буйство первыхъ дней
Съ ихъ радостью—все тише, все яснѣй
Къ послѣднему подходитъ новоселью.

Такъ, завершна безпутный свой побѣгъ,
Съ нагихъ полей летитъ колючій снѣгъ,
Гонимый ранней, буйною мятелью,
И, на лѣсной остановясь глуши,
Сбирается въ серебряной тиши
Глубокой и холодною постелью.

НИЧТОЖЕСТВО.

Тебя не знаю я. Болѣзненные крики
На рубежѣ твоемъ рождала грудь моя,
И были для меня мучительны и дики
Условья первыя земного бытія.

Сквозь слезъ младенческихъ обманчивой улыбкой
Надежда озарить сумѣла мнѣ чело,—
И вотъ, всю жизнь съ тѣхъ поръ, ошибка за ошибкой,
Я все ищу добра и нахожу лишь зло.

И дни смѣняются утратой и заботой, —
Не все ль равно: одинъ иль много этихъ дней?
Хочу тебя забыть надъ тяжкою работой,
Но мигъ,—и ты въ глазахъ съ бездонностью своей...

Что̀ жъ ты? Зачѣмъ?—Молчатъ и чувства и познанье...
Чей глазъ хоть заглянулъ на роковое дно?
Ты,—это вѣдь я самъ: ты только отрицанье
Всего, что̀ чувствовать, что̀ мнѣ узнать дано.

Что̀ жъ я узналъ?—Пора узнать, что въ мірозданьи,
Куда ни обратись, вопросъ, а не отвѣтъ;
А я дышу, живу, и понялъ, что въ незнаньи —
Одно прискорбное, но страшнаго въ немъ нѣтъ.

А между тѣмъ, когда бъ, въ смятеніи великомъ
Срываясь, силой я хоть дѣтской обладалъ, —
Я встрѣтилъ бы твой край тѣмъ самымъ рѣзкимъ крикомъ,
Съ какимъ я нѣкогда твой берегъ покидалъ!

СМЕРТЬ.

— «Я жить хочу!—кричитъ онъ, дерзновенный:-
Пускай обманъ! О, дайте мнѣ обманъ!»
И въ мысляхъ нѣтъ, что это—ледъ мгновенный,
А тамъ, подъ нимъ—бездонный океанъ...

Бѣжать?—Куда? Гдѣ правда, гдѣ ошибка?
Опора гдѣ, чтобъ руки въ ней простерть?
Что ни разсвѣтъ живой, что ни улыбка, —
Уже подъ ними торжествуетъ смерть...

Слѣпцы напрасно ищутъ, гдѣ дорога,
Довѣрясь чувствъ слѣпымъ поводырямъ,—
Но если жизнь--базаръ крикливый Бога,
То только смерть—Его безсмертный храмъ.

СМЕРТИ.

Я въ жизни обмиралъ—и чувство это знаю,
Гдѣ мукамъ всѣмъ конецъ и сладокъ томный хмель:
Вотъ почему я васъ безъ страха ожидаю,
Ночь безразсвѣтная и вѣчная постель!

Пусть головы моей рука твоя коснется
И ты сотрешь меня со списка бытія,—
Но предъ моимъ судомъ, покуда сердце бьется,
Мы силы равныя, и торжествую—я:

Еще ты каждый мигъ моей покорна волѣ,
Ты тѣнь у ногъ моихъ, безличный призракъ ты;
Покуда я дышу,—ты мысль моя, не болѣ,
Игрушка шаткая тоскующей мечты.

НИКОГДА.

Проснулся я. Да, крыша гроба!—Руки
Съ усильемъ простираю и зову
На помощь... Да, я помню эти муки
Предсмертныя,—да, это наяву! —
И безъ усилій, словно паутину
Сотлѣвшую, раздвинулъ домовину

И всталъ. Какъярокъ этотъ зимній свѣтъ
Во входѣ склепа! Можно ль сомнѣваться?
Я вижу снѣгъ. На склепѣ двери нѣтъ.
Пора домой. Вотъ дома изумятся!
Мнѣ паркъ знакомъ, нельзя съ дороги сбиться.
А какъ онъ весь успѣлъ перемѣниться!

Бѣгу. Сугробы. Мертвый лѣсъ торчитъ
Недвижными вѣтвями въ глубь эѳира,
Но ни слѣдовъ ни звуковъ. Все молчитъ,
Какъ въ царствѣ смерти сказочнаго міра.
А вотъ и домъ. Въ какомъ онъ разрушеньи!
И руки опустились въ изумленьи...

Селенье спитъ подъ снѣжной пеленой.
Тропинки нѣтъ по всей степи раздольной.
Да, такъ и есть! Надъ дальнею горой
Узналъ я церковь съ ветхой колокольней.
Какъ мерзлый путникъ въ снѣговой пыли,
Она торчитъ въ безоблачной дали.

Ни зимнихъ птицъ, ни мошекъ на снѣгу...
Все понялъ я: земля давно остыла
И вымерла... Кому же берегу
Въ груди дыханье? Для кого могила

Меня вернула? И мое сознанье —
Съ чѣмъ связано? И въ чемъ его призванье?

Куда итти, гдѣ некого обнять, —
Тамъ, гдѣ въ пространствѣ затерялось время?
Вернись же, смерть, поторопись принять
Послѣдней жизни роковое бремя,
А ты, застывшій трупъ земли, лети,
Неся мой трупъ по вѣчному пути!

СМЕРТИ.

Когда, измученъ жаждой счастья
И громомъ бѣдствій оглушенъ,
Со взоромъ, полнымъ сладострастья,
Въ тебѣ послѣдняго участья
Искать страдалецъ обреченъ,—

Не вѣрь, суровый ангелъ Бога,
Тушить свой факелъ погоди!
О, какъ въ страданьи вѣры много!
Постой,—безумная тревога
Уснетъ въ измученной груди,

Придетъ пора,—пора иная, —
Повѣетъ жизни благодать —
И будетъ тотъ, кто, изнывая,
Въ тебѣ встрѣчалъ предтечу рая,
Предъ тобою трепетать.

Но—кто не молитъ и не проситъ,
Кому страданье не дано,
Кто жизни злобно не поноситъ,
А молча, сознавая, носитъ
Твое могучее зерно,

Кто дышитъ съ равнымъ напряженьемъ, —
Того, безмолвна, посѣти;
Повѣя полнымъ примиреньемъ,
Ему предстань за сновидѣньемъ
И тихо вѣжды опусти.

Была пора, и ледъ потока
Лежалъ подъ снѣжной пеленой:
Недосягаемо для ока
Таился рѣчки бѣгъ живой.

Пришла весна, ея дыханье
Надъ снѣжнымъ пронеслось ковромъ,—
И стали видны содроганья
Струи, бѣгущей подо льдомъ.

И близки дни, когда всѣ блага
Къ намъ низведетъ пора любви, —
И мнѣ зарей раскроетъ влага
Объятья чистыя свои.

1 апр. 1890.

ГРЕЗЫ.

Мнѣ снился сонъ, что сплю я непробудно
Что умеръ я и въ грёзы погруженъ,—
И на меня ласкательно и чудно
Надежды тѣнь навѣялъ этотъ сонъ.

Я счастья жду,—какого?—самъ не знаю...
Вдругъ—колоколъ,—и все уяснено,
И, просіявъ душой, я понимаю,
Что счастье—въ этихъ звукахъ: вотъ оно!

И звуки тѣ прозрачнѣе, и чище,
И радостнѣй всѣхъ голосовъ земли,
И чувствую—на дальнее кладбище
Меня подъ нихъ, качая, понесли...

Въ груди восторгъ и сдавленная мука,
Хочу привстать, хоть разъ еще вздохнуть
И, на волнѣ ликующаго звука
Умчася въ даль, во мракѣ потонуть.

Былъ чудный майскій день въ Москвѣ:
Кресты церквей сверкали,
Вились касатки подъ окномъ
И звонко щебетали.

Я подъ окномъ сидѣлъ, влюбленъ,
Душой и юнъ и боленъ.
Какъ пчелы, звуки вдалекѣ
Жужжали съ колоколенъ.

Вдругъ звуки стройно, какъ органъ,
Запѣли въ отдаленьи, —
Невольно дрогнула душа
При этомъ строгомъ пѣньи...

И шелъ и росъ поющій хоръ,
И непонятной силой
Въ душѣ сливался ликъ небесъ
Съ безмолвною могилой.

И шелъ и росъ поющій хоръ,
И черною грядою
Тянулся набожно народъ
Съ открытой головою.

И миновалъ поющій хоръ, —
Его я минулъ взоромъ, —
И гробикъ розовый прошелъ
За громогласнымъ хоромъ.

Струился теплый вѣтерокъ,
Покровы колыхая,
И мнѣ казалось, что душа
Парила молодая.

Весенній блескъ, весенній шумъ,
Молитвы стройной звуки, —
Все тихимъ вѣяло крыломъ
Надъ грустію разлуки.

За гробомъ шла, шатаясь, мать...
Надгробное рыданье!..
Но мнѣ казалось, что легко
И самое страданье.

Не первый годъ у этихъ мѣстъ
Я въ часъ вечерній проѣзжаю—
И каждый разъ гляжу окрестъ
И надъ березами встрѣчаю
Все тотъ же золоченый крестъ,

Среди зеленой густоты
Карнизовъ обветшалыхъ пятна,
Внизу могилы и кресты,
И мнѣ,—мнѣ, кажется, понятно,
Что шепчутъ куполу листы.

Еще, колеблясь и дыша,
Надъ дорогими мертвецами
Стремлюсь куда-то, вдаль спѣша,
Но встрѣчу съ тихими гробами
Смиренно празднуетъ душа.

Солнце садится, и вѣтеръ утихнулъ летучій,—
Нѣтъ и слѣда тѣхъ огнями пронизанныхъ тучъ.
Вотъ на окраинѣ дрогнулъ живой и не жгучій,
Всю эту степь озарившій и гаснущій лучъ.

Солнца ужъ нѣтъ, нѣтъ и дня неустанныхъ стремленій,·
Только закатъ будетъ долго чуть зримо горѣть...
О, если бъ небо судило безъ тяжкихъ томленій
Такъ же и мнѣ, оглянувшись на жизнь, умереть!

29 апр. 1883.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ СЕРДЦУ.

Сердце,—ты, малютка!—
Угомонъ возьми,
Хоть на мигъ разсудка
Голосу вонми:
Радъ принять душою
Всю болѣзнь твою,—
Спи, Господь съ тобою,
Баюшки-баю!

Не касайся къ ранѣ,—
Станетъ подживать;
Не тоскуй по нянѣ,
Чтò ушла гулять:
Это только шутка,
Няню жди свою...
Засыпай, малютка,
Баюшки-баю!

А не то другая
Нянюшка придетъ,
Сядетъ, молодая,
Пѣсни запоетъ:
«Посмотри, родное,
На красу мою,
Да усни въ покоѣ...
Баюшки-баю!»

Чтò жъ ты повернулось?
Прежней няни жаль?
Знать, опять проснулась
Старая печаль?
Знать, пуста скамейка,—
Даромъ, что пою?..
Чтò жъ она, злодѣйка?..
Баюшки-баю!

Подожди—вотъ, къ лѣту
Станешь подрастать,—
Колыбельку эту
Надо промѣнять.
Я кровать большую
Дамъ тебѣ свою
И свѣчу задую...
Баюшки-баю!

И долга кроватка,
И безъ няни въ ней
Спится сладко-сладко
До скончанья дней.
Перестанешь биться,
И—навѣкъ въ раю...
Только будетъ сниться:
Баюшки-баю!

ПАМЯТИ С. С. БОТКИНОЙ.

7 марта 1889 г.

Ужель на вопль и зовъ молебный
Ты безучастно промолчишь?
Ужель улыбкой задушевной
Семьи опять не озаришь?

Забывъ и радости земныя
И милосердія дѣла,
Ты, покидая насъ впервые,
За сыномъ-отрокомъ ушла.

Разлуки нѣтъ: твой образъ милый
Чрезъ жизнь мы въ сердцѣ пронесемъ
И тамъ, за рубежомъ могилы,
Навѣкъ обнять тебя придемъ.

10 марта 1889.

НА СМЕРТЬ БРАЖНИКОВА.

Взводъ впередъ, справа по три, не плачь!
Маршъ могильный играй, штабъ-трубачъ!

Словно ясная тучка зарей,
Ты погаснулъ, собратъ молодой!

Какъ печаль намъ утѣшить свою,
Что ты съ нами не будешь въ строю?

Гребень каски на гробѣ вѣдь нашъ,
Гдѣ съ ножнами скрестился палашъ,—

Лишь тебя намъ съ пути не вернуть!
Не вздохнетъ молодецкая грудь,

И рука, цѣпенѣя, какъ ледъ,
На прощанье ничьей не пожметъ...

Но, безмолвный красавецъ, въ гробу
Ты дрожащую слышишь трубу,

И тебѣ и въ землѣ не забыть,
Какъ тебя мы привыкли любить!

Взводъ впередъ, справа по три, не плачь!
Маршъ могильный играй, штабъ-трубачъ!

2 іюня 1845.

АНТИЧНЫЙ МІРЪ
И
АНТОЛОГИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ГРЕЦІЯ.

Тамъ, подъ оливами, близъ шумнаго каскада,
Гдѣ сочная трава унизана росой,
Гдѣ радостно кричитъ веселая цикада,
И роза южная гордится красотой,

Гдѣ храмъ оставленный подъялъ свой куполъ бѣлый,
И по колоннамъ вверхъ кудрявый плющъ бѣжитъ,—
Мнѣ грустно: міръ боговъ, теперь осиротѣлый,
Рука невѣжества забвеніемъ клеймитъ...

Вотще: въ полнóчь, какъ соловей восточный
Свисталъ, а я бродилъ, незримый, за стѣной,
Я видѣлъ: Граціи сбирались въ часъ урочный
Въ былой пріютъ заросшею тропой.

Но въ пляскахъ вѣтреныхъ богини не блистали
Молочной пѣной формъ при золотой лунѣ:
Нѣтъ,—ставши въ тѣсный кругъ, красавицы шептали
«Эллада!»—слышалось мнѣ часто въ тишинѣ...

ЗОЛОТОЙ ВѢКЪ.

Auch ich war in Arkadien geboren.
Schiller.

Я посѣщалъ тотъ край обѣтованный,
Гдѣ золотой блисталъ когда-то вѣкъ,
Гдѣ, розами и миртами вѣнчанный,
Подъ сѣнію деревъ благоуханной
Блаженствовалъ незлобный человѣкъ.

Лѣса полны понынѣ аромата,
Долины тѣ жъ и горные хребты;
Еще досель въ прозрачный часъ заката
Глядитъ скала, сіяніемъ объята,
На пѣну волнъ Эгейскихъ съ высоты.

Подъ пихтою душистой и красивой,
Подъ шумъ ручьевъ, разбитыхъ объ утесъ,
Отрадно вѣрить, что Сатурнъ ревнивый
Надъ этою долиною счастливой
Вѣкъ золотой не весь еще пронесъ.

И чудится:—за тѣмъ кустомъ колючимъ
Румяныхъ розъ, гдѣ лавровъ тѣнь легла,
Дыханьемъ дня распалена горючимъ,
Лобзаніямъ то долгимъ, то летучимъ
Менада грудь и плечи предала.

Но что̀ за шумъ? За дѣвой смуглолицой
Вослѣдъ толпа, все празднично кругомъ,
И гибкій тигръ съ пушистою тигрицей,
Неслышные, въ ярмѣ предъ колесницей
Идутъ, махая весело хвостомъ.

А вотъ и онъ, красавецъ ненаглядный,
Среди толпы ликующихъ, Ліей,
Увѣнчанный листвою виноградной,
Любуется спасенной Аріадной,
Безсмертною избранницей своей.

У колеса, пускаясь въ перегонку,
Нагія дѣти пляшутъ и шумятъ;
Одинъ приподнялъ пухлую ручонку
И крови не вкусившему тигренку
Даетъ лизать пурпурный виноградъ.

Вино изъ рога богъ съ лукавымъ ликомъ
Льетъ на толпу, самъ веселъ и румянъ,
И, хохоча въ смятеньи полудикомъ,
Вакханка быстро отвернулась съ крикомъ
И отъ струи приподняла тимпанъ.

НА РАЗВАЛИНАХЪ ЦЕЗАРСКИХЪ ПАЛАТЪ.

Надъ грудой мусора, гдѣ плющъ тоскливо вьется,
Надъ сводами глухихъ и темныхъ галлерей
Въ груди моей сильнѣй живое сердце бьется,
И въ жилахъ кровь бѣжитъ быстрѣй.

Пускай вокругъ меня тяжелыя громады
Изъ праха возстаютъ,—и храмы, и дворцы,
И драгоцѣнныя пестрѣютъ колоннады,
И воскресаютъ мертвецы,

И шумъ на площади, и женщинъ вереница,
И, вновь увѣнчанный, святой алтарь горитъ,
И изъ-подъ новыхъ вратъ златая колесница
Къ холму завѣтному спѣшитъ,—

Нѣтъ! Нѣтъ! Не ослѣпишь души моей тревожной!
Пускай я не дерзну сказать: «Ты не великъ!»—
Но, Римъ, я радуюсь, что, грустный и ничтожный,
Ты здѣсь у ногъ моихъ приникъ.

Безжалостный Квиритъ, тебя я ненавижу
За то, что на землѣ ты видѣлъ лишь себя,
И даже въ зрѣлищахъ твоихъ кровавыхъ вижу,
Что музы прокляли тебя.

Напрасно лепеталъ ты эллинскіе звуки:
Ты смысла тайнаго рѣчей не разгадалъ
И на учителя безжалостныя руки,
Палачъ всемірный, подымалъ.

Законность измѣрялъ ты силою великой,—
Чтò жъ сиротливо такъ безмолвствуешь теперь?
Ты самъ, бездушный Римъ, палъ жертвой силы дикой,
Какъ устарѣвшій хищный звѣрь.

И вотъ—растерзаны блестящія одежды,
Въ туманѣ утреннемъ развалина молчитъ,
И трупа буйнаго, жестокаго невѣжды
Слезой Камена не почтитъ.

АПОЛЛОНЪ БЕЛЬВЕДЕРСКІЙ.

Упрямый лукъ, съ прицѣла чуть склоненъ,
Еще дрожитъ за тетивою шаткой,
И не успѣлъ закинутый хитонъ
Пошевелить нетронутою складкой.

Уже, томимъ язвительной стрѣлой,
Крылатый врагъ въ крови изнемогаетъ,
И черный хвостъ, сверкая чешуей,
Свивается и тихо замираетъ.

Стрѣлѣ вослѣдъ легко наклонено
Омытое въ струяхъ Кастальскихъ тѣло:
Оно сквозитъ и свѣтится—оно
Веселіемъ тріумфа просвѣтлѣло.

Твой юный ликъ торжественъ и могучъ,—
Онъ весь въ огнѣ живительномъ и рѣзкомъ:
Такъ солнца дискъ, прорѣзавъ сумракъ тучъ,
Слѣпитъ глаза невыносимымъ блескомъ.

ВЕНЕРА МИЛОССКАЯ.

И цѣломудренно и смѣло
До чреслъ сіяя наготой,
Цвѣтетъ божественное тѣло
Неувядающей красой.

Подъ этой сѣнью прихотливой
Слегка приподнятыхъ волосъ
Какъ много нѣги горделивой
Въ небесномъ ликѣ разлилось!

Такъ, вся дыша паѳосской страстью,
Вся млѣя пѣною морской
И всепобѣдной вѣя властью,
Ты смотришь въ вѣчность предъ собой.

ДІАНА.

Богини дѣвственной округлыя черты
Во всемъ величіи блестящей наготы
Я видѣлъ межъ деревъ надъ ясными водами.
Съ продолговатыми, безцвѣтными очами,
Высоко поднялось открытое чело,
Его недвижностью вниманье облегло,
И дѣвъ моленію въ тяжелыхъ мукахъ чрева
Внимала чуткая и каменная дѣва.
Но вѣтеръ на зарѣ между листовъ проникъ,—
Качнулся на водѣ богини ясный ликъ...
Я ждалъ,—она пойдетъ съ колчаномъ и стрѣлами,
Молочной бѣлизной мелькая межъ древами,
Взирать на сонный Римъ, на вѣчный славы градъ,
На желтоводный Тибръ, на группы колоннадъ,
На стогны длинные... Но мраморъ недвижимый
Бѣлѣлъ передо мной красой непостижимой.

ДАКИ.

Вблизи семи холмовъ, гдѣ такъ невыразимо
Воздушенъ на зарѣ вечерней очеркъ Рима
И свѣтелъ Апеннинъ бѣлѣющихъ туманъ,
У соннаго Петра почіетъ Ватиканъ.
Тамъ боги и цари толпою обнаженной,—
Созданія руки, рѣзцомъ вооруженной,—
Готовы на пиры, на нѣгу, иль на брань,
Изъ цезарскихъ палатъ, изъ храмовъ и изъ бань,
Стеклись,—безмолвные, торжественные лики,—
На древнія ступя, какъ прежде, мозаики,
Въ которыхъ на коняхъ Нептуновыхъ Тритонъ
Чернѣетъ, ликами Химеры окруженъ.
Тамъ я въ одной изъ залъ, на мраморахъ, у входа,
Знакомыя черты могучаго народа
Привѣтствовалъ не разъ. Нельзя ихъ не узнать:
Все та же на челѣ безмолвія печать,
И брови грозныя, сокрытыхъ силъ примѣта,
И на устахъ вопросъ,—и нѣтъ ему отвѣта.
То Даки плѣнные; ихъ странная судьба—
Одна безмолвная и грозная борьба!
Вперя на мраморъ взоръ, исполненный вниманья,
Я въ сердцѣ повторялъ родимыя названья
И мрамору шепталъ: Суровый славянинъ,
Среди тебѣ чужихъ зачѣмъ ты здѣсь одинъ?
Повѣрь, ни женщина, ни рабъ, ни императоръ
Не пощадятъ того, кто палъ какъ гладіаторъ!
По мнѣнью суетныхъ, безжалостныхъ гулякъ,
Борцомъ потѣшнымъ быть родится дикій Дакъ,
И, чуждые для нихъ поддерживая троны,

Славяне составлять лишь годны легіоны.
Пускай въ развалинахъ умолкнетъ Колизей,—
Чрезъ длинный рядъ вѣковъ, въ глазахъ иныхъ судей
Куда бы въ бой его ни бросила судьбина,
Безмолвно умирать—вотъ доля славянина.
Когда потомокъ твой, весь въ ранахъ и въ крови,
Къ тому, кого онъ спасъ, могучія свои
Протянетъ руки вновь, прося рукопожатья,
Опять со всѣхъ сторонъ подымутся проклятья,
И съ подлымъ хохотомъ гетера закричитъ:
«Кончай! Кончай его!—Онъ дышитъ, онъ хрипитъ!..
Довольно сила рукъ, безмолвіе страданій
Невольныхъ вызвали у насъ рукоплесканій!—
Какъ эти варвары умѣютъ умирать!—
Пойдемте, кончено!—Придется долго ждать
Борьбы такихъ бойцовъ, иль ярой львиной драки...
Пойдемте! Что̀ смотрѣть, какъ цѣпенѣютъ Даки!»

ВАКХАНКА.

Подъ тѣнью сладостной полуденнаго сада,
Въ широколиственномъ вѣнкѣ изъ винограда
И влаги Вакховой томительной полна,
Чтобъ духъ перевести, замедлилась она.
Закинувъ голову, съ улыбкой опьянѣнья,
Прохладнаго она искала дуновенья,
Какъ будто волосы ужъ начинали жечь
Горячимъ золотомъ ей розы пышныхъ плечъ.
Одежда жаркая все ниже опускалась,
И молодая грудь все больше обнажалась,
А страстные глаза, слезой упоены,
Вращались медленно, желанія полны.

НИМФА И МОЛОДОЙ САТИРЪ.

(Группа Ставассера).

—«Постой хотя на мигъ! О камень или пень
Ты можешь уязвить разутую ступень:
Еще невинная, бѣжа отъ вакханалій,
Готова уронить одну ты изъ сандалій»...
Но вотъ, косматыя колѣна преклоня,
Онъ у ноги твоей поймалъ конецъ ремня,—
Затянется теперь не скоро узелъ прочный:
Сатиръ и молодой—не отрокъ непорочный!
Смотри, какъ, голову откинувши назадъ,
Глядитъ онъ на тебя и пьетъ твой ароматъ,
Какъ дышатъ нѣгою уста его и взоры!
Быть-можетъ, нехотя ты ищешь въ немъ опоры?
А стройное твое бедро такъ горячо
Теперь легло къ нему на крѣпкое плечо!..
Нѣтъ! Мысль твоя чиста и воля неизмѣнна:
Улыбка у тебя насмѣшливо-надменна.
Но—отчего, скажи,—въ сознаньи ль красоты,
Иль въ утомленіи такъ неподвижна ты?
Еще открытое, смежиться хочетъ око,
И молодая грудь волнуется высоко..
Иль страсть, горящая въ сатирѣ молодомъ,
Пахнула и въ тебя томительнымъ огнемъ?

ДІАНА, ЭНДИМІОНЪ И САТИРЪ.

(Картина Брюллова).

У звучнаго ключа какъ сладокъ первый сонъ!
Какъ спящій при лунѣ хорошъ Эндиміонъ!
Герои только такъ покоятся и дѣти...
Надъ чудной головой висятъ рожокъ и сѣти;
Откинутый колчанъ лежитъ на сторонѣ;
Собаки вѣрныя встревожены,—онѣ
Не видятъ смертнаго и чуютъ приближенье...
Ты ль, непорочная, познала вожделѣнье?
Счастливецъ! Ты его узрѣла съ высоты
И небо для него должна покинуть ты.
Дѣвическую грудь невольный жаръ объемлетъ...
Діана, берегись! Старикъ Сатиръ не дремлетъ!..
Я слышу стукъ копытъ... Рога прикрывъ вѣнцомъ,
Вотъ онъ, любовникъ нимфъ, съ пылающимъ лицомъ,
Обезображеннымъ порывомъ страсти звѣрской,
Ужъ стана нѣжнаго рукой коснулся дерзкой...
О, какъ вздрогнула ты, какъ обернулась вдругъ!
Въ лицѣ божественномъ и гордость и испугъ...
А баловень Эротъ, доволенъ шуткой новой,
Готовъ на кулакѣ прохлопнуть листъ кленовый.

БЮСТЪ.

Когда—изъ мрамора иль гипса—предо мною
Ты въ думы погруженъ вѣнчанной головою,
Вѣрь, не вотще глаза устремлены мои
На изваянныя кудрей твоихъ струи,
На неподвижныя, изваянныя думы,
На обликъ генія торжественно-угрюмый,
Какъ на пророчество великаго пѣвца —
На мѣсяцъ, день и годъ печальнаго конца!
Нѣтъ! Мнѣ не вѣрится, что жилъ ты между нами,
Что—смертный—обладалъ небесными дарами,
Что ты такъ мало жилъ, что ты не умиралъ —
И никому даровъ небесъ не завѣщалъ!

ТЕЛЕМАКЪ У КАЛИПСЫ.

Солнце низко. Легкой мглою
Вечеръ долы напояетъ.
Входъ въ пещеру раззолоченъ.
Съ наклоненной головою
Старый Менторъ засыпаетъ.
Сынъ Улисса озабоченъ.

Смолкли нимфы. Тихо дышитъ
Море, паръ подъявъ туманный.
Всѣ безмолвствуютъ упорно.
Нимфа Эхо ясно слышитъ,
Какъ смолы благоуханной
На жаровнѣ прыщутъ зерна.

Полны сладкаго Лiея,
Ждутъ раскрытыя амфоры,
Но забылъ густую влагу
Сынъ прекрасный Одиссея:
Онъ поднять не смѣетъ взоры,
Онъ ступить не смѣетъ шагу.

На душѣ и стыдъ и горе:
Какъ осмѣлиться богинѣ
Разсказать свою кручину?
—«Неужели, злое море,
Завтра я въ твоей пустынѣ
Все забуду, чтò покину?»

Разгораясь въ блескѣ аломъ
Отлетающей Авроры,

Но безмолвна, какъ рабыня,
Грудь прикрыла опахаломъ
И, склоня къ любимцу взоры,
Не насмотрится богиня...

О, Зевесъ! Зачѣмъ же лира
Такъ безсильна,—даръ, любимый
Златовласымъ Аполлономъ,—
Иль зачѣмъ, владыка міра,
Взглядъ такой невыразимый
Ты дашь влюбленнымъ женамъ?

ГЕРО И ЛЕАНДРЪ.

Блѣденъ ликъ твой, блѣденъ, дѣва!
Средь упругихъ волнъ напѣва
Я люблю твой блѣдный ликъ.
Подъ окномъ на всемъ просторѣ
Только море, только въ морѣ
Волнъ кочующихъ родникъ.

Тихо. Море голубое
Взору жадному въ покоѣ
Каждый лучъ передастъ.
Что жъ тамъ въ морѣ—чья побѣда?
Иль въ зыбяхъ, вторая Леда,
Лебедь-богъ къ тебѣ плыветъ?

Не безсмертный, не безсонный,
Нѣтъ, то юноша влюбленный
Проложилъ отважный путь,
И, полна огнемъ желаній,
Волны взмахомъ крѣпкой длани
Молодая рѣжетъ грудь.

Меркнетъ день. Изъ крайней тучи
Вдоль пучины вѣтръ летучій
Направляетъ шаткій бѣгъ,
И подъ молніей багровой
Страшный валъ бѣлоголовый
Съ ревомъ прыгаетъ на брегъ.

Гдѣ жъ онъ, Геро? Съ бездной споря
Удушающаго моря,

На свиданье онъ спѣшитъ!
Хоть безстрастенъ, хоть безгласенъ,
Но—попрежнему прекрасенъ —
Онъ у ногъ твоихъ лежитъ.

Блѣденъ ликъ твой, блѣденъ, дѣва!
Средь упругихъ волнъ напѣва
Я люблю твой блѣдный ликъ.
Подъ окномъ на всемъ просторѣ
Только море, только въ морѣ
Волнъ кочующій родникъ.

ЗЕВЕСЪ.

Шумъ и гамъ. Хохочутъ дѣвы.
Въ мѣдь колотятъ музыканты.
Подъ визгливые напѣвы
Скачутъ, пляшутъ корибанты.

Въ кипарисной рощѣ Крита
Вновь заплакалъ мальчикъ Реи.
Потянулъ къ себѣ сердито
Онъ сосцы у Амальтеи.

Юный богъ ужъ ненавидитъ, —
Эти крики местью дышатъ!
Но земля его не видитъ,
Небеса его не слышатъ.

15 ноября 1859.

Право, отъ полной души я благодаренъ сосѣду:
  Славная вещь—подъ окномъ въ клѣткѣ держать соловья.
Грустно въ неволѣ пѣвцу, но чары сильны у природы:
  Только прощальнымъ огнемъ озлатятся кресты на церквахъ,
И въ расцвѣтающій садъ за высокимъ, ревнивымъ заборомъ
  Вечера свѣжесть вдыхать выйдетъ сосѣдка одна,—
Тѣни ночныя въ пѣвцѣ пробудятъ желаніе воли,
  И подъ окномъ соловей громко засвищетъ любовь.
Чтò за головка у ней, за бѣлыя плечи и руки!
  Чтò за янтарный отливъ на роскошныхъ извивахъ волосъ!
Станъ—заглядѣнье! При томъ, какая лукавая ножка!
  Будто бы дразнитъ, мелькая...—Но вечеръ давно ужъ
                                                    насталъ,—
Чтò жъ не поетъ соловей? Или—чтò жъ не выходитъ со-
                                                    сѣдка?
  Можетъ, сегодня мы всѣ трое другъ друга поймемъ!

Странное чувство какое-то въ нѣсколько дней овладѣло
Тѣломъ моимъ и душой, цѣлымъ моимъ существомъ:
Радость и свѣтлая грусть, благотворный покой и желанья,—
Дѣтскія, рѣзвыя,—самъ даже понять не могу.
Вотъ хоть теперь: посмотрю за окно на веселую зелень
Вешнихъ деревьевъ, да вдругъ вѣтеръ ко мнѣ донесетъ
Утренній запахъ цвѣтовъ и птичекъ звонкія пѣсни,
Такъ бы и бросился въ садъ съ кликомъ: пойдемъ же, пойдемъ!
Да какъ взгляну на тебя, какъ усѣлась ты тамъ безмятежно
Подлѣ окошка, склоня иглы рѣсницъ на канву,
То ужъ не въ силахъ ничѣмъ я шевельнуться, а только
Всю озираю тебя, всю—отъ пробора волосъ
До перекладины пялецъ, гдѣ вольно, легко и уютно,
Складки раздвинувъ, прильнулъ маленькой ножки носокъ.
Жалко... да нѣтъ — хорошо, что никто не видалъ, какъ взглянула
Ты на сестрицу, когда та приходила сюда
Куклу свою показать! — Право, мнѣ кажется, всѣхъ бы
Васъ мнѣ хотѣлось обнять. Даже и братъ твой, шалунъ,
Что̀ изучаетъ грамматику въ комнатѣ ближней, мнѣ дорогъ...
Можно ль такъ ложно его вещи учить понимать?
Какъ отворилися двери, разслушать я могъ, что учитель
Каждый отдѣльный глаголъ пряталъ въ отдѣльный залогъ:
Онъ говорилъ, что любить—есть дѣйствіе, не состоянье...
Нѣтъ, достохвальный мудрецъ, здѣсь ты не видишь ни зги:
Я говорю, что любить—состоянье, еще и какое!
Чудное, полное нѣгъ!.. Дай Богъ намъ вѣчно любить!

Цѣлый заставила день меня промечтать ты сегодня:
  Только забудусь,—опять ты предо мною въ саду.
Если очнусь, застаю у себя на устахъ я улыбку;
  Вновь позабудусь—и вновь листья въ глазахъ да цвѣты,
И у суровой коры наклоненнаго стараго клёна,
  Милая дѣва-дитя, въ бѣломъ ты чинно сидишь.
Да, ты ребенокъ еще; но сколько любви благодатной
  Свѣтитъ въ лазурныхъ очахъ мальчику злому во слѣдъ!
Златоволосый, какъ ты, на твоихъ онъ играетъ колѣняхъ,
  Въ вожжи твой поясъ цвѣтной силясь (шалунъ!) обратить:
Крѣпко сжимая концы ленты одною ручонкой,
  Вѣткой левкоя тебя хочетъ ударить другой.
Полно, шалунъ! Ты сронилъ діадему съ румяной головки;
  Толстою прядью скользя, вся развернулась коса.
Цвѣтъ изумительный: точно опала и бронзы сліянье,
  Иль назрѣвающей ржи колосъ слегка-золотой.
О, Афродита! Не твой ли здѣсь шутитъ кудрявый упрямецъ?
  Долго недаромъ вокругъ бѣлый порхалъ мотылекъ:
Мнѣ еще памятенъ образъ Амура и нѣжной Психеи!..
  Душу мою ты въ свой міръ свѣтлый опять унесла.

Скучно мнѣ вѣчно болтать о томъ, что̀ высоко, прекрасно:
  Всѣ эти толки меня только къ зѣвотѣ ведутъ.
Бросивъ педантовъ, бѣгу съ тобой побесѣдовать, другъ мой:
  Знаю, что въ этихъ глазахъ, черныхъ и умныхъ глазахъ,
Больше прекраснаго, чѣмъ въ нѣсколькихъ стахъ фоліантовъ,
  Знаю, что сладкую жизнь пью съ этихъ розовыхъ губъ!
Только пчела узнаётъ въ цвѣткѣ затаенную сладость,
  Только художникъ на всемъ чуетъ прекраснаго слѣдъ.

Другъ мой, безсильны слова,—одни поцѣлуи всесильны!
  Правда, въ запискахъ твоихъ весело мнѣ наблюдать,
Какъ приливъ и отливъ мыслей и чувства мѣшаютъ
  Ручкѣ твоей повѣрять то и другое листку;
Правда, и самъ я пишу стихи, покоряясь богинѣ,—
  Много и риѳмъ у меня, много размѣровъ живыхъ;
Но межъ ними люблю я риѳмы взаимныхъ лобзаній
  Съ нѣжной цезурою устъ, съ вольнымъ размѣромъ любви.

Лозы мои за окномъ разрослись живописно и даже
  Свѣтъ отнимаютъ. Смотри, вотъ половина окна
Верхняя темною зеленью листьевъ покрыта; межъ ними,
  Будто нарочно, въ окнѣ кисть начинаетъ желтѣть.
Милая, полно! Не трогай! Къ чему этотъ духъ разрушенья?
  Ты доставать виноградъ высунешь руку на дворъ,—
Бѣлую, полную ручку легко распознаютъ сосѣди;
  Скажутъ: она у него въ комнатѣ тайно была.

Слышишь ли ты, какъ шумитъ вверху угловатое стадо?
  Съ крикомъ летятъ черезъ домъ къ теплымъ полямъ журавли.
Желтые листья шумятъ, въ березникѣ свищетъ синица...
  Ты говоришь, что опять теплой дождемся весны?
Другъ мой, могу ль при тебѣ дожидаться блаженства въ грядущемъ?
  Развѣ зимой у тебя меньше ланиты цвѣтутъ?
Въ зеркалѣ часто себя ты видишь, съ дѣтской улыбкой
  Свой поправляя вѣнокъ,—такъ разрѣши мнѣ сама,
Гдѣ у тебя на лицѣ болѣе жизни и страсти,
  Вешнимъ ли утромъ въ саду, въ полномъ сіяньи зари,
Иль у огня моего, когда я боюсь, чтобы искра,
  Съ трескомъ прыгнувъ, не сожгла ножки-малютки твоей?

АМИМОНА.

—«Это у васъ, на сѣверѣ, все ни почемъ!.. Посмотри-ка,
Чей тамъ, въ дали голубой, парусъ, какъ чайка, блеснулъ?
Ты только бѣлую точку завидѣлъ,—а я различила
Снасти и пестрый нашъ флагъ: это отцовскій корабль!
Знать, старику надоѣла въ Наксосѣ жена молодая...
Мать говорила, что онъ скоро вернется домой
Въ Наполи-ди-Романію. Полно вечерней порою
Въ рощу лавровую мнѣ тайно къ тебѣ приходить!
Ахъ, любовь только губитъ насъ, дѣвушекъ!» — «Милая, полно!
Въ этихъ словахъ двѣ вины: городъ родной назвала
Ты Наполи-ди-Романьей: это названье—чужое;
Можно ли въ вашей странѣ дѣвамъ пенять на любовь?
Здѣсь она города созидала; по храмамъ и рощамъ
Сладостный жаръ не остылъ въ гнѣздахъ ея голубей.
Знаешь ты, какъ основался вашъ городъ? Гонимый Египтомъ,
Съ цѣлой толпою дѣтей въ Грецію прибылъ Данай.
Въ Арголидѣ, томясь жестокою жаждой, изгнанникъ
Всѣхъ пятьдесятъ дочерей ключъ отыскать разослалъ.
Долго блуждали онѣ, одинокія. Вдругъ Амимона
Неосторожной стопой будитъ Сатира въ лѣсу.
Нѣтъ пощады!—Сатиръ догоняетъ пугливую, обнялъ...
Но надъ бѣглянкою богъ вѣрнымъ трезубцемъ взмахнулъ.
Быстро, какъ горный олень, умчался Сатиръ козлоногій,—
Мимо его просвиставъ, въ землю трезубецъ вплился.
«Амимона!—сказалъ Нептунъ:—подай мнѣ трезубецъ!»
Дѣва, горя отъ стыда, дернула ловкой рукой,—
Чудо: вслѣдъ за зубцами желѣзными почва сухая
Чистыхъ, какъ горный кристаллъ, три извергаетъ ключа.
Навплія сына Нептуну затѣмъ понесла Амимона—
Городъ вашъ Навплію онъ, смѣлый пловецъ, заложилъ».

СОНЪ И ПАЗИФАЯ.

Ярко-блестящая пряжка надъ бѣлою, полною грудью
Дѣвы, Хариты младой, ризы вязала концы;
Свѣжій вѣнокъ прилегалъ къ высоко подвязаннымъ косамъ;
Серьги съ подвѣской тройной съ блескомъ качались въ ушахъ;
Сзади вились по плечамъ, умащенныя сладкою амброй,
Запахъ далеко лія, волны кудрей золотыхъ;
Тихо ступала нога круглобедрая: такъ Пазифаю
Юноша Сонъ увидалъ, полонъ желанья любви.
Крѣпкой обвита рукой, покраснѣла Харита младая,
Но возрастающій жаръ вѣжды прекрасной сомкнулъ,
И, въ упоеньи любви на цвѣты опускаяся, дѣва,
Члены раскинувъ, съ кудрей свой уронила вѣнокъ.

СОНЪ И СМЕРТЬ.

Богомъ свѣта покинута, дочь Громовержца нѣмая,
Ночь Геліосу вослѣдъ водитъ возлюбленныхъ чадъ.
Оба — и въ мать и въ отца зародились безсмертные боги,
Только несходны во всемъ между собой близнецы:
Смуглоликій, какъ мать, творецъ, какъ всезрящій родитель,
Сонъ и во мракѣ никакъ дня не умѣетъ забыть;
Но просвѣтленная дочь лучезарнаго Феба, дыханьемъ
Ночи безмолвной полна, невозмутимая Смерть,
Увѣнчавши свое чело неподвижной звѣздою,
Не узнаётъ ни отца ни безутѣшную мать.

КУСОКЪ МРАМОРА.

Тщетно блуждаетъ мой взоръ, измѣряя твой мраморъ начатый,
Тщетно пытливая мысль хочетъ загадку рѣшить,—
Чтò одѣваетъ кора грубо изрубленной массы:
Ясное ль Тита чело, Фавна ль измѣнчивый ликъ,
Змѣй примирителя жезлъ, крылья и станъ быстроногій,
Или стыдливости дѣвъ съ тонкимъ перстомъ на устахъ?

Влажное ложе покинувши, Фебъ златокудрый направилъ
Быстрыхъ коней, Фаэтонову гибель, за розовой Эосъ.
Круто напрягши бразды, онъ кругомъ озирался, и тотчасъ
Бойкіе взоры его устремились на берегъ пустынный.
Тамъ воскурялся туманъ благовонною жертвою; море
Тихо у желтыхъ песковъ почивало; разбитая лодка,
Дномъ опрокинута вверхъ, половиной въ водѣ, половиной
Въ утреннемъ воздухѣ, темной смолою чернѣла, и тутъ же,
Влѣво, разбросаны были обломки еловые веселъ,
Кожаный щитъ и шеломъ опрокинутый, полные тины.
Дальше, когда поразсѣялись волны тумана сѣдого,
Онъ увидалъ на травѣ подъ зеленымъ навѣсомъ каштана,—
Трижды его обѣжавши, лоза окружала кистями, —
Юношу онъ на травѣ увидалъ: бѣлоснѣжные члены
Были раскинуты, правой рукою какъ будто тѣснилъ онъ
Грудь, и на ней-то прекрасное тѣло недвижно лежало.
Лѣвая навзничь упала, и бѣлыя формы на темной
Зелени травъ благовонныхъ во всей полнотѣ рисовались;
Весь былъ разодранъ хитонъ, округленныя бедра бѣлѣли,
Будто бы мраморъ, пріявшій изгибы отъ рукъ Праксителя;
Ноги казали свои покровенныя прахомъ подошвы;
Свѣтлыя кудри чела упадали на грудь, осѣняя
Мертвую силу лица и глубоко-смертельную язву...

ВОДОПАДЪ.

Тамъ, какъ сраженный
Титанъ, простерся
Между скалами
Обросшій мохомъ
Сѣдой гранитъ
И заперъ пропасть.

Но съ дикой страстью
Стремится въ бездну
Черезъ препоны
Потокъ гремучій
И мечетъ жемчугъ
Шипучей пѣны
На черный брегъ.

Смотри, какъ быстро
Несется вѣтка
Къ кипучей безднѣ!
Какъ струйка сильно
Ее кидаетъ
Съ прозрачной мели
На острый камень!

Мелькнула,—полно:
Изъ черной бездны
Возврата нѣтъ...

Слѣжу глазами
За быстрымъ токомъ:
Какъ присмирѣлъ онъ
Тамъ, въ отдаленьи!
Какъ будто небо
Въ немъ хочетъ видѣть
Свою красу.

Смотри: та вѣтка,
Что̀ тамъ исчезла
Въ пучинѣ лютой,
Плыветъ—такъ тихо,
Такъ безмятежно —
По вѣчной влагѣ...

Когда пѣтухъ,
Ударивъ три раза
Крыломъ золотистымъ,
Протяжною пѣснью
Встрѣчаетъ зарю,
И ты, человѣкъ,
Впиваешь послѣднюю
Сладкую влагу
Сна на зарѣ,
Тогда поэтъ...

Нѣтъ! Спи, утомленный
Заботами дня,
Земной страдалецъ!
Ты не поймешь,
Зачѣмъ я бодрствую
Въ таинственномъ храмѣ
Прохладной ночи.

Чу! Слышу,—вздохъ
Ко мнѣ несется
Съ мягкаго ложа,
Гдѣ при серебряной
Лунѣ бѣлѣютъ
Младыя ланиты,

Покрытыя первымъ
Шелковымъ пухомъ,
И гдѣ въ безпорядкѣ
Разсыпаны кудри...
А! слышу, слышу,—
Ты также не спишь,
Несчастный влюбленный

Послушай, что̀ нынѣ
Я слышалъ ночью
Отъ чадъ Сатурна:
Они мнѣ велѣли
Въ земныхъ страданьяхъ
Искать исцѣленья
У Вакха. Наполнимъ
Стаканы—и оба
Заснемъ поутру,
Когда другіе
Пойдутъ трудиться.

НЕПТУНУ ЛЕВЕРРЬЕ.

Птицей,
Быстро парящей птицей Зевеса
Быть мнѣ судьбою дано всеобъемлющей.

Нынѣ, крылья раскинувъ надъ бездной
Тверди,—нынѣ надъ высью я
Горной, тамъ, гдѣ у ногъ моихъ
Воды,
Вѣчно несущія бѣлую пѣну,
Стонутъ, и старый трезубецъ Нептуна
Въ темныхъ рукахъ повелителя строгаго блещетъ.
Нѣтъ предѣловъ
Къ верху и нѣтъ предѣловъ
Къ низу...

Здравствуй!
На половинномъ пути
Къ вѣчности, здравствуй, Нептунъ! Надъ собою
Слышишь ли шумныя крылья и вѣтеръ,
Спертый нагрудными сизыми перьями? Здравствуй!
Нѣтъ мгновенья покою;
Вслѣдъ за тобою летящая
Феба стрѣла, я вижу, стоитъ,
Съ визгомъ перья поджавши, въ эѳирѣ.
Ты промчался, пронесся, мелькнулъ и сокрылся...

А я!

Здравствуй, Нептунъ!
Слышишь ли, братъ, надъ собою

Шумный полетъ?—Я принесъ
Съ жаркой, далекой земли,
Кровью упитанной,
Трупами тучной,
Лавромъ шумящей,
Мой привѣтъ тебѣ: здравствуй, Нептунъ!

Вѣчно, вѣчно,
Какъ бы ни мчался ты, братъ мой,
Крылья мои зашумятъ, и орлиный
Голосъ къ тебѣ зазвучитъ по эѳиру:
Здравствуй, Нептунъ!

Когда не свищетъ вихрь въ истерзанныхъ снастяхъ,
А вольно по вѣтру летаетъ легкій флагъ,
Когда надъ палубой нависнетъ паръ недужный,
И волны, пѣною окаймлены жемчужной,
Такъ дружно къ берегу бѣгутъ, а ты въ тѣни
Приморскихъ яворовъ лежишь,—тогда взгляни,
Какъ пѣна легкая начнетъ приподыматься
И въ формы стройныя Киприды округляться.

О, долго буду я въ молчаньи ночи тайной
Коварный лепетъ твой, улыбку, взоръ случайный,
Перстамъ послушную волосъ густую прядь
Изъ мыслей изгонять и снова призывать;
Дыша порывисто, одинъ, никѣмъ не зримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
Въ словахъ, которыя произносила ты;
Шептать и поправлять былыя выраженья
Рѣчей моихъ съ тобой, исполненныхъ смущенья,
И въ опьянѣніи, наперекоръ уму,
Завѣтнымъ именемъ будить ночную тьму!

Я знаю, гордая, ты любишь самовластье,
Тебя въ ревнивомъ снѣ томитъ чужое счастье;
Свободы смѣлый ликъ и томный взоръ любви
Манятъ наперерывъ желанія твои.
Чрезъ всю толпу рабовъ у пышной колесницы
Я взглядъ лукавый твой подъ бархатомъ рѣсницы
Давно прочелъ—давно!—и разгадалъ съ тѣхъ поръ,
Гдѣ жертву новую твой выбираетъ взоръ.
Несчастный юноша! Давно ль, веселья полный,
Скользилъ его челнокъ, расталкивая волны?
Смотри, какъ счастливъ онъ, какъ воленъ: онъ—ничей,
Лобзаетъ вѣтръ одинъ руно его кудрей;
Рука, окрѣпшая въ трудѣ однообразномъ,
Минула берега, манящіе соблазномъ,—
Но—горе: ты поешь!.. На зыбкое стекло
Изъ ослабѣвшихъ рукъ упущено весло,
Онъ скованъ!..—Ты поешь, ты блещешь красотою,
Для взоровъ божество,—сирена подъ водою.

———

Не говори, мой другъ: «Она меня забудетъ:
Измѣнчивъ времени всемощнаго полетъ!
Измученной души напрасный жаръ пройдетъ;
И образъ роковой преслѣдовать не будетъ
Очей задумчивыхъ; свободнѣй и смѣлѣй
Вздохнетъ младая грудь; замедленныхъ рѣчей
Польется снова токъ блистательный и сладкій;
Ланиты расцвѣтутъ,—и въ зеркало украдкой
Невольно станетъ взоръ съ вопросомъ забѣгать,—
Опять весна въ груди и счастіе опять!»
Мой милый, не лелѣй прекраснаго обмана:
Въ душѣ мечтательной смертельна эта рана!
Видалъ ли ты въ лѣсахъ, подъ тѣнію дубовъ,
Съ винтовками въ рукахъ засѣвшихъ шалуновъ,
Когда съ холмовъ крутыхъ, окрестность оглашая,
Несется горячо согласныхъ гончихъ стая,
И, празднымъ юношамъ дріадъ жестокихъ дань,
Ужe изъ-за кустовъ выскакиваетъ лань?
Вотъ-вотъ и выстрѣлы—и въ переливахъ дыма
Еще быстрѣе лань, какъ будто невредима,
Проклятьямъ вопреки и хохоту стрѣлковъ,
Уносится во мглу безбрежную лѣсовъ,—
Но ловчій опытный ужъ на позывъ побѣдный
Къ сомкнувшимся губамъ рожокъ подноситъ мѣдный.

Ея не знаетъ свѣтъ, она еще ребенокъ,
Но очеркъ головы у ней такъ чистъ и тонокъ,
И столько томности во взглядѣ кроткихъ глазъ,
Что дѣтства мирнаго послѣдній близокъ часъ.
Дохнетъ тепло любви,—младенческое око
Лазурнымъ пламенемъ засвѣтится глубоко,
И гребень ласково-разборчивъ, будто самъ,
Пойдетъ медлительнѣй по пышнымъ волосамъ,
Персты румяные, блѣднѣя, подлиннѣютъ...
Блаженъ, кто замѣчалъ, какъ постепенно зрѣютъ
Златыя гроздія, и зналъ, что, виноградъ
Сбирая, онъ вопьетъ ихъ сладкій ароматъ!

КЪ КРАСАВЦУ.

Природы баловень, какъ счастливъ ты судьбой!
Всѣмъ нравятся твой ростъ, и гордый обликъ твой,
И кудри пышныя, безпечностью завиты,
И блѣдное чело, и нѣжныя ланиты,
Приподнятая грудь, жемчужный рядъ зубовъ,
И огненный зрачокъ, и бархатная бровь;
А дѣвы юныя, украдкой отъ надзора,
Толкуютъ твой отвѣтъ и выраженье взора,
И послѣ каждая, вздохнувъ, наединѣ
Промолвитъ:—«Да, онъ мой—его отдайте мнѣ!»
Какъ сонъ младенчества, какъ первыя лобзанья,
Съ отрадой сладкою безумнаго желанья
Ты, полонъ прелести, въ ихъ памяти живешь,
Улыбкамъ учишь ихъ и къ зеркалу зовешь:
Не для тебя ль онѣ, при факелѣ Авроры,
Находятъ новый взглядъ и новые уборы?—
Когда же ложе ихъ одѣнетъ темнота,
Алкаютъ устъ твоихъ, раскрывшись, ихъ уста.

КЪ ЮНОШѢ

Друзья, какъ онъ хорошъ за чашею вина!
Какъ молодой души неопытность видна!
Его шестнадцать лѣтъ, его живые взоры,
Ланиты нѣжныя, заносчивые споры,
Порывы дружества, негодованье, гнѣвъ,—
Все обѣщаетъ въ немъ любимца зоркихъ дѣвъ.

КЪ МОРФЕЮ.

На ложѣ, свѣжими цвѣтами испещренномъ,
Въ пурпуровомъ вѣнцѣ, изъ мака соплетенномъ,
Довольно спать тебѣ, красавецъ молодой,—
Проснись, молю тебя, скорѣй глаза открой
И дай коснуться мнѣ цѣлебнаго фіала,
Чтобъ тихо я уснулъ, чтобъ сердце не страдало.

Люблю душистый сокъ твоихъ цѣлебныхъ травъ,
Люблю твои уста, люблю твой кроткій нравъ,
Діану полную надъ дѣтской колыбелью,
Въ которой ты лежишь, предавшійся бездѣлью,
И ложа тѣсноту, и трепетную тѣнь,
И страстныя слова, и сладостную лѣнь.

РУЧКА.

Прозрачную канву цвѣтами убирая,
На мягкихъ клавишахъ, иль съ вѣеромъ рѣзнымъ,
Въ перчаткѣ крошечной, иль по локоть нагая,
Понятной граціей, движеніемъ роднымъ
Ты говоришь со мной, мой бѣдный умъ волнуя
Невольной страстію и жаждой поцѣлуя.

Питомецъ радости, покорный наслажденью,
Зачѣмъ, коварный другъ, не внемля приглашенью,
Ты нашъ вечерній пиръ вчера не посѣтилъ?
Хозяинъ ласковый къ обѣду пригласилъ
Въ бесѣдку, гдѣ кругомъ, не заслоняя сада,
Полувоздушная обстала колоннада.
Діана полная, глядя между вѣтвей,
Благословляла столъ улыбкою своей
И яства сочныя съ ихъ паромъ благовоннымъ,
Отрадно-лакомымъ гулякамъ утонченнымъ,
И—отчихъ кладовыхъ старинное добро —
Широкодонныхъ чашъ литое серебро;
А вѣтерокъ ночной, по фитилямъ порхая,
Качалъ слегка огни, намъ лица освѣжая.
Зачѣмъ ты не сидѣлъ межъ нами у стола?
Тутъ въ розовомъ вѣнкѣ и Лидія была,
И Пирра смуглая, и Цинтія живая,
И ученица музъ, Неэра молодая,—
Какъ Сафо страстная, пугливая какъ лань...
О, другъ! Я чувствую, я заплачу ей дань
Любви мечтательной, тоскливой, безотрадной!..
Я наливалъ вчера рукою безпощадной,
Но вспоминалъ тебя и, знаю, вполпьяна
Мѣшалъ въ заздравіяхъ я ваши имена.

ПОДРАЖАНІЕ XVI ИДИЛЛІИ БІОНА.

Прекрасная звѣзда Венеры свѣтлоокой,
Пока свое чело за рощею далекой
Діана нѣжная скрываетъ, освѣти
Кустарникъ тотъ и холмъ для моего пути!
Я оставляю кровъ не для ночныхъ хищеній,
На путниковъ въ душѣ не крою покушеній:
Нѣтъ, я люблю и жду возмездія заботъ
Отъ нимфы молодой, красы между красотъ,—
Какъ въ миріадѣ звѣздъ, Діаной предводимый,
Краса ночныхъ небесъ, горитъ твой лучъ любимый.

Съ корзиной, полною цвѣтовъ, на головѣ,
Изъ сумрака аллей она на свѣтъ ступила,
И побѣжала тѣнь за ней по муравѣ,
И полъ-лица ей тѣнь корзины осѣнила;

Но и подъ тѣнію узнаешь ты какъ разъ
Примѣты южнаго созданья безъ ошибки
По свѣтлому зрачку неотразимыхъ глазъ,
По откровенности младенческой улыбки.

Пойду навстрѣчу къ нимъ знакомою тропою.
Какою нѣжною, янтарною зарею
Сіяютъ небеса, нетлѣнныя, какъ рай!
Далеко выгнулся земли померкшій край.
Прохлада вечера и дышитъ и не дышитъ
И колосъ зрѣющій едва-едва колышетъ...
Нѣтъ, дальше не пойду: подъ сѣнію дубовъ
Всю ночь, всю эту ночь я просидѣть готовъ,
Смотря въ лицо зари иль вдоль дороги сѣрой!
Какою молодой и безграничной вѣрой
Опять душа полна! Какъ въ этой тишинѣ,
Всѣмъ, всѣмъ, что̀ жизнь дала, довольная вполнѣ,
Иного ужъ она не требуетъ удѣла!
Собака вѣрная у ногъ моихъ присѣла
И, ухо чуткое насторожпвъ слегка,
Глядитъ на медленно ползущаго жука...
Иль мнѣ послышалось?—Въ подобныя мгновенья
Вдали колеблются и звуки, и видѣнья!—
Нѣтъ, точно,—издали доходитъ до меня
Нетерпѣливый шагъ знакомаго коня.

Въ златомъ сіяніи лампады полусонной
И отворя окно въ мой садикъ благовонный,
То прохлаждаемый, то въ сладостномъ жару,
Слѣдилъ я легкую кудрей ея игру:
Дыханьемъ полночи ихъ тихо волновало
И съ милаго чела красиво отдувало.

Любо мнѣ въ комнатѣ ночью стоять у окошка въ потемкахъ,
Если луна съ высоты прямо глядитъ на меня
И, проникая стекло, нарисуетъ квадраты лучами
По полу, комнату всю дымомъ прозрачнымъ поя,
А за окошкомъ въ саду, между листьевъ, сирени и липы
Черныя группы дѣля, зыбкимъ проходитъ лучомъ
Между вѣтвями, и внизъ ея золоченыя стрѣлы
Яркимъ стремятся дождемъ; иль одинокій листокъ
Лунному свѣту мѣшаетъ разсыпаться по земи; самъ же,
Свѣтомъ осыпанный весь, черенъ дрожитъ на тѣни.
Я восклицаю: блаженъ, трижды блаженъ, о, Діана,
Кто всемогущей судьбой въ тайны твои посвященъ!

Долго еще прогоритъ Веспера скромная лампа,
Но уже свѣтитъ съ небесъ дѣвы измѣнчивый ликъ.
Тонкія змѣйки сребра блещутъ на влагѣ уснувшей.
Звѣздное небо во мглѣ дальняго облака ждетъ.
Вотъ потянулось оно, легкому вѣтру послушно,
Скрыло богиню,—и мракъ сладостный землю покрылъ.

Каждое чувство бываетъ понятнѣй мнѣ ночью, и каждый
Образъ пугливо-нѣмой дольше трепещетъ во мглѣ;
Самые звуки доступнѣй даже: когда, неподвиженъ,
Книгу держу я въ рукахъ, самъ пробѣгая въ умѣ
Все невозможно-возможное, странно-бывалое; лампа
Томно у ложа горитъ, мѣсяцъ смѣется въ окно,
А въ отдаленіи колоколъ вдругъ запоетъ, и тихонько
Въ комнату звуки плывутъ,—я предаюсь имъ вполнѣ.
Сердце въ нихъ находило всегда какую-то влагу,—
Точно какъ будто росой ночи омыты они.
Звукъ все тотъ же поетъ, но съ каждымъ порывомъ иначе:
То въ немъ мѣди тугой болѣе, то серебра.
Странно, что ухо въ ту пору, какъ будто не слушая, слышитъ:
Въ мысляхъ иное совсѣмъ, думы—волна за волной,—
А между тѣмъ еще глубже сокрытая сила объемлетъ
Лампу, и звуки, и ночь, ихъ сочетавши въ одно.
Такъ между влажно-махровыхъ цвѣтовъ снотворнаго маку
Полночь роняетъ порой тайные сны наяву.

Радъ я дождю: отъ него тучнѣетъ мягкое поле,
Листъ зеленѣетъ на вѣткѣ, и воздухъ становится чище,
Зелени запахъ одну за одной изъ ульёвъ многошумныхъ
Пчелъ вызываетъ; но что̀ для меня еще лучше—
Это когда онъ ее на дорогѣ ко мнѣ орошаетъ!
Мокрые волосы, гладко къ челу прилегая,
Такъ и сіяютъ у ней, а губки и блѣдныя ручки
Такъ холодны, что нельзя не согрѣть ихъ своими устами.

Но нестерпимъ ты мнѣ ночью безсонной, Плювій Юпитеръ!
Лучше согласенъ я крысъ и мышей въ моей комнатѣ слушать,
Лучше колеса пускай гремятъ непрестанно у оконъ,
Чѣмъ этотъ шумъ и удары глупыхъ, безсмысленныхъ капель:
Точно какъ будто бы птицъ проклятое стадо
Сотнями ногъ и носовъ терзаетъ желѣзную кровлю.
Юпитеръ Плювій, помилуй! Рости, сколько хочешь, цвѣтовъ ты
Для прекрасной и лавровъ юныхъ на кудри поэта,
Только помилуй, — не бей по ночамъ мнѣ въ желѣзную кровлю!

Я люблю многое, близкое сердцу,
Только рѣдко люблю я...

Чаще всего, мнѣ пріятно скользить по заливу,—
Такъ,—забываясь
Подъ звучную мѣру весла,
Омоченнаго пѣной шипучей,—
Да смотрѣть, много ль отъѣхалъ,
И много ль осталось,
Да не видать ли зарницы...

Изо всѣхъ островковъ,
На которыхъ рѣдко мерцаютъ
Огни рыбаковъ запоздалыхъ,
Милъ мнѣ одинъ предпочтительно:
Красноглазый кроликъ
Любитъ его;
Гордый лебедь каждой весною
Съ протянутой шеей летаетъ вокругъ
И садится съ размаху
На тихія воды;
Надъ обрывомъ утеса
Растетъ, помавая вѣтвями,
Широколиственный дубъ.
Сколько ужъ лѣтъ тутъ живетъ соловей!
Онъ поетъ по зарямъ;
Да и позднею ночью, когда
Мѣсяцъ обманчивымъ свѣтомъ
Серебритъ и волны и листья,
Онъ не молкнетъ,—поетъ
Все громче и громче...

Странныя мысли
Приходятъ тогда мнѣ на умъ:
Чтó это—жизнь, или сонъ?
Счастливъ я, или только обманутъ?

Нѣтъ отвѣта...
Мелкія волны что-то шепчутъ съ кормою,
Весло недвижимо,
И нá небѣ ясномъ высоко сверкаетъ зарница,

Ночью какъ-то вольнѣе дышать мнѣ,
Какъ-то просторнѣй,—
Даже въ столицѣ не тѣсно.
Окна растворишь,—
Тихо и чутко
Плыветъ прохладительный воздухъ...
А небо? А мѣсяцъ?
О, этотъ мѣсяцъ волшебникъ!
Какъ будто бы кровли
Покрыты зеркальнымъ стекломъ,
Шпили и кресты—брилліанты,
А тамъ, за луной, небосклонъ
Чѣмъ дальше, свѣтлѣй и прозрачнѣй.
Смотришь и дышишь,
И слышишь дыханье своѐ
И бой отдаленныхъ часовъ
Да крикъ часового,
Да изрѣдка стукъ колеса
Или пѣніе вѣстника утра.
Вмѣстѣ съ зарею и сонъ налетаетъ на вѣжды,
Свѣтелъ, какъ призракъ.
Голову клонитъ,—а жаль отъ окна оторваться!

Здравствуй! Тысячу разъ мой привѣтъ тебѣ, ночь!
Опять и опять я люблю тебя,
Тихая, теплая,
Серебромъ окаймленная!
Робко—свѣчу потушивъ—подхожу я къ окну:
Меня не видать, зато самъ я все вижу...
Дождусь, непремѣнно дождусь:
Калитка вздрогнетъ, растворяясь,
Цвѣты, закачавшись, сильнѣе запахнутъ,—и долго,
Долго при мѣсяцѣ будетъ мелькать покрывало.

ЭЛЕГІИ.

Когда мои мечты за гранью прошлыхъ дней
Найдутъ тебя опять за дымкою туманной,
Я плачу сладостно, какъ первый іудей
На рубежѣ земли обѣтованной.

Не жаль мнѣ дѣтскихъ игръ, не жаль мнѣ тихихъ сновъ,
Тобой такъ сладостно и больно возмущенныхъ
Въ тѣ дни, какъ постигалъ я первую любовь
По бунту чувствъ неугомонныхъ,

По сжатію руки, по отблеску очей,
Сопровождаемыхъ то вздохами, то смѣхомъ,
По ропоту простыхъ, незначащихъ рѣчей,
Лишь намъ звучавшихъ страсти эхомъ.

Ты расточительна на милыя слова,
А въ сердцѣ мнѣ не шлешь отраднаго привѣта
И втайнѣ думаешь: причудлива, черства
Душа суровая поэта.

Я тоже жду: я жду, нельзя ли превозмочь
Твоей холодности, подмѣтить мигъ участья,
Чтобы въ глазахъ твоихъ, загадочныхъ какъ ночь,
Затрепетали звѣзды счастья.

Я жду, я жажду ихъ! Мечтателю въ ночи
Сіянья не встрѣчать пышнѣе и прелестнѣй,—
И, знаю, низойдутъ ихъ яркіе лучи
Ко мнѣ и трепетомъ и пѣсней.

Хоть счастіе судьбой даровано не мнѣ,
Зачѣмъ объ этомъ такъ напоминать небрежно,—
Какъ будто бы нельзя въ больномъ и сладкомъ снѣ
Дозволить мнѣ любить васъ пламенно и нѣжно?

Хотя бъ признался я въ безуміяхъ своихъ,
Что̀ стоитъ робкаго вамъ не пугать признанья?
Что̀ стоитъ шелкъ рѣсницъ склонить вамъ въ этотъ мигъ,
Чтобъ не блеснулъ въ очахъ огонь негодованья?

Участья не прошу,—могла бъ и ваша грусть,
Хотя бъ притворная, родить во мнѣ отвагу,
И, издали молясь, поэтъ-безумецъ пусть
Прекрасный образъ вашъ набросить на бумагу.

16 іюня 1890.

Нѣтъ, даже не тогда, когда, стопой воздушной
Спѣша навстрѣчу, мнѣ улыбку ты даришь
И, заглянувъ въ глаза, мечтѣ моей послушной
О беззавѣтности надежды говоришь,—

Нѣтъ, чтобы счастію нежданному отдаться,
Чтобы исчезнуть въ немъ, спускаяся до дна,
Мнѣ нужно одному съ душой своей остаться,
Молчанье нужно мнѣ кругомъ и тишина.

Тутъ сердца говоритъ мнѣ каждое біенье
Про все, чѣмъ радостной обязанъ я судьбѣ,
А тихая слеза блаженства и томленья,
Скатясь жемчужиной, напомнитъ о тебѣ.

19 февр. 1891.

Напрасно, дивная, смѣшавшися съ толпою,
Вдоль шумной улицы уныло я пойду:
Судьба меня опять ужъ не сведетъ съ тобою,
И яркихъ глазъ твоихъ нигдѣ я не найду.

Ты разъ явилась мнѣ, какъ дивное видѣнье,
Среди безчисленныхъ, безчувственныхъ людей,-
Но—быстры молодость, любовь и наслажденье,
И слава и мечты, а ты еще быстрѣй!

Мнѣ что-то новое сказали эти очи,
И новой истиной невольно грудь полна:
Какъ будто на зарѣ, поднявъ завѣсу ночи,
Я вижу образы плѣнительнаго сна.

Да, сладокъ былъ мой сонъ хоть на одно мгновенье!-
Зато, невольною тоскою отягченъ,
Брожу одинъ теперь и жду тебя, видѣнье,
И ясно предо мной летаетъ свѣтлый сонъ.

Слѣдить твои шаги, молиться и любить
Не прихоть у меня и не порывъ случайный:
Мой другъ, мое дитя, повѣрь,—тебя хранить
Я въ сердцѣ увлеченъ какой-то силой тайной.

Постигнувъ чудную гармонію твою—
И нѣжной слабости и силы сочетанье,—
Я что-то грустное душой предузнаю,
И жалко мнѣ тебя, прекрасное созданье!

Вотъ почему порой заглядываюсь я,
Когда надъ книгою иль пестрою канвою
Ты наклоняешься пугливой головою,
А черный локонъ твой сбѣгаетъ, какъ змѣя,

Прозрачность блѣдную обрѣзавши ланиты,
И стрѣлы черныя рѣсницъ твоихъ густыхъ
Сіяющаго дня отливами покрыты,
И око свѣтлое чернѣетъ изъ-подъ нихъ.

Какъ много, Боже мой, за то бъ я отдалъ дней,
Чтобъ вечеръ сѣверный прожить тихонько съ нею
И все пересказать ей языкомъ очей,
Хоть на вечеръ одинъ назвавъ ее своею,

Чтобъ на главѣ моей лилейная рука,
Небрежно потонувъ, власы приподнимала,
Чтобъ отъ меня была забота далека,
Чтобъ счастью одному душа моя внимала,

Чтобы въ очахъ ея слезинка родилась,—
Та, надъ которой я такъ передумалъ много,—
Чтобы душа моя на все отозвалась,—
На все, что̀ было ей даровано отъ Бога!

Когда мечтательно я преданъ тишинѣ
И вижу кроткую царицу ясной ночи,
Когда созвѣздія заблещутъ въ вышинѣ,
И сномъ у Аргуса начнутъ смыкаться очи,

И близокъ часъ уже, условленный тобой,
И ожиданіе съ минутой возрастаетъ,
И я стою уже, безумный и нѣмой,
И каждый звукъ ночной смущеннаго пугаетъ,

И нетерпѣніе сосетъ больную грудь,
И ты идешь одна, украдкой, озираясь,
И я спѣшу въ лицо прекрасной заглянуть,
И вижу ясное, и тихо, улыбаясь,

Ты на слова любви мнѣ говоришь: «люблю!»,
А я безсвязныя связать стараюсь рѣчи,
Дыханьемъ пламеннымъ дыханіе ловлю,
Цѣлую волоса душистые и плечи

И долго слушаю, какъ ты молчишь, и мнѣ
Ты предаешься вся для страстнаго лобзанья.—
О, другъ, какъ счастливъ я,—какъ счастливъ я вполнѣ!
Какъ жить мнѣ хочется до новаго свиданья!

Послѣдній звукъ умолкъ въ лѣсу глухомъ,
Послѣдній лучъ погаснулъ за горою,—
О, скоро ли, въ безмолвіи ночномъ,
Прекрасный другъ, увижусь я съ тобою?

О, скоро ли младенческая рѣчь
Въ испугъ мое измѣнитъ ожиданье?
О, скоро ли къ груди моей прилечь
Ты поспѣшишь, вся трепетъ, вся желанье?

Скользитъ туманъ прозрачный надъ рѣкой,
Какъ твой покровъ свиваясь и бѣлѣя...
Часъ фей насталъ! Увижусь ли съ тобой
Я въ царствѣ фей, мечтательная фея?

Иль заодно съ тобой и ночь и мгла
Меня томятъ и нѣжатъ въ заблужденьи?
Иль эта страсть больная солгала,
И жаръ ночной потухнетъ въ пѣснопѣньи?

Какое счастіе: и ночь, и мы одни!
Рѣка—какъ зеркало и вся блеститъ звѣздами,
А тамъ-то—голову закинь-ка, да взгляни:
Какая глубина и чистота надъ нами!

О, называй меня безумнымъ! Назови,
Чѣмъ хочешь: въ этотъ мигъ я разумомъ слабѣю
И въ сердцѣ чувствую такой приливъ любви,
Что не могу молчать, не стану, не умѣю!

Я боленъ, я влюбленъ; но, мучась и любя,—
О, слушай! о, пойми!—я страсти не скрываю,
И я хочу сказать, что я люблю тебя—
Тебя, одну тебя люблю я и желаю!

Постой—здѣсь хорошо! Зубчатой и широкой
Каймою тѣнь легла отъ сосенъ въ лунный свѣтъ.
Какая тишина! Изъ-за горы высокой
Сюда и доступа мятежнымъ звукамъ нѣтъ.

Я не пойду туда, гдѣ камень вѣроломный,
Скользя изъ-подъ пяты, съ отвѣсныхъ береговъ
Летитъ на хрящъ морской,—гдѣ въ морѣ валъ огромный
Придетъ—и убѣжитъ въ объятія валовъ:

Одна передо мной подъ мирными звѣздами,
Ты здѣсь—царица чувствъ, властительница думъ,
А тамъ—придетъ волна и грянетъ между нами...
Я не пойду туда: тамъ вѣчный плескъ и шумъ!

Вчера, увѣнчана душистыми цвѣтами,
Смотрѣла долго ты въ зеркальное окно
На небо синее, горѣвшее звѣздами,
Въ аллею тополей съ дрожащими листами,—
Въ аллею, гдѣ вдали такъ страшно и темно.

Забыла, можетъ-быть, ты за собою въ залѣ
И яркій блескъ свѣчей, и нѣжныя слова,
Когда помчался вальсъ и струны рокотали!..
Я видѣлъ,—вся въ цвѣтахъ, исполнена печали,
Къ плечу слегка твоя склонилась голова.

Не думала ли ты:—«Вонъ тамъ, въ бесѣдкѣ дальной,
На мраморной скамьѣ теперь онъ ждетъ меня
Подъ сумракомъ деревъ, ревнивый и печальный,—
Онъ взоры утомилъ, смотря на вихорь бальный,
И ловитъ тѣнь мою въ сіяніи огня».

Тебѣ въ молчаніи я простираю руку
И дѣтскихъ укоризнъ въ грядущемъ не страшусь:
Ты втайнѣ поняла души смѣшную муку,
Усталыхъ прихотей ты разгадала скуку,
Мы вмѣстѣ,—и судьбѣ я молча предаюсь.

Безъ клятвъ и клеветы ребячески-невинной
Сказала жизнь за насъ послѣдній приговоръ.
Еще мы молоды,—но съ радостью старинной
Люблю на локонъ твой засматриваться длинный,
Люблю безмолвныхъ устъ и взоровъ разговоръ.

Какъ въ дни безумные, какъ въ пламенные годы,
Мнѣ жизни міровой святыня дорога:
Люблю безмолвіе полунощной природы,
Люблю ея лѣсовъ лепечущіе своды,
Люблю ея степей алмазные снѣга,

И снова мнѣ легко, когда, святому звуку
Внимая не одинъ, я заживо дѣлюсь,
Когда, за честный бой съ тѣнями взявъ поруку,
Тебѣ въ молчаніи я простираю руку
И дѣтскихъ укоризнъ въ грядущемъ не страшусь.

О, другъ, не мучь меня жестокимъ приговоромъ!
Я оскорбить тебя минувшимъ не хочу:
Оно плѣнительнымъ промчалось метеоромъ...
Съ твоимъ я встрѣтиться робѣлъ и жаждалъ взоромъ
И приходилъ молчать... Я и теперь молчу:

Добра и красоты въ чертахъ твоихъ сліянье
Попрежнему мой подкупаетъ умъ;
Я вижу,—вотъ оно, то нѣжное созданье,
Къ которому я несъ весь пылъ, все упованье
Безумныхъ, радостныхъ, невысказанныхъ думъ;

Но—помнишь ли?—весной гремѣла пѣснь лѣсная,
И кликалъ соловей серебряные сны;
Теперь душистѣй лѣсъ, пышнѣе тѣнь ночная,
И хочетъ соловей запѣть, какъ утромъ мая,—
Но робко такъ не пѣлъ онъ въ первый день весны!..

СТАРЫЯ ПИСЬМА.

Давно забытыя подъ легкимъ слоемъ пыли,
Черты завѣтныя, вы вновь передо мной
И въ часъ душевныхъ мукъ мгновенно воскресили
Все, что̀ давно-давно утрачено душой.

Горя огнемъ стыда, опять встрѣчають взоры
Одну довѣрчивость, надежду и любовь,
И задушевныхъ словъ поблекшіе узоры
Отъ сердца моего къ ланитамъ гонятъ кровь.

Я вами осужденъ, свидѣтели нѣмые
Весны души моей и сумрачной зимы:
Вы тѣ же свѣтлые, святые, молодые,
Какъ въ тотъ ужасный часъ, когда прощались мы.

А я—довѣрился предательскому звуку, —
Какъ будто внѣ любви есть въ мірѣ что-нибудь!
Я дерзко оттолкнулъ писавшую васъ руку,
Я осудилъ себя на вѣчную разлуку
И съ холодомъ въ груди пустился въ дальній путь..

Зачѣмъ же съ прежнею улыбкой умиленья
Шептать мнѣ о любви, глядѣть въ мои глаза?
Души не воскреситъ и голосъ всепрощенья,
Не смоетъ этихъ строкъ и жгучая слеза!

Страницы милыя опять персты раскрыли,—
Я снова умиленъ и трепетать готовъ,
Чтобъ вѣтеръ иль рука чужая не сронили
Засохшихъ, одному мнѣ вѣдомыхъ цвѣтовъ...

О, какъ ничтожно все! Отъ жертвы жизни цѣлой,
Отъ этихъ пылкихъ жертвъ и подвиговъ святыхъ—
Лишь тайная тоска въ душѣ осиротѣлой,
Да тѣни блѣдныя у лепестковъ сухихъ!..

Но ими дорожитъ мое воспоминанье;
Безъ нихъ все прошлое—одинъ жестокій бредъ,
Безъ нихъ—одинъ укоръ, безъ нихъ—одно терзанье
И нѣтъ прощенія, и примиренья нѣтъ!

ВЪ САДУ.

Привѣтствую тебя, мой добрый, старый садъ,
Цвѣтущихъ лѣтъ цвѣтущее наслѣдство!
Съ улыбкой горькою я пью твой ароматъ,
Которымъ нѣкогда мое дышало дѣтство.

Густыя липы тѣ жъ, но заросли слова,
Которыя въ тѣни я вырѣзалъ искусно,
Хватаетъ за ноги заглохшая трава,
И чувствую, что тамъ, въ лѣсу, мнѣ будетъ грустно;

Какъ будто съ трепетомъ здѣсь каждаго листа
Моя пробудится и затрепещетъ совѣсть,
И станутъ лепетать знакомыя мѣста
Давно забытую, оплаканную повѣсть

И скажутъ:—«Помнимъ мы, какъ ты игралъ и росъ,—
Мы помнимъ, какъ потомъ, въ послѣдній часъ разлуки
Вѣнкомъ изъ молодыхъ и благовонныхъ розъ
Тебя здѣсь нѣжныя благословляли руки,—

Скажи: гдѣ розы тѣ, которыя такой
Веселой радостью и свѣжестью дышали?..»
Однѣ я раздарилъ съ безумствомъ и тоской,
Другія растерялъ,—и всѣ онѣ увяли...

А вы—вы молоды и пышны до конца!..
Я радъ—и радости вполнѣ вкусить не смѣю:
Стою, какъ блудный сынъ передъ лицомъ отца,—
И плакать бы хотѣлъ,—и плакать не умѣю!

Не спрашивай, надъ чѣмъ задумываюсь я,—
Мнѣ сознаваться въ томъ и тягостно и больно:
Мечтой безумною полна душа моя
И въ глубь минувшихъ лѣтъ уносится невольно.

Сіянье прелести тогда въ свой кругъ влекло:
Взглянулъ—и пылкое навстрѣчу сердце рвется!..
Такъ голубь, бурею застигнутый, въ стекло,
Какъ очарованный, крыломъ лазурнымъ бьется.

А нынѣ предъ лицомъ сіяющей красы
Нѣтъ этой слѣпоты и страсти безотвѣтной,
Но сердце глупое, какъ ветхіе часы,
Коль и забьетъ порой, такъ все свой часъ завѣтный.

Я помню, отрокомъ я былъ еще. Пора
Была туманная. Сирень въ слезахъ дрожала.
Въ тотъ день лежала мать больна, и со двора
Подруга игръ моихъ надолго уѣзжала.

Не мчались ласточки, звеня, передъ окномъ,
И мошекъ не толклись блестящихъ вереницы;
Сидѣли голуби, нахохлившись, рядкомъ,
И въ липникъ прятались умолкнувшія птицы.

А надъ колодеземъ, на вздернутомъ шестѣ,
Гдѣ старая бадья болталась, какъ подвѣска,
Закаркалъ воронъ вдругъ, чернѣя въ высотѣ,—
Закаркалъ какъ-то зло, отрывисто и рѣзко...

Тотъ плачъ давно умолкъ,—кругомъ и смѣхъ и шумъ,—
Но сердце вѣчно, знать, пугаться не отвыкнетъ:
Гляжу въ твои глаза, люблю ихъ нѣжный умъ—
И трепещу: вотъ-вотъ зловѣщій воронъ крикнетъ.

О, нѣтъ, не стану звать утраченную радость,
Напрасно горячить скудѣющую кровь,
Не стану кликать вновь забывчивую младость
И спутницу ея—безумную любовь!

Безъ ропота иду навстрѣчу вѣчной власти,
Молитву затвердя горячую одну:
Пусть тотъ осенній вѣтръ мои погаситъ страсти,
Что̀ каждый день съ чела роняетъ сѣдину.

Пускай съ души больной, борьбою утомленной,
Безъ грохота спадетъ тоскливой жизни цѣпь,
И пусть очнусь вдали, гдѣ къ рѣчкѣ безыменной
Отъ голубыхъ холмовъ бѣжитъ нѣмая степь;

Гдѣ съ дикой яблонью уборомъ споритъ слива;
Гдѣ тучка чуть ползетъ, воздушна и свѣтла;
Гдѣ дремлетъ надъ водой поникнувшая ива,
И вечеромъ, жужжа, къ улью летитъ пчела.

Быть-можетъ,—вѣчно въ даль съ надеждой смотрятъ очи!—
Тамъ ждетъ меня друзей лелѣющій союзъ,
Съ сердцами чистыми, какъ мѣсяцъ полуночи,
Съ душою чуткою, какъ пѣсни вѣщихъ музъ.

Тамъ наконецъ я все, чего душа алкала,
Ждала, надѣялась, на склонѣ лѣтъ найду
И съ лона тихаго земного идеала
На лоно вѣчности съ улыбкой перейду.

Въ пору любви, мечты, свободы,
Въ мерцаньи розоваго дня,
Языкъ душевной непогоды
Былъ непонятенъ для меня.

Я забавлялся надъ словами,
Что будто по душѣ иной
Проходитъ злоба полосами,
Какъ тѣнь отъ тучи громовой.

Настало время отрезвляться —
И долгъ велѣлъ, въ нѣмой борьбѣ,
Навстрѣчу людямъ улыбаться,
А горе подавлять въ себѣ.

Я побѣждалъ. Въ душѣ сокрыта,
Бѣда спала. Но зналъ ли я,
Какъ живуча, какъ ядовита
Эдема старая змѣя!

Находятъ дни,—съ самимъ собою
Бороться сердцу тяжело,
И духа злобы надъ душою
Я слышу тяжкое крыло.

Когда бъ въ полетѣ скоротечномъ
Того, что̀ призываетъ жить,
Я могъ по выборѣ сердечномъ
Любые дни остановить,—

Порой, когда томитъ щедротой
Насъ сила, непонятно чья,
На мигъ плѣнился бъ я заботой
Дѣтей, прудящихъ бѣгъ ручья,

И, поджидая и ревнуя,
Въ пору любви, въ тиши ночной,
Я бъ подъ печатью поцѣлуя
Забылъ зарѣ воскликнуть: «Стой!».

Передъ зеленымъ колыханьемъ
Безбрежныхъ зрѣющихъ полей
Я бъ истомился ожиданьемъ
Тяжелыхъ, неподсильныхъ дней,

Я бъ ждалъ, покуда днемъ безшумнымъ
Замретъ тоскливый трудъ и страхъ,
Когда вся рожь по тѣснымъ гумнамъ
Столпится въ золотыхъ скирдахъ.

ДРУГУ.

Когда въ груди твоей страданье,
Проснувшись, къ сердцу подойдетъ,
И жадный червь воспоминанья
Его невидимо грызетъ,—

Борьбой съ наитіемъ недуга
Души напрасно не томи:
Безъ слезъ, безъ ропота,—на друга
Съ надеждой очи подыми.

Пусть свѣтъ клянетъ и негодуетъ:
Онъ на слова прощенья нѣмъ!
Пойми, что сердце только чуетъ
Невыразимое ничѣмъ,

То, чтò въ явленьи незамѣтномъ
Дрожитъ, гармоніей дыша,
И въ тайникѣ своемъ завѣтномъ
Хранитъ безсмертная душа.

Однимъ лучомъ изъ ока въ око,
Одной улыбкой устъ нѣмыхъ,
Со всѣмъ, чтò мучило жестоко,
Единый примиряетъ мигъ.

15 мая 1857.

Дитя, покорное любви,
Моихъ стиховъ не назови
Ты самолюбіемъ нескромнымъ:
О, пѣть! Мой стихъ не могъ молчать!
На немъ легла твоя печать
Съ раздумьемъ тягостнымъ и томнымъ!

Не говорю тебѣ «прости»:
Твоя судьба—одной цвѣсти!—
Да мимо идетъ зовъ мятежный;
Какъ въ жизни разъ, и въ пѣснѣ тожъ
Ты разъ мнѣ сердце потревожь
И унесись прекрасной, нѣжной...

И завтра свѣтлый образъ весь
Исчезнетъ тамъ, исчезнетъ здѣсь.
Про твой удѣлъ никто не спроситъ,
И запахъ лиліи ночной
Не досягнетъ луны родной:
Полночный вѣтръ его разноситъ.

ОТЪѢЗДЪ.

Какая горькая обида:
Я завтра ѣду... Боже мой!
Какъ будто къ области Аида
Темнѣетъ путь передо мной.

Какъ послѣ нѣжнаго похмелья
Отъ струй паѳосскаго вина,
Уединенная мнѣ келья
Теперь покажется душна.

Но, вѣренъ сладостной тревогѣ,
Въ степи безбрежной и въ лѣсу,
По рвамъ, по каменной дорогѣ
Твой образъ чистый понесу

И сохраню въ душѣ глубоко
Двойную прелесть красоты:
И это мыслящее око,
И эти дѣтскія черты.

Я уѣзжаю. Замираетъ
Въ устахъ обычное «прости».
Куда судьба меня кидаетъ?
Куда мнѣ грусть мою нести?

Молчу. Ко мнѣ всегда жестокой
Была ты много-много лѣтъ,—
Но, можетъ-быть, въ странѣ далекой
Я вдругъ услышу твой привѣтъ:

Въ долинѣ, иногда, прощаясь,
Крутой минувши поворотъ,
Напрасно странникъ, озираясь,
Другого голосомъ зоветъ;

Но смерклось—надъ стѣною черной
Горятъ извивы облаковъ—
И тамъ, внизу, съ тропы нагорной
Ему прощальный слышенъ зовъ.

Вчерашній вечеръ помню живо:
Синѣли глубью небеса,
Листъ трепеталъ, краснорѣчиво
Глядѣли звѣзды намъ въ глаза,

Свѣтились зори издалека,
Фонтанъ сверкалъ такъ горячо,
И Млечный путь бѣжалъ широко
И звалъ: «Смотри! Еще! Еще!»

Сегодня—все вокругъ заснуло,
Какъ дымкой твердь заволокло,
И въ полумракѣ затонуло
Воды игривое стекло;

Но не томлюсь среди тумана,
Меня не давитъ мракъ лѣсной:
Я слышу плескъ живой фонтана
И чую звѣзды надъ собой.

5 авг. 1882.

Прости,—во мглѣ воспоминанья
Все вечеръ помню я одинъ,
Тебя одну среди молчанья
И твой пылающій каминъ.

Глядя въ огонь, я забывался,
Волшебный кругъ меня томилъ,
И чѣмъ-то горькимъ отзывался
Избытокъ счастія и силъ.

Что̀ за раздуміе у цѣли?
Куда безумство завлекло?
Въ какія дебри и мятели
Я уносилъ твое тепло?

Гдѣ ты? Ужель, ошеломленный,
Кругомъ не видя ничего,
Застывшій, вьюгой убѣленный,
Стучусь у сердца твоего?..

22 янв. 1888.

ПРИРОДА.

Подъ небомъ Франціи, среди столицы свѣта,
Гдѣ такъ измѣнчива народная волна,
Не знаю, отчего, грустна душа поэта,
И тайной скорбію мечта его полна.

Какимъ-то чуждымъ сномъ весь блескъ несется мимо,
Подъ шумъ ей грезится иной, далекій край:
Такъ древле дикій скиѳъ средь праздничнаго Рима
Со вздохомъ вспоминалъ свой сѣверный Дунай.

О, Боже, передъ Кѣмъ вездѣ страданья наши,
Какъ звѣзды по небу полночному, горятъ,
Не дай моимъ устамъ испить изъ горькой чаши
Изгнанья мрачнаго по каплѣ жгучій ядъ!

ОТВѢТЪ ТУРГЕНЕВУ.

Поэтъ, ты хочешь знать, за что̀ такой любовью
Мы любимъ родину съ тобой,
Зачѣмъ въ разлукѣ съ ней, наперекоръ злословью,
Готово сердце въ насъ истечь до капли кровью
По красотѣ ея родной?

Что̀ жъ, пусть весна у насъ позднѣе и короче,—
Но вотъ дождались наконецъ:
Синѣй, мечтательнѣй божественныя очи,
И раздражительнѣй не меркнущія ночи,
И зеленѣй ея вѣнецъ...

Вчера я шелъ въ ночи и помню очертанье
Багряно-золотистыхъ тучъ:
Не могъ я разгадать,—то яркое сіянье
Вечерней ли зари послѣднее прощанье,
Иль утра пламеннаго лучъ?

Какъ будто среди дня, замолкнувши мгновенно,
Столица сѣвера спала,
Подъ обаяньемъ сна горда и неизмѣнна,
И надъ громадой ночь, блѣдна и вдохновенна,
Какъ ясновидящая шла.

Не вѣрилося мнѣ, а взоры различали,
Скользя по ясной синевѣ,
Чьи корабли вдали на рейдѣ отдыхали,—
А воды, не струясь, подъ ними отражали
Всѣ флаги пестрые въ Невѣ.

Заныла грудь моя,—но въ думахъ окрыленныхъ
Съ тобой мы встрѣтилися, другъ:
О, вѣрь, что никогда въ объятьяхъ распаленныхъ
Не могъ такихъ ночей вполнѣ разоблаченныхъ
Лелѣять сладострастный югъ!

ИТАЛІЯ.

Италія, ты сердцу солгала!
Какъ долго я въ душѣ тебя лелѣялъ,
Но не такой мечта тебя нашла,
И не роднымъ мнѣ воздухъ твой повѣялъ.

Въ твоихъ степяхъ любимый образъ мой
Не могъ, опять воскреснувши, не вырость:
Сынъ сѣвера, люблю я шумъ лѣсной
И зелени растительную сырость.

Твоихъ сыновъ паденье и позоръ
И нищету увидя, содрогаюсь,
Но иногда, суровый приговоръ
Забывъ, опять съ тобою примиряюсь:

Въ углахъ садовъ и старческихъ руинъ
Нерѣдко жаръ я чувствую мгновенный
И слушаю—и, кажется, одинъ
Я слышу гимнъ Сивиллы вдохновенный.

Въ подобный мигъ чужія небеса
Невѣдомой мнѣ въ душу вѣютъ силой,
И я люблю, увядшая краса,
Твой долгій взоръ, надменный и унылый,

И ящерицъ, мелькающихъ кругомъ,
И нѣгу ихъ на нестерпимомъ зноѣ,
И страстнаго кумира подъ плющомъ
Раскидистымъ увѣчье вѣковое.

ТУРГЕНЕВУ.

Прошла зима, затихла вьюга,—
Давно тебѣ, любовникъ юга,
Готовимъ тучнаго тельца:
Въ снѣгу, въ колючихъ искрахъ пыли,
Въ тебѣ мы друга не забыли
И заждались обнять пѣвца.

Ты нашъ. Напрасно утромъ рано
Ты будишь стражей Ватикана:
Вотъ за рѣшетку ты шагнулъ,
Вотъ улыбнулися антики,
И долго слышатъ мозаики
Твоихъ шаговъ бѣгущій гулъ,—

Ты нашъ. Чужда и молчалива
Передъ тобой стоитъ олива,
Иль зонтикъ пинны молодой,—
Но вѣчно радужныя грезы
Тебя несутъ подъ тѣнь березы,
Къ ручьямъ земли твоей родной.

Тамъ все тебя встрѣчаетъ другомъ,
Чернѣй бразда бѣжитъ за плугомъ,
Тамъ бархатъ степи зеленѣй,
И, вѣрно, чуя, что просторнѣй,
Смѣлѣй, и слаще, и задорнѣй
Весенній свищетъ соловей.

ТУРГЕНЕВУ.

Изъ мачтъ и паруса,—какъ честно онъ служилъ
Искусному пловцу подъ вёдромъ и грозою!—
Ты хижину себѣ воздушную сложилъ
Подъ очарованной скалою.

Тебя пригрѣлъ чужой денницы яркій лучъ—
И въ откликахъ твоихъ мы слышимъ примиренье:
Гдѣ тѣломъ страждущій пьетъ животворный ключъ,
Душѣ сыскалъ ты возрожденье.

Поэтъ, и я обрѣлъ, чего давно алкалъ:
Скрываясь отъ толпы безчинной,
Среди родныхъ полей и тѣнь я отыскалъ,
И уголокъ земли пустынной.

Привольно, широко, куда ни кинешь взоръ...
Здѣсь насажу я садъ, здѣсь, здѣсь поставлю хату!—
И, плектронъ отложа, я взялся за топоръ
И за блестящую лопату.

Свершилось: домъ укрылъ меня отъ непогодъ,
Луна и солнце въ окна блещетъ,
И, зеленью шумя, деревьевъ хороводъ
Ликуетъ жизнью и трепещетъ.

Ни рѣзкій крикъ глупцовъ, ни подлый ихъ разгулъ
Сюда не досягнутъ. Я слышу лишь изъ саду
Лихого табуна сближающійся гулъ,
Да крикъ козы, бѣгущей къ стаду.

Здѣсь пѣсни нѣжныхъ музъ душѣ моей слышнѣй,
Ихъ жадно слушаетъ пустыня,
И—вѣрь!—хоть изрѣдка изъ сумрака аллей
Ко мнѣ придетъ моя богиня.

Вотъ здѣсь, не вѣдая ни бурь, ни грозныхъ тучъ,
Душой, привычною къ утратамъ,
Желалъ бы умереть, какъ утромъ лунный лучъ,
Или какъ солнечный съ закатомъ!

НА ДНѢПРѢ ВЪ ПОЛОВОДЬЕ.

(А. Я. Панаевой).

Свѣтало. Вѣтеръ гнулъ упругое стекло
Днѣпра, еще въ волнахъ не пробуждая звука.
Старикъ отчаливалъ, опершись на весло,
А между тѣмъ ворчалъ на внука.

Отъ веселъ къ берегу кудрявый слѣдъ бѣжалъ,
Струи подъ лодкой закипѣли,
Нашъ парусъ, медленно надувшись, задрожалъ,
И мы какъ птица полетѣли.

И яркимъ золотомъ и чистымъ серебромъ
Змѣились облаковъ прозрачныхъ очертанья.
Надъ разыгравшимся, казалося, Днѣпромъ
Струилися отъ волнъ и травъ благоуханья.

За нами мельница едва-едва видна,
И берегъ посинѣлъ зеленый —
И вотъ подъ лодкою вздрогнувшей быстрина
Сверкаетъ сталью вороненой.

А тамъ затопленный навстрѣчу лѣсъ летѣлъ:
Въ него зеркальные врывалися заливы,
Надъ сонной влагою тамъ тополь зеленѣлъ,
Бѣлѣли яблони и трепетали ивы.

И подъ лобзанія немолкнущей струи,
Пѣвцы, которымъ лѣсъ да волны лишь внимали,
Съ какой-то нѣгою задорной соловьи
Пустынный воздухъ раздражали.

Вотъ изумрудный лугъ, вотъ желтые пески
Горятъ въ сіяньи золотистомъ,
Вонъ утка крадется въ тростникъ, вонъ кулики
Безпечно бѣгаютъ со свистомъ,—

Остался бъ здѣсь дышать, смотрѣть и слушать вѣкъ...

СТЕПЬ ВЕЧЕРОМЪ.

Клубятся тучи, млѣя въ блескѣ аломъ.
Хотятъ въ росѣ понѣжиться поля.
Въ послѣдній разъ за третьимъ переваломъ
Пропалъ ямщикъ, звеня и не пыля.

Нигдѣ жилья не видно на просторѣ.
Вдали огня иль пѣсни—и не ждешь:
Все степь да степь. Безбрежная, какъ море,
Волнуется и наливаетъ рожь.

За облакомъ до половины скрыта,
Луна свѣтить еще не смѣетъ днемъ.
Вотъ жукъ взлетѣлъ и прожужжалъ сердито,
Вотъ лунь проплылъ, не шевеля крыломъ.

Покрылись нивы сѣтью золотистой,
Тамъ перепелъ откликнулся вдали,
И, слышу я, въ изложинѣ росистой
Вполголоса скрипятъ коростели.

Ужъ сумракомъ пытливый взоръ обманутъ.
Среди тепла прохладой стало дуть.
Луна чиста. Вотъ съ неба звѣзды глянутъ—
И какъ рѣка засвѣтитъ Млечный путь.

СТАРЫЙ ПАРКЪ.

Сбирались умирать послѣдніе цвѣты
И ждали съ грустію дыханія мороза.
Краснѣли по краямъ кленовые листы,
Горошекъ отцвѣталъ, и осыпалась роза.

Надъ мрачнымъ ельникомъ проснулася заря,
Но яркости ея не радовались птицы:
Однообразный свистъ лишь слышенъ снѣгиря,
Да раздражаетъ пискъ насмѣшливой синицы.

Бесѣдка старая надъ пропастью видна.
Вхожу. Два льва безъ лапъ на лѣстницѣ встрѣчаютъ.
Полузатертыя чужія имена,
Сплетаясь межъ собой, въ глазахъ моихъ мелькаютъ.

Гляжу. У ногъ моихъ отвѣсною стѣной
Мнѣ сосенъ кажутся недвижныя вершины,
И горная тропа, размытая водой,
Віясь какъ желтый змѣй, бѣжитъ на дно долины.

И солнце вырвалось изъ тучи, и лучи,
Блеснувъ, какъ молнія, въ долину долетѣли.
Отсюда вижу я, какъ бьютъ въ прудѣ ключи
И надъ травой стоятъ недвижныя форели.

Одинъ. Ничьихъ шаговъ не слышу за собой.
Въ душѣ уныніе, усиліе во взорѣ,—
А тамъ, за соснами, какъ куполъ голубой,
Стоитъ безстрастное, безжалостное море...

Какъ чайка, парусъ тамъ бѣлѣетъ въ высотѣ...
Я жду, потонетъ онъ,—но онъ не утопаетъ
И, медленно скользя по выгнутой чертѣ,
Какъ волокнистый слѣдъ пропавшей тучки таетъ.

ПСОВАЯ ОХОТА.

Послѣдній снопъ свезенъ съ нагихъ полей,
По стоптаннымъ гуляетъ жнивьямъ стадо,
И тянется станица журавлей
Надъ липникомъ замолкнувшаго сада.

Вчера зарей впервые у крыльца
Вечерній дождь звѣздами началъ стынуть.
Пора сѣдлать проворнаго донца
И звонкій рогъ за плечи перекинуть!

Въ поля! Въ поля! Тамъ съ зелени бугровъ
Охотниковъ внимательные взоры
Натѣшатся на острова лѣсовъ
И пестрые, лѣсные косогоры.

Уже давно, осыпавшись съ вершинъ,
Осинниковъ рѣдѣетъ глубь густая
Надъ гулкими извивами долинъ
И ждетъ роговъ да заливного лая.

Семьи волковъ притонъ вчера открытъ,—
Удастся ли сегодня травля наша?
Но вотъ русакъ сверкнулъ изъ-подъ копытъ,
Все сорвалось—и заварилась каша:

— «Отбей собакъ! Скачи наперерѣзъ!»
И красный верхъ папахи вдаль помчался...
Но ужъ давно весь голосистый лѣсъ
На злобный лай стократно отозвался.

ЛѢСЪ.

Куда ни обращаю взоръ,
Кругомъ синѣетъ мрачный боръ,
И день права свои утратилъ.
Въ глухой дали стучитъ топоръ,
Вблизи стучитъ вертлявый дятелъ.

У ногъ гніетъ столѣтній ломъ,
Гранитъ чернѣетъ, и за пнемъ
Прижался заяцъ серебристый,
А на соснѣ, поросшей мхомъ,
Мелькаетъ бѣлки хвостъ пушистый.

И путь заглохъ и одичалъ,
Позеленѣлый мостъ упалъ
И легъ, скосясь, во рву размытомъ,
И конь давно не выступалъ
По немъ подкованнымъ копытомъ.

Солнце нижетъ лучами въ отвѣсъ,
И дрожатъ испареній струи
У окраины яркихъ небесъ.
Распахни мнѣ объятья твои,
Густолистый, развѣсистый лѣсъ,

Чтобъ въ лицо и въ горячую грудь
Хлынулъ вздохъ твой студеной волной,
Чтобъ и мнѣ было сладко вздохнуть,
Дай устами и взоромъ прильнуть
У корней мнѣ къ водѣ ключевой!

Чтобъ и я въ этомъ морѣ исчезъ,
Потонулъ въ той душистой тѣни,
Чтò раскинулъ твой пышный навѣсъ,
Распахни мнѣ объятья твои,
Густолистый, развѣсистый лѣсъ!

Ель рукавомъ мнѣ тропинку завѣсила.
Вѣтеръ. Въ лѣсу одному
Шумно, и жутко, и грустно, и весело...
Я ничего не пойму.

Вѣтеръ. Кругомъ все гудетъ и колышется.
Листья кружатся у ногъ.
Чу! Тамъ, вдали, неожиданно слышится
Тонко взывающій рогъ.

Сладостенъ зовъ мнѣ глашатая мѣднаго!
Мертвые что̀ мнѣ листы?
Кажется, издали странника бѣднаго
Нѣжно привѣтствуешь ты.

4 ноября 1891.

Яркимъ солнцемъ въ лѣсу пламенѣетъ костеръ,
И, сжимаясь, трещитъ можжевельникъ.
Точно пьяныхъ гигантовъ столпившійся хоръ,
Раскраснѣвшись, шатается ельникъ.

Я и думать забылъ про холодную ночь,—
До костей и до сердца прогрѣло;
Что̀ смущало,—колеблясь, умчалося прочь,
Будто искры въ дыму улетѣло.

Пусть на зорькѣ, все ниже спускаясь, дымокъ
Надъ золою замретъ сиротливо:
Долго-долго, до поздней поры, огонекъ
Будетъ теплиться скупо, лѣниво.

И лѣниво и скупо мерцающій день
Ничего не укажетъ въ туманѣ:
У холодной золы изогнувшійся пень
Прочернѣетъ одинъ на полянѣ.

Но нахмурится ночь,—разгорится костеръ
И, віясь, затрещитъ можжевельникъ,
И, какъ пьяныхъ гигантовъ столпившійся хоръ,
Покраснѣвъ, зашатается ельникъ.

ГОРНОЕ УЩЕЛЬЕ.

За лѣсомъ лѣсъ, и за горами горы,
За темными лилово-голубыя,
И, если долго къ нимъ приникнутъ взоры,
За блѣднымъ рядомъ выступятъ другія.

Здѣсь темный дубъ и ясень изумрудный,
А тамъ лазури тающая нѣжность,—
Какъ будто изъ дѣйствительности чудной
Уносишься въ волшебную безбрежность.

И въ дальній блескъ душа летѣть готова,
Не трепетомъ, а радостью объята,
Какъ будто это чувство ей не ново,
А сладостно ужъ грезилось когда-то.

Какъ здѣсь свѣжо подъ липою густою,—
Полдневный зной сюда не проникалъ,
И тысячи висящихъ надо мною
Качаются душистыхъ опахалъ,—

А тамъ, вдали, сверкаетъ воздухъ жгучій,
Колебляся, какъ будто дремлетъ онъ,—
Такъ рѣзко-сухъ снотворный и трескучій
Кузнечиковъ неугомонный звонъ.

За мглой вѣтвей синѣютъ неба своды,
Какъ дымкою подернуты слегка,
И какъ мечты почіющей природы
Волнистыя проходятъ облака.

ЗНОЙ.

Что за зной! Даже тутъ подъ вѣтвями
Тѣнь слаба и открыто кругомъ...
Какъ сошлись и какими судьбами
Мы одни на скамейкѣ вдвоемъ?

Такъ молчать намъ обоимъ неловко,
Что ни стань говорить—невпопадъ...
За тяжелой косою головка
Словно хочетъ склониться назадъ...

И какъ будто истомою жадной
Насъ весна на припекѣ прожгла...
Только въ той вонъ аллеѣ прохладной
Средь полудня вечерняя мгла.

29 мая 1888.

ПОГОДА.

Заря восточный свой алтарь
Зажгла прозрачными огнями,
И пѣснь дрожитъ подъ небесами:
«Явися, дня лучистый царь,

Мы ждемъ! Такихъ немного встрѣчъ:
Окаймлена шумящей рожью,
Черезъ всю степь тебѣ къ подножью
Коверъ душистый стелетъ гречь;

Смиренно преклонясь челомъ,
Горитъ алмазами пшеница,
Какъ новобрачная царица
Передъ державнымъ женихомъ...»

Теплый вѣтеръ тихо вѣетъ,
Жизнью свѣжей дышитъ степь,
И кургановъ зеленѣетъ
Убѣгающая цѣпь.

И далеко межъ кургановъ
Темно-сѣрою змѣей
До блѣднѣющихъ тумановъ
Пролегаетъ путь родной.

Къ безотчетному веселью
Подымаясь въ небеса,
Сыплютъ съ неба трель за трелью
Вешнихъ птичекъ голоса.

Изъ дебрей туманы несмѣло
Родное закрыли село,
Но солнышкомъ вешнимъ согрѣло
И вѣтромъ ихъ вдаль разнесло.

Знать, долго скитаться наскуча,
Надъ ширью земель и морей
На родину тянется туча,
Чтобъ только поплакать надъ ней.

9 іюня 1886.

НА ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ.

Морозъ и ночь надъ далью снѣжной,
А здѣсь уютно и тепло.
И предо мной твой обликъ нѣжный
И дѣтски-чистое чело.

Полны смущенья и отваги,
Съ тобою, кроткій серафимъ,
Мы черезъ дебри и овраги
На змѣѣ огненномъ летимъ.

Онъ сыплетъ искры золотыя
На озаренные снѣга,
И снятся намъ мѣста иныя,
Иные снятся берега...

Въ мерцаньи одинокой свѣчки,
Ночнымъ путемъ утомлена,
Твоя старушка противъ печки
Въ глубокій сонъ погружена,—

Но ты красою ненаглядной
Еще томиться мнѣ позволь:
Съ какой заботою отрадной
Лелѣетъ сердце эту боль!

И, серебромъ облиты луннымъ,
Деревья мимо насъ летятъ,
Подъ нами съ грохотомъ чугуннымъ
Мосты мгновенные гремятъ.

И, какъ цвѣты волшебной сказки,
Полны сердечнаго огня,
Твои агатовые глазки
Съ улыбкой радости и ласки
Порою смотрятъ на меня.

НА КОРАБЛѢ.

Летимъ! Туманною чертою
Земля отъ глазъ моихъ бѣжитъ;
Подъ непривычною стопою,
Вскипая бѣлою грядою,
Стихія чуждая дрожитъ,—

Дрожитъ и сердце, грудь заныла...
Напрасно моря даль свѣтла:
Душа въ тотъ кругъ уже вступила,
Куда невидимая сила
Ее неволей унесла.

Ей будто чудится заранѣ
Тотъ день, когда безъ корабля
Помчусь въ воздушномъ океанѣ,
И будетъ исчезать въ туманѣ
За мной родимая земля.

ПАРОХОДЪ.

Злой дельфинъ, ты просишь ходу,
Ноздри пышутъ, паръ валитъ,
Сердце мощное кипитъ,
Лапы съ шумомъ роютъ воду...

Не лишай родной земли
Этой дѣвы, этой розы!
Погоди, прощанья слезы
Вдохновенныя продли!

Но напрасно... Конь морской,
Ты понесся быстрой птицей—
Только пляшутъ вереницей
Нереиды за тобой...

НА ЛОДКѢ.

Ты скажешь, брося взоръ по голубой равнинѣ:
— «И небо и вода».
Здѣсь остановимъ челнъ, по самой серединѣ
Широкаго пруда.

Буграми съ колеса волненье не клокочетъ,—
Чуть-чуть блестятъ струи.
Такъ тихо, будто ночь сама подслушать хочетъ
Рыданія любви.

До слуха чуткаго мечтаньями ночными
Доходитъ плескъ ручья.
Осыпана кругомъ звѣздами золотыми,
Покоится ладья.

Гляжу въ твое лицо, въ сіяющія очи,
О, добрый геній мой, —
Лицо твое—какъ день, ты вся, при свѣтѣ ночи, —
Какъ призракъ неземной!

Теперь, волшебница, иной, могучей власти
У неба не проси:
Всю эту ночь, весь блескъ, весь пылъ безумной страсти
Возьми—и погаси!

ДЕРЕВНЯ.

Люблю я пріютъ вашъ печальный,
И вечеръ деревни глухой,
И за лѣсомъ благовѣстъ дальный,
И кровлю, и крестъ золотой;

Люблю я немятаго луга
Къ окну подползающій паръ
И тѣснаго, тихаго круга
Не разъ долитой самоваръ;

Люблю я на тѣхъ посидѣлкахъ
Старушки чепецъ и очки,
Люблю на окнѣ на тарелкахъ
Овса золотые злачки,

На столикѣ, близко къ окошку,
Корзину съ узорнымъ чулкомъ
И по полу рѣзвую кошку
Въ прыжкахъ за проворнымъ клубкомъ,

И милой, застѣнчивой внучки
Красивый дѣвичій нарядъ,
Движеніе блѣдненькой ручки
И робко опущенный взглядъ,

Прощанье смолкающихъ пташекъ
И мѣсяца блѣдный восходъ,
Дрожанье фарфоровыхъ чашекъ
И рѣчи замедленный ходъ,

И собственной выдумки сказки,
Прохлады вечерней струю,
И васъ, любопытные глазки,
Живую награду мою!

ГОРЯЧІЙ КЛЮЧЪ.

Помнишь тотъ горячій ключъ?
Какъ онъ чистъ былъ и бѣгучъ,
Какъ дрожалъ въ немъ солнца лучъ
И качался,
Какъ пестрѣлъ сосѣдній боръ,
Какъ бѣлѣли выси горъ,
Какъ тепло въ немъ звѣздный хоръ
Повторялся!

Обмелѣлъ онъ и остылъ,—
Словно въ землю уходилъ,
Оставляя слѣдомъ илъ
Блѣдно-красный...
Долго-долго я алкалъ,—
Жилу жаркую межъ скалъ
Съ тайной ревностью искалъ,
Но напрасной.

Вдругъ въ горахъ промчался громъ,
Потряслась земля кругомъ,
Я бѣжалъ, покинувъ домъ
Мнѣ грозящій,—
Оглянулся,—чудный видъ:
Старый ключъ пробилъ гранитъ
И надъ бездною виситъ,
Весь кипящій!

БАБОЧКА.

Ты правъ: однимъ воздушнымъ очертаньемъ
Я такъ мила.
Весь бархатъ мой съ его живымъ миганьемъ—
Лишь два крыла.

Не спрашивай,—откуда появилась,
Куда спѣшу:
Здѣсь на цвѣтокъ я легкій опустилась
И вотъ—дышу.

Надолго ли, безъ цѣли, безъ усилья,
Дышать хочу?
Вотъ-вотъ сейчасъ, сверкнувъ, раскину крылья—
И улечу!

МОТЫЛЕКЪ МАЛЬЧИКУ.

Цвѣты кивают мнѣ, головки наклоня,
И манитъ кустъ душистой вѣткой,—
Зачѣмъ же ты одинъ преслѣдуешь меня
Своею шелковою сѣткой?

Дитя кудрявое, любимый нѣжно сынъ
Неувядающаго мая,
Позволь мнѣ жизнію упиться день одинъ,
На солнцѣ радостномъ играя.

Постой, оно уйдетъ, и блескъ его лучей
Замретъ на западѣ далекомъ,
И въ часъ таинственный я упаду въ ручей,
И унесетъ меня потокомъ.

ЦВѢТЫ.

Съ полей несется голосъ стада,
Въ кустахъ малиновки звенятъ,
И съ побѣлѣвшихъ яблонь сада
Струится сладкій ароматъ.

Цвѣты глядятъ съ тоской влюбленной,
Безгрѣшно-чисты, какъ весна,
Роняя съ пылью благовонной
Плодовъ румяныхъ сѣмена.

Сестра цвѣтовъ, подруга розы,
Очами въ очи мнѣ взгляни,
Навѣй живительныя грезы
И въ сердце пѣсню зарони!

ПЕРВЫЙ ЛАНДЫШЪ.

О, первый ландышъ! Изъ-подъ снѣга
Ты просишь солнечныхъ лучей...
Какая дѣвственная нѣга
Въ душистой чистотѣ твоей!

Какъ первый лучъ весенній ярокъ!
Какіе въ немъ нисходятъ сны!
Какъ ты плѣнителенъ, подарокъ
Воспламеняющей весны!

Такъ дѣва въ первый разъ вздыхаетъ —
О чемъ?—неясно ей самой,—
И робкій вздохъ благоухаетъ
Избыткомъ жизни молодой.

КОЛОКОЛЬЧИКЪ.

Ночь нѣма, какъ духъ безплотный,
Теплый воздухъ онѣмѣлъ,—
Но какъ будто мимолетный
Колокольчикъ прозвенѣлъ

Тотъ ли это, чтò мѣшаетъ
Вдалекѣ лѣсному сну
И, качаясь, набѣгаетъ
На ночную тишину,

Или этотъ, чуть замѣтный
Въ цвѣтникѣ моемъ и днемъ
Узкодонный, разноцвѣтный.
На тычинкѣ подъ окномъ?

ГЕОРГИНЫ.

Вчера—ужъ солнце рдѣло низко—
Средь георгинъ я шелъ твоихъ,
И, какъ живая одалиска,
Стояла каждая изъ нихъ.

Какъ много пылкихъ или томныхъ,
Съ наклономъ бархатныхъ рѣсницъ,
Веселыхъ, грустныхъ и нескромныхъ
Отвсюду улыбалось лицъ!

Казалось, нѣтъ конца ихъ грезамъ
На мягкомъ лонѣ тишины,—
А нынче утреннимъ морозомъ
Онѣ стоятъ опалены...

Но прежнимъ тайнымъ обаяньемъ
Отъ нихъ повѣяло опять,
И надъ безмолвнымъ увяданьемъ
Мнѣ какъ-то совѣстно роптать.

ОСЕННЯЯ РОЗА.

Осыпалъ лѣсъ свои вершины,
Садъ обнажилъ свое чело,
Дохнулъ сентябрь, и георгины
Дыханьемъ ночи обожгло.

Но въ дуновеніи мороза
Между погибшими одна,
Лишь ты одна, царица роза,
Благоуханна и пышна:

На зло жестокимъ испытаньямъ
И злобѣ гаснущаго дня,
Ты очертаньемъ и дыханьемъ
Весною вѣешь на меня.

18 сент. 1886.

СЕНТЯБРЬСКАЯ РОЗА.

За вздохомъ утреннимъ мороза,
Румянецъ устъ пріотворя,
Какъ странно улыбнулась роза
Въ день быстролетный сентября!

Передъ порхающей синицей
Въ давно безлиственныхъ кустахъ,
Какъ дерзко выступать царицей
Съ привѣтомъ вешнимъ на устахъ.

Расцвѣсть, въ надеждѣ неуклонной.
Съ холодной разлучась грядой,
Прильнуть, послѣдней, опьяненной,
Къ груди хозяйки молодой!

22 ноября 1890.

ОДИНОКІЙ ДУБЪ.

Смотри,—синѣя другъ за другомъ,
Какимъ широкимъ полукругомъ
Уходятъ правнуки твои!
Зачѣмъ же тѣнью благотворной
Все кружишь ты, старикъ упорный,
По рубежамъ родной земли?

Когда жъ невѣдомымъ страданьямъ,
Когда жестокимъ испытаньямъ
Придетъ медлительный конецъ?
Иль вѣчно понапрасну годы
Рукой суровой непогоды
Упрямый щиплютъ твой вѣнецъ?

И подъ изрытою корою
Ты полонъ силой молодою:
Такъ старый витязь, сверстникъ твой,
Не остывалъ душой съ годами
Подъ иззубренною мечами,
Давно заржавленной броней.

Все дальше, дальше съ каждымъ годомъ
Вокругъ тебя незримымъ ходомъ
Ползетъ просторъ твоихъ корней,
И въ ихъ кривые промежутки,
Гнѣздясь, съ пригорка незабудки
Глядятъ смѣлѣе въ даль степей.

Когда же, водъ взломавъ оковы,
Весенній вѣтръ несетъ въ дубровы
Твои поблеклые листы,
Съ нимъ вѣсти на просторъ широкій,
Что живъ ихъ пращуръ одинокій,
Ко внукамъ посылаешь ты.

ИВЫ И БЕРЕЗЫ *).

Березы сѣвера мнѣ милы,—
Ихъ грустный, опущенный видъ,
Какъ рѣчь безмолвная могилы,
Горячку сердца холодитъ;

Но ива, длинными листами
Упавъ на лоно ясныхъ водъ,
Дружнѣй съ мучительными снами
И дольше въ памяти живетъ.

Лія таинственныя слезы,
По рощамъ и лугамъ роднымъ
Про горе шепчутся березы
Лишь съ вѣтромъ сѣвера однимъ:

Всю землю, грустно-сиротлива,
Считая родиной скорбей,
Плакучая склоняетъ ива
Вездѣ концы своихъ вѣтвей.

---

*) См. въ «Дополненіяхъ» первую редакцію этой пьесы

ИВА.

Сядемъ здѣсь, у этой ивы.
Что за чудные извивы
На корѣ вокругъ дупла!
А подъ ивой—какъ красивы
Золотые переливы
Струй дрожащаго стекла!

Вѣтви сочныя дугою
Перегнулись надъ водою,
Какъ зеленый водопадъ;
Какъ живые, какъ иглою,
Будто споря межъ собою,
Листья воду бороздятъ.

Въ этомъ зеркалѣ подъ ивой
Уловилъ мой глазъ ревнивый
Сердцу милыя черты...
Мягче взоръ твой горделивый...
Я дрожу, глядя, счастливый,
Какъ въ водѣ дрожишь и ты...

СОСНЫ.

Средь клеповъ дѣвственныхъ и плачущихъ березъ
Я видѣть не могу надменныхъ этихъ сосенъ:
Онѣ смущаютъ рой живыхъ и сладкихъ грезъ,
И трезвый видъ мнѣ ихъ несносенъ.

Въ кругу воскреснувшихъ сосѣдей лишь онѣ
Не знаютъ трепета, не шепчутъ, не вздыхаютъ
И, неизмѣнныя, ликующей веснѣ
Пору зимы напоминаютъ:

Когда уронитъ лѣсъ послѣдній листъ сухой
И, смолкнувъ, станетъ ждать весны и возрожденья
Онѣ останутся холодною красой
Пугать иныя поколѣнья.

ТОПОЛЬ.

Сады молчатъ. Унылыми глазами,
Съ уныніемъ въ душѣ, гляжу вокругъ:
Послѣдній листъ разметанъ подъ ногами,
Послѣдній лучезарный день потухъ!

Лишь ты одинъ надъ мерзлыми степями
Таишь, мой тополь, смертный свой недугъ
И, трепеща попрежнему листами,
О вешнихъ дняхъ лепечешь мнѣ, какъ другъ.

Пускай мрачнѣй, мрачнѣе дни за днями,
И осени тлетворный вѣетъ духъ:
Съ подъятыми ты къ небесамъ вѣтвями
Стоишь одинъ и помнишь теплый югъ.

СТѢНА.

На склонѣ у лона морской глубины
Стояла стѣна вѣковая,
И мохъ зеленѣлъ по уступамъ стѣны,
Трава колыхалась сухая.

И верхнія плиты разбиты грозой
Въ часы громовой непогоды,
Но стѣну ту любятъ за камень сырой
Зеленыя вѣтви природы:

Лоза подается съ кудрявымъ плющомъ
Туда, гдѣ слышнѣе прохлада,
И въ полдень сверкаетъ, играя съ лучомъ,
Прозрачный жемчугъ винограда.

И всякому звуку внимаетъ стѣна:
Шумящій ли воронъ несется—
И ворону въ сторону явно сполна
Двоякій полетъ отдается.

На морѣ ли синемъ поютъ рыбари,
Иль нимфы серебрянымъ смѣхомъ
Тревожатъ пугливое ухо зари—
Стѣна имъ отвѣтствуетъ эхомъ.

ПЕРВАЯ БОРОЗДА.

Со степи зелено-сѣрой
Подымается туманъ,
И торчитъ еще Церерой
Ненавидимый бурьянъ.

Ржавый плугъ опять свѣтлѣетъ;
Гдѣ волы, склонясь, прошли,
Лентой бархатной чернѣетъ
Глыба взрѣзанной земли.

Чѣмъ-то блещутъ свѣжимъ, нѣжнымъ
Солнца вешніе лучи.
Вслѣдъ за пахаремъ прилежнымъ
Ходятъ жадные грачи

Вѣтерокъ благоухаетъ
Сочной почвы глубиной,
И Юпитера встрѣчаетъ
Лоно Геи молодой.

РЫБКА.

Тепло на солнышкѣ. Весна
Беретъ свои права.
Въ рѣкѣ мѣстами глубь ясна,
На днѣ видна трава.

Чиста холодная струя.
Слѣжу за поплавкомъ.
Шалунья-рыбка, вижу я,
Играетъ съ червякомъ.

Голубоватая спина,
Сама какъ серебро,
Глаза—бурмитскихъ два зерна,
Багряное перо.

Идетъ, не дрогнетъ подъ водой,—
Пора,—червякъ во рту!..
Увы, блестящей полосой
Юркнула въ темноту!

Но вотъ опять лукавый глазъ
Сверкнулъ невдалекѣ...
Постой, авось на этотъ разъ
Повиснешь на крючкѣ!

КУПАЛЬЩИЦА.

Игривый плескъ въ рѣкѣ меня остановилъ.
Сквозь вѣтви темныя узналъ я надъ водою
Ея веселый ликъ: онъ двигался, онъ плылъ,—
Я голову призналъ съ тяжелою косою.

Узналъ я и нарядъ, взглянувъ на бѣлый хрящъ,
И превратился весь въ смущенье и тревогу,
Когда красавица, прорвавъ кристальный плащъ,
Вдавила въ гладь песка младенческую ногу.

Она предстала мнѣ на мигъ во всей красѣ,
Вся дрожью легкою объята и пугливой.
Такъ пышутъ холодомъ на утренней росѣ
Упругіе листы у лиліи стыдливой.

Чтò за вечеръ! А ручей
        Такъ и рвется...
Какъ зарей-то соловей
        Раздается!

Мѣсяцъ свѣтомъ съ высоты
        Обдалъ нивы,
А въ оврагѣ блескъ воды,
        Тѣнь, да ивы.

Знать, давно въ плотинѣ течь,
        Доски гнилы,—
А нельзя здѣсь не прилечь
        На перилы.

Такъ-то все весной живетъ!
        Въ рощѣ, въ полѣ—
Все трепещетъ и поетъ
        Поневолѣ.

Мы замолкнемъ,—чтò въ кустахъ
        Хоры эти,—
Придутъ съ пѣснью на устахъ
        Наши дѣти,—

А не дѣти, такъ придутъ
        Съ пѣснью внуки:
Къ нимъ съ весною низойдутъ
        Тѣ же звуки.

НА РАСПУТЬѢ.

Въ вечеръ такой золотистый и ясный,
Въ этомъ дыханьи весны всепобѣдной,
Не поминай мнѣ, о, другъ мой прекрасный,
Ты о любви нашей, робкой и бѣдной!

Дышитъ земля всѣмъ своимъ ароматомъ.
Небу—разверстая—только вздыхаетъ;
Самое небо съ нетлѣющимъ закатомъ
Въ тихомъ заливѣ себя повторяетъ...

Чтò же тутъ мы, или счастіе наше?
Какъ и помыслить о немъ не стыдиться?
Въ блескѣ, какого нѣтъ шире и краше,
Нужно безумствовать—или смириться!

О, этотъ сельскій день и блескъ его красивый
Въ безмолвіи я чту.
Не допустить до насъ мой ищетъ глазъ ревнивый
Безумную мечту.

Лелѣяла бъ душа въ успокоеньи томномъ
Невѣдомую даль,—
Но такъ нескромно все въ уединеньи скромномъ,
Что стыдно мнѣ и жаль.

Пойдемъ ли по полю мы, чуждые тревоги,
И радуетъ ходьба,—
Ужъ кланяются намъ обоимъ вдоль дороги
Чужіе всѣ хлѣба.

Идемъ ли подъ вечеръ, избѣгнувши селеній,
Гдѣ все стоитъ въ пыли,
По солнцу движемся,—гляжу, а наши тѣни
За ровъ и въ лѣсъ ушли.

Вотъ ночь со всѣмъ уже, что мучило недавно,
Перерываетъ связь,—
А звѣзды, съ высоты глядя на насъ, такъ явно
Мигаютъ, не стыдясь.

О, какъ волнуюся я мыслію больною,
Что въ мигъ, когда закатъ такъ дѣвственно-хорошъ,
Здѣсь на балконѣ ты, лицомъ передъ зарею,
Восторга моего, быть-можетъ, не поймешь!

Внизу померкшій садъ уснулъ,—лишь тополь дальный
Все грезитъ въ вышинѣ и ставитъ листъ ребромъ,
И зыблетъ, уловя денницы блескъ прощальный,
И чистымъ золотомъ и мелкимъ серебромъ,—

И вѣрить хочется, что все, что̀ такъ прекрасно,
Такъ тихо властвуетъ въ прозрачный этотъ мигъ,
По небу и душѣ проходитъ не напрасно,
Какъ оправданіе стремленій роковыхъ.

12 авг. 1891.

Молчали листья, звѣзды рдѣли—
И въ этотъ часъ
Съ тобой на звѣзды мы глядѣли,
Онѣ—на насъ.

Когда все небо такъ глядится
Въ живую грудь,
Какъ въ этой груди затаится
Хоть что-нибудь?

Все, что̀ хранитъ и будитъ силу
Во всемъ живомъ,
Все, что̀ уносится въ могилу
Отъ всѣхъ тайкомъ,

Что̀ чище звѣздъ, пугливѣй ночи,
Страшнѣе тьмы,
Тогда, взглянувъ другъ другу въ очи,
Сказали мы.

17 ноября 1859.

Мелодія.

Мѣсяцъ зеркальный плыветъ по лазурной пустынѣ.
Травы степныя унизаны влагой вечерней.
Рѣчи отрывистѣй, сердце опять суевѣрнѣй..
Длинныя тѣни вдали потонули въ ложбинѣ.

Въ этой ночи, какъ въ желаніяхъ, все безпредѣльно!
Крылья растутъ у какихъ-то воздушныхъ стремленій,—
Взялъ бы тебя и помчался бы также безцѣльно,
Свѣтъ унося, покидая невѣрныя тѣни!

Можно ли, другъ мой, томиться въ тяжелой кручинѣ?
Какъ не забыть, хоть на время, язвительныхъ терній?
Травы степныя сверкаютъ росою вечерней,
Мѣсяцъ зеркальный бѣжитъ по лазурной пустынѣ...

Какъ эта ночь, ты радостно-свѣтла,
Подобно ей къ мечтамъ ты призываешь
И, какъ луна, что тамъ, вдали, взошла,
Все кроткое душѣ напоминаешь.

Она живетъ въ минувшемъ, не скорбя,
И весело къ грядущему стремится.
Взгляну ли въ даль, взгляну ли на тебя,—
И въ сердцѣ свѣтъ какой-то загорится.

Какъ нѣжишь ты, серебряная ночь,
Въ душѣ расцвѣтъ нѣмой и тайной силы!..
О, окрыли—и дай мнѣ превозмочь
Весь этотъ тлѣнъ, бездушный и унылый!

Какая ночь! Алмазная роса
Живымъ огнемъ съ огнями неба въ спорѣ,
Какъ океанъ, разверзлись небеса,
И спитъ земля—и теплится, какъ море...

Мой духъ, о, ночь, какъ падшій серафимъ
Призналъ родство съ нетлѣнной жизнью звѣздной
И, окрыленъ дыханіемъ твоимъ,
Готовъ летѣть надъ этой тайной бездной.

Ночь лазурная смотритъ на скошенный лугъ,
Запахъ розъ подъ балкономъ и сѣна вокругъ,
Но—за то ль, что отрады не жду впереди,—
Благодарности нѣтъ въ истомленной груди:

Все далекій, давнишній мнѣ чудится садъ...
Тамъ и звѣзды крупнѣй, и сильнѣй ароматъ,
И ночныхъ благовоній живая волна
Тамъ доходитъ до сердца, истомы полна...

Точно въ нѣжномъ дыханьи травы и цвѣтовъ
Съ ароматомъ знакомый доносится зовъ,
И какъ будто вотъ-вотъ кто-то милый опять
О восторгѣ свиданья готовъ прошептать...

12 іюня 1892.

ВЪ ЛУННОМЪ СІЯНІИ.

Выйдемъ съ тобой побродить
  Въ лунномъ сіяніи:
Долго ли душу томить
  Въ темномъ молчаніи!

Прудъ—какъ блестящая сталь;
  Травы—въ рыданіи;
Мельница, рѣчка и даль—
  Въ лунномъ сіяніи...

Можно ль тужить и не жить
  Намъ въ обаяніи?
Выйдемъ тихонько бродить
  Въ лунномъ сіяніи!

НА РАЗСВѢТѢ.

Плавно у ночи съ чела
Мягкая падаетъ мгла.

Съ поля широкаго тѣнь
Жмется подъ ближнюю сѣнь.

Жаждою свѣта горя,
Выйти стыдится заря.

Холодно, ясно, бѣло,
Дрогнуло птицы крыло.

Солнца еще не видать,
А на душѣ—благодать.

1 апр. 1886.

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ,
Разсказать, что солнце встало,
Что оно горячимъ свѣтомъ
По листамъ затрепетало;

Разсказать, что лѣсъ проснулся,
Весь проснулся, вѣткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полонъ жаждой;

Разсказать, что съ той же страстью,
Какъ вчера, пришелъ я снова,
Что душа все такъ же счастью
И тебѣ служить готова;

Разсказать, что отовсюду
На меня весельемъ вѣетъ,
Что не знаю самъ, что̀ буду
Пѣть,—но только пѣсня зрѣетъ!

Еще акація одна
Съ цвѣтами вѣтви опускала,
И надъ бесѣдкою весна
Душистыхъ сводовъ не скругляла.

Дышалъ горячій вѣтерокъ,
Въ тѣни сидѣли мы другъ съ другомъ,
И передъ нами на песокъ
День золотымъ ложился кругомъ.

Жужжалъ пчелами каждый кустъ,
Надъ сердцемъ счастье тяготѣло...
Я трепеталъ, чтобъ съ робкихъ устъ
Твое признанье не слетѣло...

Вдали сливалось пѣнье птицъ,
Весна надъ степью проносилась,
И на концахъ твоихъ рѣсницъ
Слеза нескромная свѣтилась...

Я говорить хотѣлъ—и вдругъ,
Нежданнымъ шорохомъ пугая,
Къ твоимъ ногамъ на ясный кругъ
Спорхнула птичка полевая.

Съ какой мы робостью любви
Свое дыханье затаили!
Казалось мнѣ,—глаза твои
Не улетать ее молили:

Сказать «прости» чему ни будь
Душѣ казалося утратой,
И, собираясь упорхнуть,
Глядѣлъ на насъ нашъ гость крылатый.

Я былъ опять въ саду твоемъ.
И увела меня аллея
Туда, гдѣ мы весной вдвоемъ
Бродили, говорить не смѣя.

Какъ сердце робкое влекло
Излить надежду, страхъ и пени,—
А юный листъ тогда на зло
Намъ посылалъ такъ мало тѣни...

Теперь и тѣнь въ саду темна,
И травъ сильнѣй благоуханье,—
Зато какая тишина,
Какое томное молчанье!

Одинъ зарею соловей,
Таясь во мракѣ, робко свищетъ,
И подъ навѣсами вѣтвей
Напрасно взоръ кого-то ищетъ.

Надъ озеромъ лебедь въ тростникъ протянулъ.
Въ водѣ опрокинулся лѣсъ.
Зубцами вершинъ онъ въ зарѣ потонулъ,
Межъ двухъ изгибаясь небесъ.

И воздухомъ чистымъ усталая грудь
Дышала отрадно. Легли
Вечернія тѣни. Вечерній мой путь
Краснѣлъ межъ деревьевъ вдали.

А мы,—мы на лодкѣ сидѣли вдвоемъ.
Я смѣло налегъ на весло,
Ты молча покорнымъ владѣла рулемъ,—
Насъ въ лодкѣ, какъ въ люлькѣ, несло -

И дѣтская челнъ направляла рука
Туда, гдѣ, блестя чешуей,
Вдоль соннаго озера быстро рѣка
Бѣжала, какъ змѣй золотой.

Ужъ начали звѣзды мелькать въ небесахъ,—
Не помню, какъ бросилъ весло,
Не помню, что пестрый нашептывалъ флагъ,
Куда насъ потокомъ несло!..

ЗНАКОМКѢ СЪ ЮГА.

На сѣверъ грустный съ пламеннаго юга
Прекрасныхъ дней прекрасная подруга,
Ты мнѣ привѣтъ отрадный принесла,
Но холодомъ полночнымъ все убило,
Что сердце тамъ такъ искренно любило
И чѣмъ душа такъ радостно цвѣла.

О, какъ бы я на милый зовъ отвѣтилъ
Тамъ, гдѣ луны встающій дискъ такъ свѣтелъ,
Гдѣ солнца блескъ живителенъ и жгучъ,
Гдѣ дышитъ ночь невыразимой тайной,
И теплятся надъ спящею Украйной
Въ лучахъ лазурныхъ звѣзды изъ-за тучъ,

И грезитъ прудъ, и дремлетъ тополь сонный,
Вдоль тучъ скользя вершиной заостренной,
Гдѣ воздухъ, свѣтъ и думы—заодно.
И грудь дрожитъ отъ страсти неминучей,
И вѣткою все просится пахучей
Акація въ раскрытое окно!

МОРСКОЙ БЕРЕГЪ.

Какъ хорошъ чуть мерцающимъ утромъ,
Амфитрита, твой влажный вѣнокъ,
Какъ огнемъ и сквознымъ перламутромъ
Убираетъ Аврора востокъ!

Далеко на песокъ отодвинутъ
Травъ морскихъ безконечный извивъ.
Сводъ небесный, въ водѣ опрокинутъ,
Испещряетъ румянцемъ заливъ.

Островъ выросъ надъ тѣнью зеленой.
Ни движенья, ни звука въ тиши —
И, погнувшись надъ влагой соленой,
Въ крупныхъ капляхъ стоятъ камыши.

Морская даль во мглѣ туманной,
Тамъ парусъ тонетъ, какъ въ дыму,
А волны въ злобѣ постоянной
Бѣгутъ къ прибрежью моему.

Изъ нихъ одной, избранной мною,
Навстрѣчу пристально гляжу
И за грядой ея крутою
До камня влажнаго слѣжу.

Къ ней чайка плавная спустилась, –
Не дрогнетъ острое крыло...
Но вотъ громада докатилась,
Тяжеловѣсна, какъ стекло,

Плеснула въ каменную стѣну,
Вотъ звонко грянетъ на плиту. —
А ужъ подкинутую пѣну
Разбрызнулъ вѣтеръ на лету.

ПРИБОЙ.

Утесы, зной и сонъ въ пустынѣ,
Песокъ да звонкій хрящъ кругомъ,
И вдалекѣ земной твердынѣ
Морскія волны бьютъ челомъ.

На той чертѣ уже безвредный,
Не докатясь до красныхъ скалъ,
Въ послѣдній разъ зелено-мѣдный
Сверкаетъ Средиземный валъ

И, забывая вѣкъ свой бурный,
По пестрой отмели бѣжитъ,
И преломленный, и лазурный, —
Но вотъ преграда,—онъ кипитъ, —

Жемчужной пѣною украшенъ,
Встаетъ на битву со скалой
И, умирающій, все страшенъ
Всей перейденной глубиной.

ПРИМѢТЫ.

И тихо и свѣтло. До сумерокъ далеко.
Какъ въ дымкѣ голубой и небо и вода, —
Лишь облаковъ густыхъ съ заката до востока
Лѣниво тянется лиловая гряда.

Да, тихо и свѣтло: но ухомъ напряженнымъ
Смятенья и тоски ты крики разгадалъ:
То чайки скликались надъ моремъ усыпленнымъ
И, въ воздухѣ кружась, летятъ къ навѣсамъ скалъ.

Ночь будетъ страшная, и буря будетъ злая;
Сольются въ мракъ и гулъ и небо, и земля,
А завтра, можетъ-быть, вотъ здѣсь волна сѣдая
На берегъ выброситъ обломки корабля.

Барашковъ буря шлетъ своихъ,
  Барашковъ бѣлыхъ въ море.
Рядами вѣтеръ гонитъ ихъ
  И хлещетъ на просторѣ.

Малютка, хоть твоя бъ одна
  Ладья спастись успѣла,
Пока всей хляби глубина,
  Чернѣя, не вскипѣла!

Какъ жаль тебя!—Но объ одномъ
  Подумать такъ обидно,
Что вотъ, за мглою и дождемъ,
  Тебя не станетъ видно.

26 авг. 1892.

БУРЯ.

Свѣжѣетъ вѣтеръ, меркнетъ ночь,
А море злѣй и злѣй бурлитъ,
И пѣна плещетъ на гранитъ, —
То прянетъ, то отхлынетъ прочь.

Все раздражительнѣй бурунъ.
Его шипучая волна
Такъ тяжела и такъ плотна,
Какъ будто въ берегъ бьетъ чугунъ.

Какъ будто богъ морской сейчасъ,
Всесиленъ и неумолимъ,
Трезубцемъ пригрозя своимъ,
Готовъ воскликнуть: «Вотъ я васъ!»

ПОСЛѢ БУРИ.

Пронеслась гроза сѣдая,
Разлетѣвшись по лазури, —
Только дышитъ зыбь морская,
Не опомнится отъ бури.

Спитъ, качаясь, челнъ убогій,
Какъ больной отъ страшной мысли, —
Лишь забытыя тревогой
Складки паруса обвисли.

Освѣженный лѣсъ прибрежный,
Весь въ росѣ, не шелохнется;
Часъ спасенья, яркій, нѣжный,
Словно плачетъ и смѣется.

ВОЛНА.

Вчера разстались мы съ тобой.
Я былъ растерзанъ. Подо мной
Морская бездна бушевала.
Волна кипѣла за волной
И съ грохотомъ, о берегъ мой
Разбившись въ брызги, убѣгала.

И новыя росли во мглѣ,
Росли и къ небу и къ землѣ
Какимъ-то бѣшенымъ упрекомъ;
Размыть уступы острыхъ плитъ
И вѣчный раздробить гранитъ
Казалось вѣчнымъ имъ урокомъ.

А нынче—какъ моя душа
Волна свѣтла и, чуть дыша,
Легла у ногъ скалы отвѣсной,
И, въ лунный свѣтъ погружена,
Въ ней и земля отражена,
И задрожалъ весь хоръ небесный.

Растутъ, растутъ причудливыя тѣни,
    Въ одну сливаясь тѣнь.
Ужъ позлатилъ послѣднія ступени
    Перебѣжавшій день.

Что звало жить, что силы горячило, —
    Далеко за горой.
Какъ призракъ дня, ты, блѣдное свѣтило,
    Восходишь надъ землей —

И на тебя, какъ на воспоминанье,
    Я обращаю взоръ...
Смолкаетъ лѣсъ, блѣднѣй ручья сіянье,
    Потухли выси горъ, —

Лишь ты одно скользишь стезей лазурной,
    Недвижно все окрестъ,
Да сыплетъ ночь своей бездонной урной
    Къ намъ миріады звѣздъ...

Лѣтній вечеръ тихъ и ясенъ,—
Посмотри, какъ дремлютъ ивы!
Западъ неба блѣдно-красенъ,
И рѣки блестятъ извивы.

Отъ вершинъ скользя къ вершинамъ,
Вѣтръ ползетъ лѣсною высью.
Слышишь ржанье по долинамъ? —
То табунъ несется рысью.

Жди яснаго на завтра дня:
Стрижи мелькаютъ и звенятъ.
Пурпурной полосой огня
Прозрачный озаренъ закатъ.

Въ заливѣ дремлютъ корабли, —
Едва трепещутъ вымпела.
Далеко небеса ушли,
И къ нимъ морская даль ушла.

Такъ робко набѣгаетъ тѣнь,
Такъ тайно свѣтъ уходитъ прочь,
Что ты не скажешь: минулъ день,
Не говоришь: настала ночь.

ВЕЧЕРЪ.

Прозвучало надъ ясной рѣкою,
Прозвенѣло въ померкшемъ лугу,
Прокатилось надъ рощей нѣмою,
Засвѣтилось на томъ берегу.

Далеко въ полумракѣ луками
Убѣгаетъ на западъ рѣка.
Погорѣвъ золотыми каймами,
Разлетѣлись, какъ дымъ, облака.

На пригоркѣ то сыро, то жарко, —
Вздохи дня есть въ дыханьи ночномъ, —
Но зарница ужъ теплится ярко
Голубымъ и зеленымъ огнемъ.

ВЕЧЕРЪ У ВЗМОРЬЯ.

Засверкалъ огонь зарницы.
На гнѣздѣ умолкли птицы.

Тишина лѣса объемлетъ.
Не качаясь, колось дремлетъ.

День блѣднѣетъ понемногу.
Вышла жаба на дорогу.

Ночь свѣтлѣетъ и свѣтлѣетъ.
Подъ луною море млѣетъ.

Различишь прилежнымъ взглядомъ,
Какъ двѣ чайки сѣли рядомъ,

Тамъ, на взморьѣ плоскодонномъ,
Спятъ на камнѣ озаренномъ.

Ночь весенней нѣгой дышитъ,
Вѣтеръ взморья не колышетъ,
Весь заливъ блеститъ какъ сталь,
И надъ моремъ облаками,
Какъ ползущими горами,
Разукрасилася даль.

Долго будетъ, утомленный,
Спать съ Өетидой Фебъ влюбленный,
Но Аврора ужъ не спитъ
И, смутясь блаженствомъ бога,
Изъ подводнаго чертога
Съ яркимъ факеломъ бѣжитъ.

ВЕНЕЦІЯ НОЧЬЮ.

Всплески водъ сверкаютъ ярко,
Орошая мраморъ плитъ.
Дремлетъ левъ святого Марка,
И царица моря спитъ.

По каналамъ посребреннымъ
Опрокинулись дворцы,
И блестятъ весломъ безсоннымъ
Запоздалые гребцы.

Звѣздъ сіяютъ миріады.
Чутко въ воздухѣ ночномъ
Осребренныя громады
Вѣковымъ уснули сномъ.

На водахъ Гвадалквивира
Мѣсяцъ длинной полосой.
Отъ незримыхъ устъ зефира
Влага блещетъ чешуей.

Все уснуло.—лишь мгновенный
Меркнетъ лучь во тьмѣ окна,
Да гитарой отдаленной
Тишина потрясена,

Да звѣзда съ высотъ эѳира
Раскатилася дугой...
На водахъ Гвадалквивира
Мѣсяцъ длинной полосой...

МОРСКОЙ ЗАЛИВЪ.

Третью ужъ ночь вотъ на этомъ холмѣ за оврагомъ
Конь мой по звонкой дорогѣ пускается шагомъ.

Третью ужъ ночь, миновавъ эту старую иву,
Самъ я невольно лицомъ обращаюсь къ заливу.

Только вдали потухая за дымкою сизой,
Весь въ ширину онъ серебряной свѣтится ризой.

Спитъ онъ такъ тихо, что ухо, исполнясь вниманья,
Даже средь камней его не уловитъ дыханья.

Въ блескъ этотъ душу уноситъ волшебная сила...
Что̀ за слова мнѣ она въ эту ночь говорила!

Сколько въ веселыхъ рѣчахъ прозвучало привѣта!
Сколько въ нихъ сердце почуяло нѣги и свѣта!

Ахъ, что̀ за ночь! Тише, конь мой,—куда торопиться?
Радъ и сегодня я сномъ до зари не забыться!

Ночь. Не слышно городского шума.
Въ небесахъ звѣзда,—и отъ нея,
Будто искра, заронилась дума
Тайно въ сердце грустное мое.

И свѣтла, прозрачна дума эта,
Будто милыхъ взоровъ мѣткій взглядъ;
Глубь души полна родного свѣта,
И давнишней гостьѣ опыть радъ.

Тихо все, покойно, какъ и прежде,
Но рукой незримой снятъ покровъ
Темной грусти... Вѣрѣ и надеждѣ
Грудь раскрыла, можетъ-быть, любовь?

Что̀ жъ такое? Близкая утрата?
Или радость?—Нѣтъ, не объяснишь!—
Но что такъ пламенно, такъ свято,
Что за жизнь Творца благодаришь.

Я жду. Соловьиное эхо
Несется съ блестящей рѣки.
Трава при лунѣ въ брилліантахъ.
На тминѣ горятъ свѣтляки.

Я жду. Темно-синее небо
И въ мелкихъ и въ крупныхъ звѣздахъ
Я слышу біеніе сердца
И трепетъ въ рукахъ и ногахъ...

Я жду. Вотъ повѣяло съ юга.
Тепло мнѣ стоять и итти.
Звѣзда покатилась на западъ...
Прости, золотая,—прости!

Вдали огонекъ за рѣкою.
Вся въ блесткахъ струится рѣка.
На лодкѣ весло удалое,
На цѣпи не видно замка̀...

Никто мнѣ не скажетъ:—«Куда ты
Поѣхалъ, куда загадалъ?»
Шевелись же, весло, шевелися!..
А берегъ во мракѣ пропалъ...

Да что̀ же? Зачѣмъ бы не ѣхать?
Дождешься ль вечерней порой
Опять и желанья, и лодки,
Весла и огня за рѣкой?..

Какая ночь! Какъ воздухъ чистъ,
Какъ серебристый дремлетъ листъ,
Какъ тѣнь черна прибрежныхъ ивъ,
Какъ безмятежно спитъ заливъ,
Какъ не вздохнетъ нигдѣ волна,
Какъ тишиною грудь полна!..

Полночный свѣтъ, ты тотъ же день:
Бѣлѣй лишь блескъ, чернѣе тѣнь,
Лишь тоньше запахъ сочныхъ травъ,
Лишь умъ свѣтлѣй, мирнѣе нравъ,
Да вмѣсто страсти хочетъ грудь
Вотъ этимъ воздухомъ вздохнуть.

Благовонная ночь, благодатная ночь,
Раздраженье недужной души!
Все бы слушалъ тебя—и молчать мнѣ не въ мочь
Въ говорящей такъ ясно тиши.

Широко раскидалась лазурная высь,
И огни золотые горятъ:
Эти звѣзды кругомъ точно всѣ собрались,
Не мигая, смотрѣть въ этотъ садъ.

А ужъ мѣсяцъ, что всплылъ надъ зубцами аллей
И въ лицо прямо смотритъ,—онъ жгучъ!
Въ недалекой тѣни непроглядныхъ вѣтвей
И сверкаетъ и плещется ключъ.

И мѣняется звуковъ отдѣльный ударъ:
Такъ ласкательно шепчутъ струи,
Словно робкія струны воркуютъ гитаръ,
Напѣвая призывы любви,

Словно все и горитъ и звенитъ заодно,
Чтобъ мечтѣ невозможной помочь,—
Словно, дрогнувъ слегка, распахнется окно
Поглядѣть въ серебристую ночь...

28 апр. 1887.

Теплымъ вѣтромъ потянуло.
    Смолкъ далекій гулъ.
Поле тусклое уснуло,
    Гуртовщикъ уснулъ.

Въ загородкѣ улеглися
    И жують волы.
Звѣзды чистыя зажглися
    По навѣсу мглы.

Только выше все всплываетъ
    Мѣсяцъ золотой,
Только стадо обѣгаетъ
    Песъ сторожевой.

Рѣдко-рѣдко кочевая
    Тучка броситъ тѣнь.
Неподвижная, нѣмая,
    Ночь свѣтла, какъ день.

Чтò за ночь! Прозрачный воздухъ скованъ,
Надъ землей клубится ароматъ...
О, теперь я счастливъ, я взволнованъ!
О, теперь я высказаться радъ!

Помнишь часъ послѣдняго свиданья?
Безотраденъ сумракъ ночи былъ...
Ты ждала, ты жаждала признанья,—
Я молчалъ: тебя я не любилъ.

Холодѣла кровь, и сердце ныло,—
Такъ тяжка была твоя печаль;
Горько мнѣ за насъ обоихъ было
И сказать мнѣ правду было жаль.

Но теперь, когда дрожу, и млѣю,
И, какъ рабъ, твой каждый взоръ ловлю,—
Я не лгу, назвавъ тебя своею
И клянясь, что я тебя люблю!

Отъ огней, отъ толпы безпощадной
Незамѣтно бѣжали мы прочь:
Лишь вдвоемъ мы въ тѣни здѣсь прохладной
Третья съ нами—лазурная ночь.

Сердце робкое бьется тревожно,
Жаждетъ счастье и дать и хранить...
Отъ людей утаиться возможно,
Но отъ звѣздъ ничего не сокрыть —

И, безмолвна, кротка, серебриста,
Эта полночь за дымкой сквозной
Видитъ только, чтò вѣчно и чисто,
Чтò навѣяно ею самой.

8 февр. 1889.

Въ темнотѣ на треножникѣ яркомъ
Мать варила черешни вдали.
Мы съ тобой отворили калитку
И по темной аллеѣ пошли.

Шли мы розно. Прохлада ночная
Широкò между нами плыла.
Я боялся, чтобъ въ помыслѣ смѣломъ
Ты меня упрекнуть не могла.

Какъ-то странно мы оба молчали
И страннѣй сторонилися прочь...
Говорила за насъ и дышала
Намъ въ лицо благовонная ночь.

Шопотъ. Робкое дыханье.
Трели соловья.
Серебро и колыханье
Соннаго ручья.

Свѣтъ ночной. Ночныя тѣни,—
Тѣни безъ конца.
Рядъ волшебныхъ измѣненій
Милаго лица.

Въ дымныхъ тучкахъ пурпуръ розы,
Отблескъ янтаря,
И лобзанія, и слезы,—
И заря, заря!..

Ты видишь,—за спиной косцовъ
Сверкнули косы блескомъ чистымъ,
И поздній паръ отъ ихъ котловъ
Упитанъ ужиномъ душистымъ.

Лиловымъ дымомъ даль поя,
Въ сіяньи тонетъ дня свѣтило
И набѣжавшихъ тучъ края
Стекломъ горючимъ окаймило.

Уже, подрѣзанъ, каждый рядъ
Цвѣтовъ лежитъ пахучей цѣпью.
Какая тѣнь и ароматъ
Плывутъ надъ меркнущею степью!

Въ душѣ смиренной уясни
Дыханье ночи непорочной
И до огней зари восточной
Подъ звѣзднымъ пологомъ усни!

На стогѣ сѣна ночью южной
Лицомъ ко тверди я лежалъ,
И хоръ свѣтилъ, живой и дружный,
Кругомъ раскинувшись, дрожалъ.

Земля, какъ смутный сонъ нѣмая,
Безвѣстно уносилась прочь,
И я, какъ первый житель рая,
Одинъ въ лицо увидѣлъ ночь.

Я ль несся къ безднѣ полунощной,
Иль сонмы звѣздъ ко мнѣ неслись?
Казалось, будто въ длани мощной
Надъ этой бездной я повисъ,

И съ замираньемъ и смятеньемъ
Я взоромъ мѣрилъ глубину,
Въ которой съ каждымъ я мгновеньемъ
Все невозвратнѣе тону.

ЗВѢЗДЫ.

Отчего всѣ звѣзды стали
Неподвижною чредой
И, любуясь другъ на друга,
Не летятъ одна къ другой?

Искра къ искрѣ бороздою
Пронесется иногда,
Но ужъ знай, ей жить не долго:
То—падучая звѣзда.

Я долго стоялъ неподвижно,
Въ далекія звѣзды вглядясь.
Межъ тѣми звѣздами и мною
Какая-то связь родилась.

Я думалъ... Не помню, что думалъ:
Я слушалъ таинственный хоръ,
И звѣзды тихонько дрожали,—
И звѣзды люблю я съ тѣхъ поръ.

СРЕДИ ЗВѢЗДЪ.

Пусть мчитесь вы, какъ я, покорны мигу,
Рабы, какъ я—мнѣ прирожденныхъ, числъ,—
Но, лишь взгляну на огненную книгу,
Не численный я въ ней читаю смыслъ.

Въ вѣнцахъ, лучахъ, алмазахъ, какъ калифы,
Излишнія средь жалкихъ нуждъ земныхъ,—
Незыблемой мечты іероглифы,
Вы говорите: «Вѣчность—мы, ты—мигъ

Намъ нѣтъ числа. Напрасно мыслью жадной
Ты думы вѣчной догоняешь тѣнь:
Мы здѣсь горимъ, чтобъ въ сумракъ непроглядный
Къ тебѣ просился беззакатный день.

Вотъ почему, когда дышать такъ трудно,
Тебѣ отрадно такъ поднять чело
Съ лица земли, гдѣ все темно и скудно,
Къ намъ, въ нашу глубь, гдѣ пышно и свѣтло».

— — —

Молятся звѣзды, мерцаютъ и рдѣютъ,
Молится мѣсяцъ, плывя по лазури,—
Легкія тучки, свиваясь, не смѣютъ
Съ темной земли къ нимъ притягивать бури.

Видны имъ наши томленья и горе,
Видны страстей неподсильныя битвы,—
Слезы въ алмазномъ трепещутъ ихъ взорѣ,—
Все же безмолвно горятъ ихъ молитвы.

МОРЕ И ЗВѢЗДЫ.

На море ночное мы оба глядѣли.
Подъ нами скала обрывалася бездной,
Вдали затихавшія волны бѣлѣли,
А съ неба отсталыя тучки летѣли,
И ночь красотой одѣвалася звѣздной.

Любуясь раздольемъ движенья двойного,
Мечта позабыла мертвящую сушу:
И съ моря ночного, и съ неба ночного,
Какъ будто изъ дальняго края родного,
Цѣлебною силою вѣяло въ душу.

Всю злобу земную, гнетущую, вскорѣ,
По-своему каждый, мы оба забыли,—
Какъ будто меня убаюкало море,
Какъ будто твое утолилося горе,
Какъ будто бы звѣзды тебя побѣдили.

Качаяся, звѣзды мигали лучами
На темныхъ зыбяхъ Средиземнаго моря,
А мы любовались съ тобою огнями,
Чтò мчались подъ нами, съ небесными споря.

Въ какомъ-то забвеньи нѣмомъ и цѣлебномъ
Смотрѣлъ я въ тотъ блескъ, отдаваяся нѣгѣ.
Казалось, рулемъ управляя волшебнымъ,
Глубоко ты грудь мнѣ взрѣзаешь въ побѣгѣ,

И тамъ, въ глубинѣ, молодая царица,
Бѣгутъ предъ тобой свѣтоносныя пятна,
И этихъ несмѣтныхъ огней вереница
Одной лишь тебѣ и видна и понятна.

17 февр. 1891.

Одна звѣзда межъ всѣми дышитъ
И такъ дрожитъ,
Одна лучомъ алмазнымъ пышетъ
И говоритъ:

— «Не суждено съ тобой намъ дружно
Носить оковъ,
Не ищемъ мы—и намъ не нужно —
Ни клятвъ ни словъ».

Не намъ восторги и печали,
Любовь моя,
Но мы во взорахъ разгадали,
Кто ты, кто я.

Чѣмъ мы горимъ, свѣтить готово
Во тьмѣ ночей,—
И счастья ищемъ мы земного
Не у людей.

Съ какой я нѣгою желанья
Одной звѣзды искалъ въ ночи!
Какъ я любилъ ея мерцанья,
Ея алмазные лучи!

Хоть на зарѣ, хотя мгновенно
Средь набѣжавшихъ тучъ видна,
Она такъ ясно. такъ нетлѣнно
На небѣ теплилась одна.

Любовь, участіе, забота
Моимъ очамъ дрожали въ ней
Въ степи, съ рѣчного поворота,
Съ ночного зеркала морей.

Но столько думы молчаливой
Не шлетъ мнѣ лучъ ея нигдѣ,
Какъ у корней плакучей ивы,
Въ твоемъ саду, въ твоемъ прудѣ.

Сегодня всѣ звѣзды такъ пышно
Огнемъ голубымъ разгорались,
А ты промелькнула неслышно,
И взоры твои преклонялись...

Зачѣмъ же такъ сердце нестройно
И робко въ груди застучало?
Зачѣмъ подъ прохладой такъ знойно
Въ лицо мнѣ заря задышала?

Всю ночь прогляжу на мерцанье,
Что̀ свѣтитъ и мощно и нѣжно,
И яркое это молчанье
Разгадывать стану прилежно.

27 окт. 1888.

По вѣтви нижнія лѣса
Въ зеленой потонули ржи.
Семьею новой въ небеса
Ныряютъ рѣзвые стрижи.

Сильнѣй и слаще съ каждымъ днемъ
Несется запахъ медовой
Вдоль нивъ, лоснящихся кругомъ
Свѣтло-зеленою волной.

И нѣгой истомленныхъ птицъ
Смолкаютъ пѣсни по кустамъ,
И всеобъемлющихъ зарницъ
Мелькаютъ лики по ночамъ.

Зрѣетъ рожь надъ жаркой нивой,
И отъ нивы и до нивы
Гонитъ вѣтеръ прихотливый
Золотые переливы.

Робко мѣсяцъ смотритъ въ очи,
Изумленъ, что день не минулъ,
Но широко въ область ночи
День объятія раскинулъ.

Надъ безбрежной жатвой хлѣба
Межъ заката и востока
Лишь на мигъ смежаетъ небо
Огнедышащее око.

- — - —

Вотъ и лѣтніе дни убавляются,—
Гдѣ же лѣта лучи золотые?
Только сѣрыя брови сдвигаются,
Только зыблются кудри сѣдые...

Нынче утромъ, судьбиною горькою
Истомленный, вздохнулъ я немножко:
Рано-рано румяною зорькою
На мгновенье зардѣлось окошко;

Но опять это небо ненастное
Безотрадно нависло надъ нами...
Знать, опять, мое солнышко красное,
Залилось ты, вставая, слезами!

ДОЖДЛИВОЕ ЛѢТО.

Ни тучки нѣтъ на небосклонѣ,
Но крикъ пѣтушій—бури вѣсть,
И въ дальнемъ колокольномъ звонѣ
Какъ будто слезы неба есть.

Покрыты слегшими травами,
Не зыблютъ колоса поля,
И, пресыщенная дождями,
Не вѣритъ солнышку земля.

Подъ кровлей влажной и раскрытой
Печально праздное житье.
Серпа съ косой, давно отбитой,
Въ углу тускнѣетъ лезвее.

ОСЕНЬЮ.

Когда сквозная паутина
Разноситъ нити ясныхъ дней,
И подъ окномъ у селянина
Далёкій благовѣстъ слышнѣй,

Мы не грустимъ, пугаясь снова
Дыханья близкаго зимы,
А голосъ лѣта прожитого
Яснѣе понимаемъ мы.

Опять осенній блескъ денницы
Дрожитъ обманчивымъ огнемъ,
И уговоръ заводятъ птицы
Умчаться стаей за тепломъ.

И болью сладостно-суровой
Такъ радо сердце вновь заныть—
И въ ночь краснѣетъ листъ кленовый,
Что, жизнь любя, не въ силахъ жить.

7 сент. 1891.

ОСЕНЬ.

Какъ грустны сумрачные дни
Беззвучной осени и хладной!
Какой истомой безотрадной
Къ намъ въ душу просятся они!

Но есть и дни, когда въ крови
Золотолиственныхъ уборовъ
Горящихъ осень ищетъ взоровъ
И знойныхъ прихотей любви;

Молчитъ стыдливая печаль,
Лишь вызывающее слышно,
И, замирающей такъ пышно,
Ей ничего уже не жаль.

ХАНДРА.

I.

Непогода. Осень. Куришь,
Куришь,—все какъ будто мало...
Хоть читалъ бы,—только чтенье
Подвигается такъ вяло.

Сѣрый день ползетъ лѣниво,
И болтаютъ нестерпимо
На стѣнѣ часы стѣнные
Языкомъ неутомимо.

Сердце стынетъ понемногу,
И у жаркаго камина
Лѣзетъ въ голову больную
Все такая чертовщина!

Надъ дымящимся стаканомъ
Остывающаго чаю,
Слава Богу, понемногу,
Будто вечеръ, засыпаю...

Но болѣзненно-тревожна
Принужденная дремота,—
Точно въ комнатѣ сосѣдней
Учатъ азбукѣ кого-то,

Или—кто ихъ знаетъ!—гдѣ-то,
Въ кабинетѣ или въ залѣ,
Съ пискомъ, визгомъ, пляшутъ крысы
Въ худо запертомъ роялѣ.

II.

Не ворчи, мой котъ-мурлыка,
Въ неподвижномъ полуснѣ:
Безъ тебя темно и дико
Въ нашей сторонѣ,

Безъ тебя все та же печка,
Тѣ же окна, какъ вчера,
Тѣ же двери, та же свѣчка
И опять хандра...

У сосѣда ненарокомъ
Я сказалъ ей слова три
О прекрасномъ, о высокомъ...
Скука—хоть умри!

Неотвязчивая вьюга
Разыгралася въ трубѣ...
Отъ двоякаго недуга
Такъ не по себѣ...

Не ворчи же, котъ-мурлыка,
Въ неподвижномъ полуснѣ:
Безъ тебя темно и дико
Въ нашей сторонѣ.

III.

Другъ мой, я сегодня боленъ,—
Знать, повѣтріе такое:
Право, я въ себѣ не воленъ,
Не найдусь никакъ въ покоѣ.

Не ошибся я въ надеждѣ:
Ты умна и молчалива,
Ты все та же, что̀ и прежде,—
И добра и горделива.

На дворѣ у насъ ненастье,
На дворѣ гулять опасно,—
Дай мнѣ руку, дай на счастье!..
У тебя тепло и ясно...

Ахъ, давно ли у тебя я,
Такъ безпечно, такъ лѣниво,
Все на свѣтѣ забывая,
Былъ покоренъ молчаливо?

А теперь—зачѣмъ въ углу томъ,
За широкою гардиной,
Вонъ—вонъ тотъ, что̀ смотритъ плутомъ,
Съ черной мордою козлиной?

Не могу не ненавидѣть,
Этихъ глазъ въ досадной рожѣ!
Право,—скучно, грустно видѣть
Каждый день одно и то же!

Понимаю эти ласки,
Взоръ печали безпредѣльной!..
Нѣтъ ли, другъ мой, нѣтъ ли сказки
Или пѣсни колыбельной,

Чтобы пѣснію смягчалось
То, что̀ въ сказкѣ растревожитъ,
Чтобы сердце хоть пугалось,
Коль любить оно не можетъ?

ОСЕНЬ.

Ласточки пропали,
А вчера зарей
Все грачи летали
Да какъ сѣть мелькали
Вонъ надъ той горой.

Съ вечера все спится,
На дворѣ темно,
Листъ сухой валится,
Ночью вѣтеръ злится
Да стучитъ въ окно...

Лучше бъ снѣгъ да вьюгу
Встрѣтить грудью радъ!
Словно какъ съ испугу
Раскричавшись, къ югу
Журавли летятъ...

Выйдешь,—поневолѣ
Тяжело—хоть плачь!
Смотришь,—черезъ поле
Перекати-поле
Прыгаетъ, какъ мячъ..

Устало все кругомъ: усталъ и цвѣтъ небесъ,
И вѣтеръ, и рѣка, и мѣсяцъ, что̀ родился,
И ночь, и въ зелени потусклой спящій лѣсъ,
И желтый тотъ листокъ, что̀ наконецъ свалился,—

Лепечетъ лишь фонтанъ средь дальней темноты,
О жизни говоря незримой, но знакомой...
О, ночь осенняя, какъ всемогуща ты
Отказомъ отъ борьбы и смертною истомой!

24 авг. 1880.

Ты помнишь, что̀ было тогда,
Какъ всюду ручьи бушевали,
И птицъ косяками стада
На сѣверъ, свистя, пролетали,

И видѣли мы средь вѣтвей,
Еще не укрытыхъ листами,
Какъ, глазки закрывъ, соловей
Блаженствовалъ въ пѣснѣ надъ нами?

Къ себѣ зазывала любовь
И блескомъ и страстью пахучей,
Не только весельемъ дубовъ,
Но счастьемъ и ивы плакучей...

Взгляни же вокругъ ты теперь:
Все грустно молчитъ, умирая,
И настежь раскинута дверь
Изъ прежняго свѣтлаго рая,

И новыхъ привѣтливыхъ звѣздъ
И новой любовной денницы,
Трудами измучены гнѣздъ,
Взалкали усталыя птицы.

Не можетъ ничто устоять
Предъ этой тоской неизбѣжной,
И скоро пустынную гладь
Одѣнетъ покровъ бѣлоснѣжный.

6 сент. 1885.

Еще вчера, на солнцѣ млѣя,
Послѣднимъ лѣсъ дрожалъ листомъ,
И озимь, пышно зеленѣя,
Лежала бархатнымъ ковромъ.

Глядя надменно, какъ бывало,
На жертвы холода и сна,
Себѣ ни въ чемъ не измѣняла
Непобѣдимая сосна.

Сегодня—вдругъ исчезло лѣто:
Бѣло, безжизненно кругомъ,
Земля и небо—все одѣто
Какимъ-то тусклымъ серебромъ,

Поля безъ стадъ, лѣса унылы,
Ни скудныхъ листьевъ, ни травы,—
Не узнаю растущей силы
Въ алмазныхъ призракахъ листвы,—

Какъ будто въ сизомъ клубѣ дыма
Изъ царства злаковъ волей фей
Перенеслись непостижимо
Мы въ царство горныхъ хрусталей.

Вотъ утро сѣвера, сонливое, скупое,
Лѣниво смотрится въ окно волоковое.
Въ печи трещитъ огонь, и сѣрый дымъ ковромъ
Тихонько стелется надъ кровлею съ конькомъ.
Пѣтухъ заботливый, копаясь на дорогѣ,
Кричитъ, а дѣдушка брадатый на порогѣ
Кряхтитъ и крестится, схватившись за кольцо,
И хлопья бѣлыя летятъ ему въ лицо.
И полдень настаетъ. Но, Боже, какъ люблю я,
Какъ тройкою ямщикъ кибитку удалую
Промчитъ—и скроется—и долго, мнится мнѣ
Звукъ колокольчика трепещетъ въ тишинѣ.

На пажитяхъ нѣмыхъ люблю въ морозъ трескучій
При свѣтѣ солнечномъ я снѣга блескъ колючій,
Лѣса подъ шапками иль въ инеѣ сѣдомъ,
Да рѣчку звонкую подъ темно-синимъ льдомъ.
Какъ любятъ находить задумчивые взоры
Засѣянные рвы, навѣянныя горы,
Былинки сонныя среди нагихъ полей,
Гдѣ холмъ причудливый, какъ нѣкій мавзолей,
Изваянъ полночью, иль тучи вихрей дальныхъ
На бѣлыхъ берегахъ и полыньяхъ зеркальныхъ!

Печальная береза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она.

Какъ гроздья винограда,
Вѣтвей концы висятъ,
И радостенъ для взгляда
Весь траурный нарядъ.

Люблю игру денницы
Я замѣчать на ней,
И жаль мнѣ, если птицы
Стряхнутъ красу вѣтвей.

Чудная картина,
Какъ ты мнѣ родна!
Бѣлая равнина,
Полная луна,

Свѣтъ небесъ высокихъ
И блестящій снѣгъ,
И саней далекихъ
Одинокій бѣгъ.

Скрипъ шаговъ вдоль улицъ бѣлыхъ,
Огоньки вдали.
На стѣнахъ оледянѣлыхъ
Блещутъ хрустали.

Отъ рѣсницъ нависнулъ въ очи
Серебристый пухъ.
Тишина холодной ночи
Занимаетъ духъ.

Вѣтеръ спитъ, и все нѣмѣетъ,—
Только бы уснуть:
Ясный воздухъ самъ робѣетъ
На морозъ дохнуть.

Знаю я, что ты, малютка,
Лунной ночью не робка:
Я на снѣгѣ вижу утромъ
Легкій оттискъ башмачка.

Правда, ночь при свѣтѣ лунномъ
Холодна, тиха, ясна;
Правда, ты не даромъ, другъ мой,
Покидаешь ложе сна:

Бриллiанты въ свѣтѣ лунномъ,
Бриллiанты въ небесахъ,
Бриллiанты на деревьяхъ,
Бриллiанты на снѣгахъ;

Но боюсь я, другъ мой милый,
Какъ бы въ вихрѣ духъ ночной
Не завѣялъ бы тропинку,
Проложенную тобой.

Ночь свѣтла, морозъ сіяетъ,—
Выходи! Снѣжокъ хруститъ,
Пристяжная озябаетъ
И на мѣстѣ не стоитъ.

Сядемъ, полость застегну я,—
Ночь свѣтла, и ровенъ путь...
Ты ни слова, замолчу я,
И — пошелъ куда ни будь!

Щечки рдѣютъ алымъ жаромъ,
Соболь инеемъ покрытъ,
И дыханье легкимъ паромъ
Изъ ноздрей твоихъ летитъ.

Дерзкій локонъ, въ наказанье,
Посѣдѣлъ въ шестнадцать лѣтъ...
Не пора ли намъ съ катанья —
Дома ждетъ тепло и свѣтъ —

И пуститься въ разговоры
До разсвѣта про любовь?
А морозъ свои узоры
На стеклѣ напишетъ вновь.

На двойномъ стеклѣ узоры
    Начертилъ морозъ.
Шумный день свои дозоры
    И гостей унесъ.

Смолкнулъ яркій говоръ сплетней,
    Скучный голосъ дня.
Благодатнѣй и привѣтнѣй
    Все кругомъ меня.

Предъ горящими дровами
    Сядемъ,—тамъ тепло.
Мѣсяцъ быстрыми лучами
    Пронизалъ стекло.

Ты хитрила, ты скрывала,
    Ты была умна,
Ты давно не отдыхала,
    Ты утомлена,—

Полонъ нѣжнаго волненья
    Сладостной мечты,
Буду ждать успокоенья
    Чистой красоты.

Эхъ, шутка-молодость!..
Какъ новый ранній снѣгъ
Всегда и чистъ и свѣжъ! Царица тайныхъ нѣгъ,
Луна зеркальная надъ древнею Москвою
Одну выводитъ ночь блестящѣй за другою.
Что, всѣ ли улеглись, уснули? Не пора ль?..
На сердцѣ жаръ любви, и трепетъ, и печаль!..
Бѣгу. Далекія, какъ бы въ вознагражденье
Шлютъ звѣзды въ инеѣ свое изображенье.
Въ сіяньи полночи безмолвенъ сонъ Кремля,
Подъ быстрою стопой промерзлая земля
Звучитъ, и по крутой, хотя недавней, стужѣ
Доходитъ бой часовъ порывистѣй и туже.
Бѣгу. Нигдѣ огня,—сосѣди полегли,—
И каждый звукъ шаговъ, раздавшійся вдали,
Иль тѣни на стѣнѣ блестящей колыханье
Мнѣ напрягаютъ слухъ, прервавъ мое дыханье.

Вѣтеръ злой, вѣтръ крутой въ полѣ
Заливается,
А сугробъ на степной волѣ
Завивается.

При лунѣ (на верстѣ морозъ—
Огонечками!)
Про живыхъ вѣтеръ вѣсть пронесъ
Съ позвоночками.

Подъ дубовымъ крестомъ свиститъ,
Раздувается.
Сѣрый заяцъ степной хруститъ,
Не пугается.

Есть ночи зимней блескъ и сила,
Есть непорочная краса,
Когда подъ снѣгомъ опочила
Вся степь, и кровли, и лѣса.

Сбѣжали тѣни ночи лѣтней,
Тревожный ропотъ ихъ исчезъ,
Но тѣмъ всевластнѣй, тѣмъ замѣтнѣй
Огни безоблачныхъ небесъ,

Какъ будто волею всезрящей
На этотъ мигъ ты посвященъ
Глядѣть въ лицо природы спящей
И понимать всемірный сонъ.

Глубь небесъ опять ясна.
Пахнетъ въ воздухѣ весна.
Каждый часъ и каждый мигъ
Приближается женихъ.

Спитъ во гробѣ ледяномъ,
Очарованная сномъ,
Спитъ, нѣма и холодна,
Вся во власти чаръ она,—

Но крылами вешнихъ птицъ
Онъ свѣваетъ снѣгъ съ рѣсницъ,
И изъ стужи мертвыхъ грезъ
Проступаютъ капли слезъ.

22 марта 1879.

Когда вослѣдъ весеннихъ бурь
Надъ зацвѣтающей землей
Нѣжнѣй небесная лазурь
И облаковъ воздушенъ рой,—

Какъ той порой отрадно мнѣ
Свергать земли томящій прахъ,
Тонуть въ небесной глубинѣ
И погасать въ ея огняхъ!

О, какъ мнѣ весело слѣдить
За пышнымъ дымомъ тучъ сквозныхъ,—
И радъ я, что не можетъ быть
Ничто вольнѣй и легче ихъ.

Тихонько движется мой конь
По вешнимъ заводямъ луговъ,
И въ этихъ заводяхъ огонь
Весеннихъ свѣтитъ облаковъ,

И освѣжительный туманъ
Встаетъ съ оттаявшихъ полей...
Заря, и счастье, и обманъ,—
Какъ сладки вы душѣ моей!

Какъ нѣжно содрогнулась грудь
Надъ этой тѣнью золотой!
Какъ къ этимъ призракамъ прильнуть
Хочу мгновенною душой!

Опять незримыя усилья,
Опять невидимыя крылья
Приносятъ сѣверу тепло.
Все ярче, ярче дни за днями.
Ужъ солнце черными кругами
Въ лѣсу деревья обвело.

Заря сквозитъ оттѣнкомъ алымъ.
Подернутъ блескомъ небывалымъ
Покрытый снѣгомъ косогоръ.
Еще лѣса стоятъ въ дремотѣ,
Но тѣмъ слышнѣе въ каждой нотѣ
Пернатыхъ радость и задоръ.

Ручьи, журча и извиваясь
И межъ собой перекликаясь,
Въ долину гулкую спѣшатъ,
И разыгравшіяся воды
Подъ бѣло-мраморные своды
Съ веселымъ грохотомъ летятъ.

А тамъ по нивамъ на просторѣ
Рѣка раскинулась какъ море,
Стального зеркала свѣтлѣй,
И рѣчка къ ней на середину
За льдиной выпускаетъ льдину,
Какъ будто стаю лебедей.

Еще весны душистой нѣга
Къ намъ не успѣла низойти,
Еще овраги полны снѣга,
Еще зарей гремитъ телѣга
На замороженномъ пути;

Едва лишь въ полдень солнце грѣетъ,
Краснѣетъ липа въ высотѣ,
Сквозя, березникъ чуть желтѣетъ,
И соловей еще не смѣетъ
Запѣть въ смородинномъ кустѣ,—

Но возрожденья вѣсть живая
Ужъ есть въ пролетныхъ журавляхъ,
И, ихъ глазами провожая,
Стоитъ красавица степная
Съ румянцемъ сизымъ на щекахъ.

ВЕСНА НА ДВОРѢ.

Какъ дышитъ грудь свѣжо и ёмко,—
Слова не выразятъ ничьи!
Какъ по оврагамъ въ полдень громко
На пѣну прядаютъ ручьи!

Въ эѳирѣ пѣснь дрожитъ и таетъ,
На глыбѣ зеленѣетъ рожь,
И голосъ нѣжный напѣваетъ:
— «Еще весну переживешь!»

Ужъ верба вся пушистая
 Раскинулась кругомъ:
Опять весна душистая
 Повѣяла крыломъ.

Станицей тучки носятся,
 Тепло озарены,
И въ душу снова просятся
 Плѣнительные сны.

Вездѣ разнообразною
 Картиной занятъ взглядъ,—
Шумитъ толпою праздною
 Народъ, чему-то радъ;

Какой-то тайной жаждою
 Мечта распалена,
И надъ душою каждою
 Проносится весна.

---

9 МАРТА 1863 ГОДА.

Какой восторгъ! Ужъ прилетѣли
Вы, благовѣстники цвѣтовъ!
Я слышу въ поднебесьѣ трели
Надъ бѣлой скатертью снѣговъ.

Повѣетъ раемъ надъ цвѣтами,
Воскресну я и запою,—
И сорокъ мучениковъ сами
Мнѣ позавидуютъ въ раю.

Еще, еще! Ахъ, сердце слышитъ
Давно призывъ ея родной,
И все, что движется и дышитъ,
Задышитъ новою весной...

Ужъ травка свѣтитъ съ кочекъ талыхъ,
Плаксивый чибисъ прокричалъ,
Цѣпь снѣговую тучъ отсталыхъ
Сегодня первый громъ порвалъ...

Пришла,—и таетъ все вокругъ,
Все жаждетъ жизни отдаваться,
И сердце, плѣнникъ зимнихъ вьюгъ,
Вдругъ разучилося сжиматься.

Заговорило, зацвѣло
Все, что вчера томилось нѣмо,
И вздохи неба принесло
Изъ растворенныхъ вратъ эдема.

Какъ веселъ мелкихъ тучъ походъ!—
И въ торжествѣ неизъяснимомъ
Сквозной деревьевъ хороводъ
Зеленоватымъ пышетъ дымомъ.

Поетъ сверкающій ручей,
И съ неба—пѣсня, какъ бывало,
Какъ будто говорится въ ней:
—«Все, что ковало,—миновало».

Нельзя заботы мелочной
Хотя на мигъ не устыдиться,
Нельзя предъ вѣчной красотой
Не пѣть, не славить, не молиться.

Съ гнѣздъ замахали крикливыя цапли.
Съ листьевъ скатились послѣднія капли.
Солнце, съ прозрачныхъ сіяя небесъ,
Въ тихихъ струяхъ опрокинуло лѣсъ

Съ сердца куда-то слетѣла забота,—
Вижу, опять улыбается кто-то...
Или весна выручаетъ свое?
Или и солнышко всходитъ мое?

ВЕСЕННІЯ МЫСЛИ.

Снова птицы летятъ издалека
Къ берегамъ, расторгающимъ ледъ.
Солнце теплое ходитъ высоко
И душистаго ландыша ждетъ.

Снова въ сердцѣ ничѣмъ не умѣришь
До ланитъ восходящую кровь
И душою подкупленной вѣришь,
Что какъ міръ безконечна любовь.

Но сойдемся ли снова такъ близко
Средь природы разнѣженной мы,
Какъ видало ходившее низко
Насъ холодное солнце зимы?

Я ждалъ... Невѣстою-царицей
Опять на землю ты сошла,—
И утро блещетъ багряницей,
И все ты воздаешь сторицей
Чтò осень скудная взяла...

Ты пронеслась, ты побѣдила,—
О тайнахъ шепчетъ божество,
Цвѣтетъ недавняя могила,
И безсознательная сила
Свое ликуетъ торжество.

Это утро, радость эта,
Эта мощь и дня и свѣта,
Этотъ синій сводъ,
Этотъ крикъ и вереницы,
Эти стаи, эти птицы,
Этотъ говоръ водъ,

Эти ивы и березы,
Эти капли,—эти слезы,—
Этотъ пухъ,—не листъ,—
Эти горы, эти долы,
Эти мошки, эти пчелы,
Этотъ зыкъ и свистъ,

Эти зори безъ затменья,
Этотъ вздохъ ночной селенья,
Эта ночь безъ сна,
Эта мгла и жаръ постели,
Эта дробь и эти трели,
Это все—весна!

ВЕСНА НА ЮГѢ.

Ночью—мѣсяцъ, полонъ блеска,
Ходитъ, тучи серебря;
Днемъ—въ окно тепло и рѣзко
Свѣтитъ солнце января.

Въ новыхъ листьяхъ кустъ сирени
Явно радъ веселью дня.
Вешней лѣни, тонкой лѣни
Члены полны у меня.

Пѣсня въ сердцѣ, пѣсня въ полѣ,
Нѣга тайная въ крови,—
Какъ-то вѣришь поневолѣ
Обаянію любви!

Что̀ жъ раздумье? Что̀ за слезы?
Иль душой почуялъ я,
Ка̀къ сирень убьютъ морозы,
И затихнетъ пѣснь моя?

Я радъ, когда съ земного лона,
Весенней жаждѣ соприсущъ,
Къ оградѣ каменной балкона
Съ утра кудрявый лѣзетъ плющъ,

И рядомъ, кустъ родной смущая,
И силясь и боясь летать,
Семья пичужекъ молодая
Зоветъ заботливую мать.

Не шевелюсь, не безпокою,—
Ужъ не завидую ль тебѣ?
Вотъ-вотъ она, здѣсь, подъ рукою,
Пищитъ на каменномъ столбѣ...

Я радъ: она не отличаетъ
Меня отъ камня на свѣту,
Трепещетъ крыльями, порхаетъ
И ловитъ мошекъ на лету.

ПЧЕЛЫ.

Пропаду отъ тоски я и лѣни,—
Одинокая жизнь не мила,
Сердце ноетъ, слабѣютъ колѣни...
Въ каждый гвоздикъ душистой сирени,
Распѣвая, вползаетъ пчела...

Дай, хоть выйду я въ чистое поле,
Иль совсѣмъ потеряюсь въ лѣсу!..
Съ каждымъ шагомъ не легче на волѣ,
Сердце пышетъ все болѣ и болѣ,—
Точно уголь въ груди я несу.

Нѣтъ, постой же! Съ тоскою моею
Здѣсь разстанусь. Черемуха спитъ...
Ахъ, опять эти пчелы подъ нею!..
И никакъ я понять не умѣю,
На цвѣтахъ ли,—въ ушахъ ли звенитъ?..

ВЕСЕННІЙ ДОЖДЬ.

Еще свѣтло,—передъ окномъ
Въ разрывы облакъ солнце блещетъ,
И воробей своимъ крыломъ,
Въ пескѣ купаяся, трепещетъ,—

А ужъ отъ неба до земли,
Качаясь, движется завѣса,
И, будто въ золотой пыли,
Стоитъ за ней опушка лѣса.

Двѣ капли брызнули въ стекло,
Отъ липъ душистымъ медомъ тянетъ,
И что-то къ саду подошло,—
По свѣжимъ листьямъ барабанитъ...

Садъ весь въ цвѣту,
Вечеръ въ огнѣ,—
Такъ освѣжительно-радостно мнѣ!
Вотъ я стою,
Вотъ я иду,
Словно таинственной рѣчи я жду...

Эта заря,
Эта весна
Такъ непостижна, зато такъ ясна!
Счастья ли полнъ,
Плачу ли я,
Ты—благодатная тайна моя!

МАЙСКАЯ НОЧЬ.

Отсталыхъ тучъ надъ нами пролетаетъ
Послѣдняя толпа.
Прозрачный ихъ отрѣзокъ мягко таетъ
У луннаго серпа.

Царитъ весны таинственная сила
Съ звѣздами на челѣ.
Ты, нѣжная! Ты счастье мнѣ сулила
На суетной землѣ,—

А счастье гдѣ? Не здѣсь, въ средѣ убогой,-
А вонъ оно, какъ дымъ...
За нимъ! За нимъ воздушною дорогой,—
И въ вѣчность улетимъ!

ЕЩЕ МАЙСКАЯ НОЧЬ.

Какая ночь! На всемъ какая нѣга!
Благодарю, родной полночный край!
Изъ царства льдовъ, изъ царства вьюгъ и снѣга,
Какъ свѣжъ и чистъ твой вылетаетъ май!

Какая ночь! Всѣ звѣзды до единой
Тепло и кротко въ душу смотрятъ вновь,
И въ воздухѣ за пѣснью соловьиной
Разносится тревога и любовь.

Березы ждутъ. Ихъ листъ полупрозрачный
Застѣнчиво манитъ и тѣшитъ взоръ.
Онѣ дрожатъ. Такъ дѣвѣ новобрачной
И радостенъ и чуждъ ея уборъ.

Нѣтъ, никогда нѣжнѣй и безтѣлеснѣй
Твой ликъ, о, ночь, не могъ меня томить!
Опять къ тебѣ иду съ невольной пѣсней,
Невольной—и послѣдней, можетъ-быть...

Еще весна. Какъ будто неземной
Какой-то духъ ночнымъ владѣетъ садомъ.
Иду я молча, медленно,—и рядомъ
Мой темный профиль движется со мной.

Еще аллей не сумраченъ пріютъ,
Между вѣтвей небесный сводъ синѣетъ,
А я иду—душистый холодъ вѣетъ
Въ лицо—иду—и соловьи поютъ...

Несбыточное грезится опять,
Несбыточное въ нашемъ бѣдномъ мірѣ,
И грудь вздыхаетъ радостнѣй и шире,
И вновь кого-то хочется обнять.

Придетъ пора,—и скоро, можетъ-быть,—
Опять земля взалкаетъ обновиться,
Но это сердце перестанетъ биться
И ничего не будетъ ужъ любить!

МЕЛОДІИ.

Нѣтъ, не жди ты пѣсни страстной:
Эти звуки—бредъ неясный,
Томный звонъ струны;
Но, полны тоскливой муки,
Навѣваютъ эти звуки
Ласковые сны.

Звонкимъ роемъ налетѣли,—
Налетѣли и запѣли
Въ свѣтлой вышинѣ...
Какъ ребенокъ имъ внимаю:
Чтò сказалось въ нихъ, не знаю—
И не нужно мнѣ:

Позднимъ лѣтомъ въ окна спальной
Тихо шепчетъ листъ печальный,—
Шепчетъ не слова,
Но подъ легкій шумъ березы
Къ изголовью, въ царство грезы,
Никнетъ голова.

AVE MARIA.

„Ave Maria!..“ Лампада тиха...
Въ сердцѣ готовы четыре стиха:

«Чистая Дѣва, скорбящаго мать,
Душу проникла Твоя благодать.
Неба Царица, не въ блескѣ лучей,—
Въ тихомъ предстань сновидѣніи ей!»

«Ave Maria!..» Лампада тиха...
Я прошепталъ всѣ четыре стиха.

Гдѣ сѣверъ,—я знаю!
Отрадному преданъ недугу,
Весь день обращаю
И очи и помыслы къ югу.

Въ дали ли просторной
Твое забѣлѣетъ жилище,—
Какъ въ области горной
Я сердцемъ и разумомъ чище.

Услышу ли слово
Твоей недовѣрчивой рѣчи, —
И сердце готово
Стремиться до будущей встрѣчи.

16 дек. 1849.

ВОЗДУШНЫЙ ГОРОДЪ.

Вонъ тамъ по зарѣ растянулся
Причудливый хоръ облаковъ:
Все будто бы кровли, да стѣны,
Да рядъ золотыхъ куполовъ.

То будто бы бѣлый мой городъ,
Мой городъ знакомый, родной,
Высоко на розовомъ небѣ
Надъ темной уснувшей землей.

И весь этотъ городъ воздушный
Тихонько на сѣверъ плыветъ.
Тамъ кто-то манитъ за собою,
Да крыльевъ летѣть не даетъ.

Я узнàю тебя и твой бѣлый вуаль,
Гдѣ роняетъ цвѣты благовонный миндаль,

За рѣшеткою сада, съ лихого коня,
И въ ночи, при лунѣ, и въ сіяніи дня;

И гитару твою далеко слышу я
Подъ журчанье фонтана и пѣснь соловья.

Днемъ и ночью гляжу сквозь рѣшетку я вдаль:
Не мелькнетъ ли въ саду бѣлоснѣжный вуаль?

Только мѣсяцъ взошелъ
Послѣ жаркаго дня,—
Распустился, расцвѣлъ
Цвѣтъ въ груди у меня.

Чтò за счастье,—любя,
Этотъ цвѣтъ охранять!
Какъ я радъ, что тебя
Никому не видать!

Погляди, какъ спѣшу
Я въ померкнувшій садъ
И повсюду ношу
Я цвѣтка ароматъ.

11 февр. 1891.

ТУЧКА.

Тучка-челнъ, небесъ волною
Обданная паромъ,
Между мною и луною
Ты плывешь не даромъ:

Отъ луны—твой свѣтъ, чтò ставитъ
Тронъ полночный Богу;
Отъ меня жъ возьми,—чтò давитъ:
Думу и тревогу!

Спитъ она, тяжелой битвой
Думъ не возмутима,—
Ты жъ надъ ней съ моей молитвой
Пронесися мимо.

Я полонъ думъ, когда, закрывши вѣжды,
Внимаю шумъ
Младого дня и молодой надежды,—
Я полонъ думъ.

Я все съ тобой, когда рука неволи
Владѣетъ мной,
И цѣлый день, туманно ли, свѣтло ли,—
Я все съ тобой.

Вотъ мѣсяцъ всплылъ въ своемъ сіяньи дивномъ
На высоты,
И водометъ въ лобзаньи непрерывномъ,—
О, гдѣ же ты?

Слеза слезу съ ланиты жаркой гонитъ,
Мечта мечту тѣснитъ изъ сердца вонъ,
Мгновеніе мгновеніе хоронитъ,
И блещетъ храмъ на мѣстѣ похоронъ.

Крылатый сонъ опережаетъ брата,
За тучею несутся облака.
Какъ велика души моей утрата!
Какъ рана сердца страшно глубока!

Но мой покровъ я жарко обнимаю;
Хочу, чтобъ съ нимъ кипѣла страсть моя:
Нѣтъ, и забывшись я не забываю,—
Нѣтъ, и въ ночи безумно плачу я!

Все вокругъ и пестро такъ и шумно,
Но напрасно толпа весела:
Безъ тебя я тоскую безумно,—
Ты улыбку мою унесла.

Только изрѣдка поздней порою,
Послѣ скучнаго, тяжкаго дня
Нѣжный ликъ твой встаетъ предо мною, —
И ему улыбаюся я.

Только станетъ смеркаться немножко,
Буду ждать, не дрогнетъ ли звонокъ:
Приходи, моя милая крошка,
Приходи посидѣть вечерокъ.

Потушу передъ зеркаломъ свѣчи,—
Отъ камина свѣтло и тепло;
Стану слушать веселыя рѣчи,
Чтобы вновь на душѣ отлегло;

Стану слушать тѣ дѣтскія грезы,
Для которыхъ все блескъ впереди
(Каждый разъ благодатныя слезы
У меня закипаютъ въ груди!);

До зари осторожной рукою
Вновь платокъ твой узломъ завяжу
И вдоль стѣнъ, озаренныхъ луною,
Я тебя до воротъ провожу.

У КАМИНА.

Тускнѣютъ угли. Въ полумракѣ
Прозрачный вьется огонекъ.
Такъ плещетъ на багряномъ макѣ
Крыломъ лазурнымъ мотылекъ.

Видѣній пестрыхъ вереница
Влечетъ усталый, тѣша, взглядъ,
И неразгаданныя лица
Изъ пепла сѣраго глядятъ.

Встаетъ ласкательно и дружно
Былое счастье и печаль,—
И лжетъ душа, что ей не нужно
Всего, чего глубоко жаль.

Свѣча нагорѣла. Портреты въ тѣни.
Сидишь прилежно и скромно ты.
Старушкѣ зѣвнулось. По окнамъ огни
Прошли въ тѣ дальнія комнаты.

Никакъ комара не прогонишь ты прочь,—
Поетъ и къ свѣту все просится...
Взглянуть ты не смѣешь на лунную ночь,
Куда душа переносится:

Подкрался, быть-можетъ, и смотритъ въ окно?
Увидитъ мать—догадается!..
Нѣтъ, вѣрно, у стараго клена давно
Стоитъ въ тѣни, дожидается

Тихая, звѣздная ночь.
Трепетно свѣтитъ луна.
Сладки уста красоты
Въ тихую звѣздную ночь.

Другъ мой, въ сіяньи ночномъ
Какъ мнѣ печаль превозмочь?
Ты же свѣтла какъ любовь
Въ тихую звѣдную ночь.

Другъ мой, я звѣзды люблю
И отъ печали не прочь.
Ты же—еще мнѣ милѣй
Въ тихую звѣздную ночь.

Не отходи отъ меня,
Другъ мой, останься со мной!
Не отходи отъ меня:
Мнѣ такъ отрадно съ тобой!

Ближе другъ къ другу, чѣмъ мы,—
Ближе нельзя намъ и быть;
Чище, живѣе, сильнѣй
Мы не умѣемъ любить.

Если же ты предо мной,
Грустно головку склоня,—
Мнѣ такъ отрадно съ тобой!..
Не отходи отъ меня!

Спи,—еще зарею
Холодно и рано.
Звѣзды за горою
Блещутъ средь тумана.

Пѣтухи недавно
Въ третій разъ пропѣли
Съ колокольни плавно
Звуки пролетѣли.

Дышатъ липъ верхушки
Нѣгою отрадной,
А углы подушки
Влагою прохладной.

Полно спать: тебѣ двѣ розы
Я принесъ съ разсвѣтомъ дня.
Сквозь серебряныя слезы
Ярче нѣга ихъ огня.

Вешнихъ дней минутны грозы,
Воздухъ чистъ, свѣжѣй листы,—
И роняютъ тихо слезы
Ароматные цвѣты.

На зарѣ ты ее не буди:
На зарѣ она сладко такъ спитъ!
Утро дышитъ у ней на груди,
Ярко пышетъ на ямкахъ ланитъ.

И подушка ея горяча,
И горячъ утомительный сонъ,
И, чернѣясь, бѣгутъ на плеча
Косы лентой съ обѣихъ сторонъ.

А вчера у окна ввечеру
Долго, долго сидѣла она
И слѣдила по тучамъ игру,
Что̀, скользя, затѣвала луна,—

И, чѣмъ ярче играла луна,
И чѣмъ громче свисталъ соловей,
Все блѣднѣй становилась она,
Сердце билось больнѣй и больнѣй.

Оттого-то на юной груди,
На ланитахъ такъ утро горитъ
Не буди жъ ты ее, не буди:
На зарѣ она сладко такъ спитъ.

Буря на нѐбѣ вечернемъ.
Моря сердитаго шумъ.
Буря на мо̀рѣ—и думы,
Много мучительныхъ думъ.

Буря на мо̀рѣ—и думы,
Хоръ возрастающихъ думъ...
Черная туча за тучей...
Моря сердитаго шумъ...

Шумѣла полночная вьюга
Въ лѣсной и глухой сторонѣ.
Мы сѣли съ ней другъ подлѣ друга,
Валежникъ свисталъ на огнѣ,

И нашихъ двухъ тѣней громады
Лежали на красномъ полу,—
А въ сердцѣ ни искры отрады,
И нечѣмъ прогнать эту мглу!..

Березы скрипятъ за стѣною,
Сукъ ели трещитъ смоляной...
О, другъ мой, скажи, что̀ съ тобою?
Я знаю давно, что̀ со мной!

Давно ль подъ волшебные звуки
Носились по залѣ мы съ ней?
Теплы были нѣжныя руки,
Свѣтлы были звѣзды очей.

Вчера пѣли пѣснь погребенья.
Безъ крыши гробница была.
Закрывши глаза, безъ движенья,
Она подъ парчею спала.

Я спалъ. Надъ постелью моею
Стояла луна мертвецомъ.
Подъ чудные звуки мы съ нею
Носились по залѣ вдвоемъ...

Только въ мірѣ и есть, что тѣнистый
Дремлющихъ кленовъ шатеръ!
Только въ мірѣ и есть, что лучистый
Дѣтски-задумчивый взоръ!

Только въ мірѣ и есть, что душистый
Милой головки уборъ!
Только въ мірѣ и есть—этотъ чистый,
Влѣво бѣгущій проборъ!

3 апр. 1883.

Чуждыя огласки.
Слышу рѣчи ласки,
Вижу эти глазки,
Чую сердца дрожь,—

Томныхъ грезъ поруки,
Засыпаютъ звуки...
Ихъ нѣмыя муки
Только ты поймешь!

31 янв. 1887.

Чуя внушенный другими отвѣтъ,
Тихій въ глазахъ прочиталъ я запретъ,

Но мнѣ понятнѣй еще говоритъ
Этотъ правдивый румянецъ ланитъ,

Этотъ цвѣтовъ обмирающихъ зовъ,
Этотъ тѣней набѣгающій кровъ,

Этотъ предательскій шопотъ ручья,
Этотъ разсыпчатый кличъ соловья.

30 янв. 1890.

Встрѣчу ль яркую въ небѣ зарю,
Ей про тайну свою говорю.

Подойду ли къ лѣсному ключу—
И ему я про тайну шепчу.

А какъ звѣзды въ ночи задрожатъ,
Я всю ночь имъ разсказывать радъ.

Лишь когда на тебя я гляжу,
Ни за что ничего не скажу.

13 іюля 1882.

Жду я, тревогой объятъ,
Жду тутъ на самомъ пути:
Этой тропой черезъ садъ
Ты обѣщалась прійти.

Плачась, комаръ пропоетъ.
Свалится плавно листокъ.
Слухъ, раскрываясь, растетъ,
Какъ полуночный цвѣтокъ.

Словно струну оборвалъ
Жукъ, налетѣвши на ель.
Хрипло подругу позвалъ
Тутъ же у ногъ коростель.

Тихо подъ сѣнью лѣсной
Спятъ молодые кусты.
Ахъ, какъ пахнуло весной!..
Это—навѣрное ты!

13 дек. 1886.

Что̀ за звукъ въ полумракѣ вечернемъ?—Богъ вѣсть!
    То куликъ простоналъ, или сычъ?
Разставанье въ немъ есть, и страданье въ немъ есть,
    И далекій невѣдомый кличъ,—

Точно грёзы больныя безсонныхъ ночей
    Въ этомъ плачущемъ звукѣ слиты,—
И не нужно рѣчей, ни огней, ни очей:
    Мнѣ дыханіе скажетъ, гдѣ ты.

10 апр. 1887.

Люди спятъ,—мой другъ, пойдемъ въ тѣнистый садъ:
Люди спятъ, однѣ лишь звѣзды къ намъ глядятъ,

Да и тѣ не видятъ насъ среди вѣтвей,
И не слышатъ,—слышитъ только соловей,

Да и тотъ не слышитъ: пѣснь его громка;
Развѣ слышатъ только сердце да рука:

Слышитъ сердце, сколько радостей земли,
Сколько счастія сюда мы принесли,

Да рука, услыша, сердцу говоритъ,
Что чужая въ ней пылаетъ и дрожитъ,

Что и ей отъ этой дрожи горячо,
Что къ плечу невольно клонится плечо...

Лѣсомъ мы шли по тропинкѣ единственной
Въ поздній полуночный часъ.
Я посмотрѣлъ,—западъ съ дрожью таинственной
Гасъ.

Что-то хотѣлось сказать на прощаніе,—
Сердца не слышалъ никто;
Что̀ же сказать про его обмираніе?
Что̀?

Арфа, ты, арфа моя тихострунная,
Вѣтеръ и бурю терпи!
Свѣтитъ ли день, или ночь полнолунная,
Спи.

Думы ли рѣютъ тревожно-несвязныя,
Плачетъ ли сердце въ груди,—
Скоро повысыплютъ звѣзды алмазныя,
Жди!

Облакомъ волнистымъ
Пыль встаетъ вдали.
Конный или пѣшій,—
Не видать въ пыли.

Вижу, кто-то скачетъ
На лихомъ конѣ...
Другъ мой, другъ далекій,
Вспомни обо мнѣ!

Въ дымкѣ-невидимкѣ
Выплылъ мѣсяцъ вешній.
Цвѣтъ садовый дышитъ
Яблонью, черешней.

Такъ и льнетъ, цѣлуя
Тайно и нескромно...
И тебѣ не грустно?
И тебѣ не томно?

Истерзался пѣсней
Соловей безъ розы.
Плачетъ старый камень,
Въ прудъ роняя слезы.

Уронила косы
Голова невольно...
И тебѣ не томно?
И тебѣ не больно?

Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ,
Всѣхъ въ немъ цвѣтовъ благовонія слышны
Кудри твои такъ обильны и пышны,—
Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ.

Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ,
Яснаго взора губительна сила,—
Нѣтъ, я не вѣрю, чтобъ ты не любила:
Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ.

Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ.
Счастію сердце легко предается:
Мнѣ близъ тебя хорошо и поется.
Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ.

ПОЧЕМУ.

Почему, какъ сидишь озаренной,
Надъ работой проборъ наклоня,
Мнѣ сдается, что кругъ благовонный
Все къ тебѣ приближаетъ меня?

Почему свѣтлой рѣчи значенья
Я съ такимъ затрудненьемъ ищу?
Почему и простыя реченья
Словно томную тайну шепчу?

Почему—какъ горячее жало
Чуть замѣтно впивается въ грудь?
Почему мнѣ такъ воздуха мало,
Что хотѣлъ бы глубоко вздохнуть?

3 дек. 1891 г.

Недвижныя очи, безумныя очи,
Зачѣмъ вы средь дня и въ часы полуночи
Такъ жадно вперяетесь вдаль?
Ужели вы въ томъ потонули минувшемъ,
Давно и мгновенно предъ вами мелькнувшемъ,
Котораго сердцу такъ жаль?

Не высмотрѣть вамъ, чего нѣтъ и что̀ было,
Что̀ сердце, тоскуя, въ себѣ схоронило
На самое темное дно;
Не вамъ допросить у случайности жадной,
Куда она скрыла рукой безпощадной,
Что̀ было такъ щедро дано!

Когда я блестящій твой локонъ цѣлую
И жарко дышу такъ на милую грудь,
Зачѣмъ говоришь ты про дѣву иную
И въ очи мнѣ прямо не смѣешь взглянуть?

Хоть вечеръ и близокъ, не бойся: отъ стужи
Тебя я въ широкій свой плащъ заверну,—
Луна не въ туманѣ, а звѣздъ хоть и много,
Но мы заглядимся съ тобой на одну.

Хоть въ сердцѣ не вѣруй. хоть вѣруй въ мгновенье
И взоръ мой, и трепетъ, и лепетъ пойми
И, жаркимъ лобзаньемъ спаливши сомнѣнье,
Ревнивая дѣва, меня обойми!

Младенческой ласки доступенъ мнѣ лепетъ,—
Душа откровенно такъ съ жизнью мирится!
Безумнаго счастья томительный трепетъ
Горячимъ приливомъ по сердцу стремится.

Скажу той звѣздѣ, что̀ такъ ярко сіяетъ
(Давно не видались мы въ мірѣ широкомъ,
Но я понимаю, на что́ намекаетъ
Мнѣ съ неба она многозначащимъ окомъ):

—«Ты смотришь мнѣ въ очи?—Ты права̀: мой трепетъ
Понятенъ, какъ лучъ твой, что̀ въ воды глядится».
Младенческой ласки доступенъ мнѣ лепетъ,—
Душа откровенно такъ съ жизнью мирится.

Въ страданьи блаженства стою предъ тобою, —
И смотритъ мнѣ въ очи душа молодая.
Стою я, овѣянный жизнью иною,—
Я съ рѣчью не здѣшней, я съ вѣстью изъ рая.

Слетѣлъ этотъ мигъ, не земной, не случайный,
Надъ нимъ такъ безсильны житейскія грезы!
Но вѣчной уснетъ онъ сердечною тайной,
Какъ вижу тебя я сквозь яркія слезы.

И въ трепетѣ сердце, и трепетны руки,
Въ восторгѣ склоняюсь предъ чуждою властью,—
И мукой блаженства исполнены звуки,
Въ которыхъ сказаться такъ хочется счастью.

2 авг. 1882.

Я видѣлъ твой млечный, младенческій волосъ,
Я слышалъ твой сладко вздыхающій голосъ —
И первой зари я почувствовалъ пылъ:
Налету весеннихъ порывовъ подвластный,
Дохнулъ я струею и чистой и страстной
У плѣннаго ангела съ вѣющихъ крылъ.

Я понялъ тѣ слезы, я понялъ тѣ муки,
Гдѣ слово нѣмѣетъ, гдѣ царствуютъ звуки,
Гдѣ слышишь не пѣсню, а душу пѣвца,
Гдѣ духъ покидаетъ ненужное тѣло,
Гдѣ внемлешь, что радость не знаетъ предѣла,
Гдѣ вѣришь, что счастью не будетъ конца.

Помню я: старушка няня
Мнѣ въ рождественской ночи
Про судьбу мою гадала
При мерцаніи свѣчи.

И на картахъ выходили
Интересы да почетъ...
Няня, няня! Ты ошиблась,
Обманулъ тебя расчетъ!

Но зато я такъ влюбился,
Что приходится не въ мочь...
— «Погадай мнѣ, другъ мой няня,—
Нынче святочная ночь:

Чтò,—не будеть ли свиданья,
Разговоровъ. иль письма?
Выйдетъ пиковая дама,
Иль бубновая сама?»

Няня добрая гадаетъ,
Грустно голову склоня...
Свѣчка тихо нагораетъ,
Сердце бьется у меня.

Перекрестокъ, гдѣ ракитка
И стоитъ и спитъ...
Тихо ветхая калитка
За плетнемъ скрипитъ;

Кто-то крадется сторонкой;
Санки пробѣгутъ,—
И вопросъ раздастся звонкій:
«Какъ тебя зовутъ?»

Зеркало въ зеркало, съ трепетнымъ лепетомъ,
Я при свѣчахъ навела.
Въ два ряда свѣтъ, и таинственнымъ трепетомъ
Чудно горятъ зеркала.

Страшно припомнить душой оробѣлою:
Тамъ, за спиной, нѣтъ огня...
Тяжкое что-то надъ шеею бѣлою
Плаваетъ, давитъ меня!

Ну, какъ уставятъ гробами дубовыми
Весь этотъ рядъ между свѣчъ?
Ну, какъ лохматый, съ глазами свинцовыми,
Выглянетъ вдругъ изъ-за плечъ?

Ленты да радуги, ярче и жарче дня...
Духъ захватило въ груди...
Суженый! Золото, серебро!.. Чуръ меня,
Чуръ меня,—сгинь, пропади!

———— ————

— «Полно смѣяться,—что̀ это, съ вами?
Точно базаръ!
Какъ загудѣло,—словно пчелами
Полонъ амбаръ...»

— «Чу! Не стучите! Кто-то шагаетъ
Вдоль закромовъ...
Сыплетъ да сыплетъ,—пересыпаетъ
Рожь изъ мѣшковъ...

Сыплетъ орѣхи, деньги считаетъ,
Шубой шумитъ,
Всѣмъ надѣляетъ, все обѣщаетъ,—
Только сердитъ!..»

— «Ну, а тебѣ что̀?»—«Тише, сестрицы!
Что-то несутъ:
Такъ и трясутся всѣ половицы...
Что-то поютъ...

Гробъ забиваютъ крышей большою..
Кто-то завылъ...
Страшно, сестрицы! Знать, надо мною
Шутъ подшутилъ».

Ночь крещенская морозна.
Будто зеркало—луна.
— «Побѣгу,—еще не поздно...
Да боюсь итти одна».

— «Я, сестрица, за тобою
Не пойду: одна иди.
Я съ тобою,—за избою
Наводи да наводи!

Ничего: песъ рябый ходитъ,
Вотъ и сѣрый у воротъ...»
И красавица наводитъ —
И никакъ не наведетъ.

— «Вижу, вижу! Потянулись,—
Разъ, два, три, четыре, пять...
Заструились--покачнулись—
Стало только три опять...

Ну, захочетъ почудесить?
Со страстей рехнуся я!..
Шесть, семь, восемь, девять, десять,—
Чешуя какъ чешуя...

Вотъ одиннадцать,—все лица!..
Вотъ собаки лай и вой...,
Чуръ меня!..»—«Ну, что̀, сестрица?»
— «Раскрасавецъ молодой!»

КУКУШКА.

Пышныя гнутся макушки,
Млѣя въ весеннемъ соку.
Гдѣ-то вдали отъ опушки
Будто бы слышно: ку-ку.

Сердце, вотъ утро,—люби же
Все, чѣмъ жило на вѣку!
Слышится ближе и ближе,
Какъ золотое: ку-ку.

Или кто вспомнилъ утраты,
Вешнюю вспомнилъ тоску?
И раздается трикраты
Ясно и томно: ку-ку.

17 мая 1886.

Эти думы, эти грезы—
Безначальное кольцо!
И текутъ ручьями слезы
На горячее лицо.

Сердце хочетъ, сердце проситъ,
Слезы льются въ два ручья;
Далеко меня уноситъ,
А куда—не знаю я.

Не могу унять стремленье,
Я не въ силахъ не желать:
Эти грезы—наслажденье!
Эти слезы—благодать!

ФАНТАЗІЯ.

Мы одни. Изъ сада въ стекла оконъ
Свѣтитъ мѣсяцъ. Тусклы наши свѣчи.
Твой душистый, твой послушный локонъ,
Развиваясь, падаетъ на плечи.

Чтò жъ молчимъ мы? Или самовластно
Царство тихой, свѣтлой ночи мая?
Иль поетъ и ярко такъ и страстно
Соловей, надъ розой изнывая?

Иль проснулись птички за кустами,
Тамъ, гдѣ вѣтеръ колыхалъ ихъ гнѣзды,
И, дрожа ревнивыми лучами,
Ближе, ближе къ намъ нисходятъ звѣзды?

На суку извилистомъ и чудномъ,
Пестрыхъ сказокъ пышная жилица,
Вся въ огнѣ, въ сіяньи изумрудномъ,
Надъ водой качается жаръ-птица;

Расписныя раковины блещутъ
Въ переливахъ чудной позолоты;
До луны жемчужной пѣной мещутъ
И алмазной пылью водометы;

Листья полны свѣтлыхъ насѣкомыхъ;
Все растетъ и рвется вонъ изъ мѣры;
Много сновъ проносится знакомыхъ
И на сердцѣ много сладкой вѣры...

Переходятъ радужныя краски,
Раздражая око свѣтомъ ложнымъ,—
Мигъ еще—и нѣтъ волшебной сказки,
И душа опять полна возможнымъ...

Мы одни,—изъ сада въ стекла оконъ
Свѣтитъ мѣсяцъ,—тусклы наши свѣчи,—
Твой душистый, твой послушный локонъ,
Развиваясь, падаетъ на плечи...

СИЛЬФЫ.

Ночную фіалку лобзаетъ зефиръ.
И сладостно цвѣтъ задышалъ.
Я слышу бряцаніе маленькихъ лиръ.
Луну я въ росинкѣ узналъ.

И свѣтлая капля дрожитъ теплотой
И мещетъ сіянье вокругъ, —
И сильфы собрались веселой толпой
Съ улыбкой взглянуть на подругъ.

И крошка-сильфида взяла свѣтляка
На пальчикъ,—онъ вьется, какъ змѣй...
Какъ ярко лицо и малютка-рука
Сіяньемъ покрылись у ней!

Но, чу!—кто-то робко ударилъ въ тимпанъ,
Лучей вамъ нельзя превозмочь,—
И, весь упоенный, раскрылся тюльпанъ
Въ послѣднюю сладкую ночь.

Но вотъ ужъ навстрѣчу грядущему дню
Готовы цвѣтовъ алтари,
И сильфы съ улыбкой встрѣчаютъ родню
И свѣтлаго друга зари.

NOCTURNO.

Ты спишь одинъ, забытъ на мѣстѣ дикомъ,
Старинный монастырь.
Твой сводъ упалъ,—кругомъ летаютъ съ крикомъ
Сова и нетопырь.

И стеколъ нѣтъ, и свищетъ вихорь ночи
Во впадину окна,
Да плющъ растетъ, да устремляетъ очи
Полночная луна.

И кто-то тамъ мелькаетъ въ свѣтѣ лунномъ,
Блеститъ его уборъ,
И слышатся на помостѣ чугунномъ
Шаги и звуки шпоръ.

И грустную симфонію печали
Звучитъ во тьмѣ органъ...
То—тихо все, какъ будто вѣчно спали
И стѣны и органъ...

ВИДѢНІЕ.

Не ночью, не лживо
Во снѣ пролетѣло видѣнье:
Свершилося диво —
Землѣ подобаетъ смиренье!

Прозрачныя тучи
Надъ дикой Печерской горою
Сплывалися въ кучи
Подъ зыбью небесъ голубою,

И юноши въ бѣломъ
Летали отъ края до края,
Прославленнымъ тѣломъ
Очамъ умиленнымъ сіяя.

На тучахъ, высоко,
Все выше, въ сіяніи славы,
Замѣтно для ока,
Вставали Печерскія главы.

Тихо ночью на степи:
Небо ей сказало: «Спи!» —
И курганы спятъ;
Звѣзды жъ крупныя въ лучахъ
Говорятъ на небесахъ:
«Вѣчный—святъ, святъ, святъ!»

Въ небѣ чутко и свѣтло:
Неподвижное крыло
За плечомъ молчитъ.—
Нѣтъ движенья,—лишь порой
Бриллiантовой слезой
Ангелъ пролетитъ...

Уснуло озеро. Безмолвенъ черный лѣсъ.
Русалка бѣлая небрежно выплываетъ.
Какъ лебедь молодой, луна среди небесъ
Скользитъ и свой двойникъ на влагѣ созерцаетъ.

Уснули рыбаки у сонныхъ огоньковъ.
Вѣтрило блѣдное не шевельнетъ ни складкой.
Порой тяжелый карпъ плеснетъ у тростниковъ,
Пустивъ широкій кругъ бѣжать по влагѣ гладкой...

Какъ тихо! Каждый звукъ и шорохъ слышу я...
Но звуки тишины ночной не прерываютъ,—
Пускай живая трель ярка у соловья,
Пусть травы на водѣ русалки колыхаютъ...

Если зимнее небо звѣздами горитъ,
И мечтательно свѣтитъ луна,
Предо мною твои образъ, твой дивный скользитъ,
Словно ты изъ лучей создана.

И свѣтла и легка, ты несешься туда.—
Я гляжу и молю хоть слѣдовъ...
И свѣтла и легка,—но зато ни слѣда,
Только грудь обуяетъ любовь...

И летѣлъ бы, летѣлъ за красою твоей, —
И пускай въ небѣ звѣзды горятъ,
И быстрѣй и свѣтлѣй миріады лучей
На пылинки ночныя глядятъ!

Подѣлись живыми снами,
Говори душѣ моей,—
Что̀ не выскажешь словами,
Звукомъ на душу навѣй!

— «Сны и тѣни,
Сновидѣнья,
Въ сумракъ трепстно манящія;
Всѣ ступени
Усыпленья,
Легкимъ роемъ преходящія, —

Не мѣшайте
Мнѣ спускаться
Къ переходу сокровенному!
Дайте, дайте
Мнѣ умчаться
Съ вами къ свѣту отдаленному!..»

— «Только минемъ
Сумракъ свода,—
Тѣни станемъ мы прозрачныя
И покинемъ
Тамъ у входа
Покрывала наши мрачныя»

Ахъ, дитя, къ тебѣ привязанъ
Я любовью безвозмездной!
Нынче ты, моя малютка,
Снилась мнѣ въ коронѣ звѣздной..

Чтò за искры эти звѣзды!
Чтò за кроткое сіянье!
Ты сама, моя малютка,
Чтò за свѣтлое созданье!

СОНЪ.

Снился берегъ мнѣ скалистый...
Море спало подъ луною,
Какъ ребенокъ дремлетъ чистый,—
И, по немъ скользя съ тобою,
Въ дымъ прозрачный и волнистый
Шли алмазной мы стезею.

Сплю я. Тучки дружныя,
Вешнія, жемчужныя,
Мчатся надо мной;
Смутныя, узорныя,
Тѣни ихъ проворныя
По полямъ грядой

Подбѣжали къ чистому
Пруду серебристому,
И—вдвойнѣ свѣтло:
Ужъ не тѣни мрачныя,—
Облака прозрачныя
Смотрятся въ стекло.

Сплю я. Безотрадною
Тканью непроглядною
Тянутся мечты,—
Вдругъ сама завѣтная,
Кроткая, привѣтная,
Улыбнулась ты.

19 сент. 1887.

ВО СНѢ.

Какъ вешній день, твой ликъ приснился снова,—
Знакомую привѣтствую красу,
И по волнамъ ласкающаго слова
Я образъ твой прелестный понесу.

Сомнѣній нѣтъ, неясной нѣтъ печали,
Все высказать во снѣ умѣю я,—
И мчитъ да мчитъ, все далѣе и далѣ,
Съ тобою насъ воздушная ладья.

Передъ тобой съ колѣнопреклоненьемъ
Стою, плѣненъ волшебною игрой,
А за тобой—колеблемый движеньемъ,
Неясный звуковъ отстающій рой...

26 апр. 1890.

Въ лѣса безлюдной стороны
И чуждой шумному веселью
Меня порой уносятъ сны
Въ твою привѣтливую келью.

Въ благоуханьи простоты,—
Цвѣтокъ, дитя дубравной сѣни,—
Опять встрѣчать выходишь ты
Меня на шаткія ступени.

Вечерній воздухъ влажно-чистъ:
Вся покраснѣвъ, ты жмешь мнѣ руки,—
И, сонныхъ липъ тревожа листъ,
Порхаютъ гаснущіе звуки.

У ОКНА.

Къ окну приникнувъ головой,
Я поджидалъ съ тоскою нѣжной,
Чтобъ ты явилась—и съ тобой
Помчаться по равнинѣ снѣжной.

Но въ блескъ сокрылась ты лѣсовъ,
Подъ листья яркіе банана,
За серебро пустынныхъ мховъ
И пыль жемчужную фонтана.

Я видѣлъ горный поворотъ,
Гдѣ снѣгъ стопой твоей встревоженъ;
Я разсмотрѣлъ хрустальный гротъ,
Куда мнѣ доступъ невозможенъ...

Вдругъ ты вошла... Я все узналъ:
Смѣхъ на устахъ, въ глазахъ угроза...
О, какъ все вѣрно подсказалъ
Мнѣ на стеклѣ узоръ мороза!

На креслѣ отвалясь, гляжу на потолокъ,
Гдѣ, на задоръ воображенью,
Надъ лампой тихою подвѣшенный кружокъ
Вертится призрачною тѣнью.

Зари осенней слѣдъ въ мерцаньи этомъ есть:
Надъ кровлей, кажется, и садомъ,
Не въ силахъ улетѣть и не рѣшаясь сѣсть,
Грачи кружатся темнымъ стадомъ...

Нѣтъ! То не крыльевъ шумъ,—то кони у крыльца!
Я слышу трепетныя руки...
Какъ блѣдность холодна прекраснаго лица!
Какъ шопотъ горестенъ разлуки!

Молчу, потерянный, на дальній путь глядя
Изъ-за темнѣющаго сада,—
И кружится, еще пріюта не найдя,
Грачей встревоженное стадо.

15 дек. 1890.

Разсыпаяся смѣхомъ ребенка,
Явно въ душу мою влюблены,
Пролетаютъ прозрачно и звонко
Надо мною блаженные сны,—

И, мгновенной охваченъ истомой,
Снова молодость чуя свою,
Узнаю я и голосъ знакомый,
И побѣдный призывъ узнаю,

И, когда этой пѣснѣ внимаю,
Окрыленный восторгомъ, не лгу,
Что я все безъ рѣчей понимаю
И—къ чему призываетъ—могу!

3 марта 1892.

— «Что ты, голубчикъ, задумчивъ сидишь,
Слышишь—не слышишь, глядишь—не глядишь?..
Утро давно, а въ глазахъ у тебя,
Я посмотрю, и не день и не ночь».

— «Точно случилось жемчужную нить
Подлѣ меня тебѣ врознь уронить:
Чудную пѣсню я слышалъ во снѣ,—
Нѣсколько словъ до яву мнѣ прожгло *).

Эти слова-то ищу я опять
Всѣ, какъ звучали они, подобрать...
Вѣрно, ахъ, вѣрно, сказала бъ ты мнѣ,
Въ чемъ этотъ голосъ меня укорялъ!»

---

*) Этотъ стихъ такъ и написанъ въ автографѣ и напечатанъ въ первомъ выпускѣ «Вечернихъ огней», изданномъ самимъ Фетомъ (Москва. 1883 г., стр. 50).

Какъ отрокъ зарею
Лукавые сны вспоминаетъ,
Я звука душою
Ищу, что̀ въ душѣ обитаетъ.

Хоть въ сердцѣ нѣтъ вѣры
Въ живое преданій наслѣдство,
Люблю я химеры,
Гдѣ рдѣетъ румяное дѣтство.

Быть-можетъ, что сонный
Со сномъ золотымъ встрепенется,
Иль стихъ благовонный
Изъ устъ разомкнутыхъ польется.

Какъ мошки зарею,
Крылатые звуки толпятся.
Съ любимой мечтою
Не хочется сердцу разстаться.

Но цвѣтъ вдохновенья
Печаленъ средь будничныхъ терній;
Былое стремленье—
Далеко, какъ отблескъ вечерній.

Но память былого
Все крадется въ сердце тревожно...
О, если бъ безъ слова
Сказаться душой было можно!

11 авг. 1844.

Какіе-то носятся звуки
И льнуть къ моему изголовью, —
Полны они томной разлуки,
Дрожать небывалой любовью...

Казалось бы—что жъ?.. Отзвучала
Послѣдняя нѣжная ласка,
По улицѣ пыль пробѣжала,
Почтовая скрылась коляска, —

И только... Но пѣсня разлуки
Несбыточной дразнитъ любовью,
И носятся свѣтлые звуки
И льнутъ къ моему изголовью...

Весеннее небо глядится
Сквозь вѣтви мнѣ въ очи случайно,
И тѣнь золотая ложится
На воды блестящаго Майна.

Вдали огонекъ одинокій
Трепещетъ подъ сумракомъ липокъ.
Исполнена тайны жестокой
Душа замирающихъ скрипокъ.

Средь шума толпы неизвѣстной
Тѣ звуки понятнѣй мнѣ вдвое:
Напомнили силой чудесной
Они мнѣ все сердцу родное.

Ожившая память несется
Къ прошедшей тоскѣ и веселью:
То сердце замретъ, то проснется
За каждой безумною трелью;

Но быстро волшебной чредою
Промчалась тоскливая тайна,
И мѣсяцъ бѣжитъ полосою
Вдоль водъ тихоструйнаго Майна.

Улыбка томительной скуки
Средь общей веселія жажды...
Вы, полные, сладкіе звуки,
Знать, васъ не услышать мнѣ дважды!

Зачѣмъ же за таюшей скрипкой
Такъ сердце въ груди встрепенулось,
Какъ будто знакомой улыбкой
Минувшее вдругъ улыбнулось, —

Такъ томно и грустно-небрежно
Въ свой міръ расцвѣченный уноситъ,
И ластится къ сердцу такъ нѣжно,
И такъ умилительно проситъ?

БАЛЪ.

Когда трепещутъ эти звуки
И дразнитъ ноющій смычокъ,—
Слагая на колѣняхъ руки,
Сажусь въ забытый уголокъ —

И, какъ зари румянецъ дальный
Иль дней былыхъ нѣмая рѣчь,
Меня плѣняетъ вихорь бальный
И шевелитъ мерцанье свѣчъ.

О, какъ ничѣмъ неукротимо
Уноситъ къ юности былой
Вблизи порхающее мимо
Круженье пары молодой!

Чего хочу?—Иль, можетъ статься,
Бывалой жизнію дыша,
Въ чужой восторгъ переселяться
Заранѣ учится душа?

Все, какъ бывало, веселый, счастливый,
Ленты твоей уловляю извивы...
Млѣющихъ звуковъ впивая истому,
Пусть ты летишь, отдаваясь другому!

Пусть пронеслась ты надменно, небрежно, —
Сердце мое все попрежнему нѣжно,
Сердце обидъ не считаетъ, не мѣритъ,
Сердце попрежнему любитъ и вѣритъ!

Тщетно опущены строгіе глазки, —
Жду подъ рѣсницами блеска и ласки:
Все, какъ бывало, веселый, счастливый,
Ленты твоей уловляю извивы.

24 іюля 1887.

Вчера я шелъ по залѣ освѣщенной,
Гдѣ такъ давно встрѣчались мы съ тобой, -
Ты здѣсь опять!.. Безмолвный и смущенный,
Невольно я поникнулъ головой

И въ темнотѣ тревожнаго сознанья
Былые дни я различалъ едва,
Когда шепталъ безумныя желанья
И говорилъ безумныя слова.

Знакомыми напѣвами томимый,
Стою,—въ глазахъ движенье и цвѣты.
И, кажется, летя подъ звукъ любимый,
Ты прошептала кротко: «Что̀ же ты?» —

И звуки тѣ жъ, и тѣ жъ благоуханья,
И чувствую - пылаетъ голова,
И я шепчу безумныя желанья
И лепечу безумныя слова!..

СЕРЕНАДА.

Тихо вечеръ догораетъ,
Горы золотя;
Знойный воздухъ холодаетъ, —
Спи, мое дитя!

Соловьи давно запѣли,
Сумракъ возвѣстя;
Струны робко зазвенѣли, —
Спи, мое дитя!

Смотрятъ ангельскія очи,
Трепетно свѣтя;
Такъ легко дыханье ночи, —
Спи, мое дитя!

РОМАНСЪ.

Я тебѣ ничего не скажу
И тебя не встревожу ничуть
И о томъ, что̀ я молча твержу,
Не рѣшусь ни за что намекнуть.

Цѣлый день спятъ ночные цвѣты,
Но, лишь солнце за рощу зайдетъ,
Раскрываются тихо листы,
И я слышу, какъ сердце цвѣтетъ...

И въ больную, усталую грудь
Вѣетъ влагой ночной... Я дрожу...
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебѣ ничего не скажу!

2 сент. 1885.

РОМАНСЪ.

Угадалъ—и я взволнованъ,
Ты вошла—и я смущенъ,
Говоришь—я очарованъ...
Ты ли, я ли, или сонъ?

Тонкій запахъ, шелестъ платья,—
Въ головѣ и свѣтъ и мгла....
Глазъ не смѣю приподнять я,
Что̀ бы въ нихъ ты ни прочла.

Лжетъ лицо, а рѣчь двояка;
Или мальчикъ я какой?
Боже, Боже! Какъ однако
Мнѣ завиденъ жребій мой!

ШОПЕНУ.

Ты мелькнула, ты предстала, —
Снова сердце задрожало...
Подъ чарующіе звуки
То же счастье, тѣ же мýки,
Слышу трепетныя руки, —
Ты еще со мной!
Часъ блаженный, часъ печальный,
Часъ послѣдній, часъ прощальный!
Тѣ же легкія одежды, —
Ты стоишь, склоняя вѣжды, —
И не нужно мнѣ надежды:
Этотъ часъ—онъ мой!

Ты руки моей коснулась, —
Разомъ сердце встрепенулось...
Не туда, въ то горе злое, —
Я несусь въ мое былое,
Я на все, на все иное
Отпылалъ, потухъ!
Этой пѣснѣ чудотворной
Такъ покоренъ міръ упорный!
Пусть же сердце, полно муки,
Торжествуетъ часъ разлуки
И, когда загаснутъ звуки, —
Разорвется вдругъ!

«ANRUF AN DIE GELIEBTE» БЕТХОВЕНА.

Пойми хоть разъ тоскливое признанье,
Хоть разъ услышь души молящей стонъ:
Я предъ тобой, прекрасное созданье,
Безвѣстныхъ силъ дыханьемъ окрыленъ.

Я образъ твой ловлю передъ разлукой,
Я полонъ имъ, и млѣю, и дрожу,
И, безъ тебя—томясь предсмертной мукой,
Своей тоской какъ счастьемъ дорожу,

Ее пою, во прахъ упасть готовый,
Ты предо мной стоишь какъ божество,—
И я блаженъ: я въ каждой мукѣ новой
Твоей красы провижу торжество.

РЕВЕЛЬ.

(послѣ представленія „Фрейшюца").

Театръ во мглѣ затихъ. Агата
Въ объятьяхъ нѣжнаго стрѣлка.
Еще напѣвами объята,
Душа свѣтла,—и жизнь легка.

Все спитъ. Надъ тѣснымъ переулкомъ
Какъ рѣчка блещутъ небеса.
Умолкъ на перекресткѣ гулкомъ
Далекій грохотъ колеса.

И съ каждымъ шагомъ городъ душный
Передо мной стѣсняетъ даль,—
Лишь тамъ, на высотѣ воздушной,
Блеститъ балконъ, поетъ рояль,—

И съ переливымъ серебристымъ,
Съ лучомъ, просящимся во тьму,
Летитъ твой голосъ къ звѣздамъ чистымъ
И вторитъ сердцу моему.

За кормою струйки вьются,
Мы несемся въ челнокѣ,
И далеко раздаются
Звуки «Нормы» по рѣкѣ.

Млечный путь глядится въ воду —
Свѣтлый праздникъ свѣтлыхъ лѣтъ!
(Я весломъ прибавилъ ходу) —
И луна бѣжитъ вослѣдъ.

Струйки вьются, пѣсни льются,
Вторитъ эхо вдалекѣ,
И, дробяся, раздаются
Звуки «Нормы» по рѣкѣ.

ПѢВИЦѢ.

Уноси мое сердце въ звенящую даль,
Гдѣ, какъ мѣсяцъ за рощей, печаль!
Въ этихъ звукахъ на жаркія слезы твои
Кротко свѣтитъ улыбка любви.

О, дитя, какъ легко средь незримыхъ зыбей
Довѣряться мнѣ пѣснѣ твоей!
Выше, выше плыву серебристымъ путемъ,
Будто шаткая тѣнь за крыломъ...

Вдалекѣ замираетъ твой голосъ, горя,
Словно за моремъ ночью заря, —
И откуда-то,—вдругъ,—я понять не могу, —
Грянетъ звонкій приливъ жемчугу...

Уноси жъ мое сердце въ звенящую даль,
Гдѣ кротка, какъ улыбка, печаль,
И все выше помчусь серебристымъ путемъ
Я, какъ шаткая тѣнь за крыломъ.

Прежніе звуки—съ былымъ обаяньемъ
Счастья и юной любви...
Все, что̀ сказалося въ жизни страданьемъ,
Пламенемъ жгучимъ пахнуло въ крови!

Старыя пѣсни, знакомые звуки,
Сонъ безотвязно больной...
Точно изъ сумрака блѣдныя руки
Призраковъ нѣжныхъ манятъ за собой...

Пусть обливается жгучею кровью
Сердце, а очи—слезой:
Доброю няней прильнувъ къ изголовью,
Старая пѣсня, звучи надо мной!

Пой, не смущайся! Пусть время былое
Яркой зарей расцвѣтетъ:
Можетъ-быть, сердце утихнетъ больное
И, какъ дитя въ колыбели, уснетъ.

Сіяла ночь. Луной былъ полонъ садъ. Лежали
Лучи у нашихъ ногъ въ гостиной безъ огней.
Рояль былъ весь раскрытъ, и струны въ немъ дрожали,
Какъ и сердца у насъ, за пѣснею твоей.

Ты пѣла до зари, въ слезахъ изнемогая,
Что ты—одна любовь, что нѣтъ любви иной,—
И такъ хотѣлось жить, чтобъ, звука не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать надъ тобой!..

И много лѣтъ прошло, томительныхъ и скучныхъ,
И вотъ въ тиши ночной твой голосъ слышу вновь—
И вѣетъ, какъ тогда, во вздохахъ этихъ звучныхъ,
Что ты одна вся жизнь, что ты одна любовь,

Что нѣтъ обидъ судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нѣтъ конца и цѣли нѣтъ иной,
Какъ только вѣровать въ рыдающіе звуки,
Тебя любить, обнять и плакать надъ тобой!

РОМАНСЪ.

Злая пѣснь, какъ больно возмутила
Ты дыханьемъ душу мнѣ до дна!
До зари въ груди дрожала, ныла
Эта пѣсня,—эта пѣснь одна.

И поющимъ отдаваться мукамъ
Было слаще обаянья сна:
Умереть хотѣлось съ каждымъ звукомъ,
Сердцу грудь казалася тѣсна.

Но съ зарей потухнулъ жаръ напѣвный,
И душа затихнула до дна.
Въ озаренной глубинѣ душевной
Лишь улыбка устъ твоихъ видна.

РИМСКІЙ ПРАЗДНИКЪ.

Не навѣвай тоскливой муки
И слезный трепетъ утиши!
Воздушный голосъ!.. Эти звуки
Смущаютъ кроткій миръ души.

Вокругъ свѣтло. На праздникъ Рима
Взглянули ярко небеса,
И высоко-неизмѣрима
Ихъ свѣтло-синяя краса.

Толпа ликуетъ, какъ ребенокъ.
На перекресткахъ шумъ и гулъ.
Въ кистяхъ пунцовыхъ, бодръ и звонокъ,
По мостовой ступаетъ мулъ.

Въ дыханьи чары мимолетной
Уже ласкались вкругъ меня
И радость жизни беззаботной,
И свѣтъ безоблачнаго дня,—

Но ты запѣлъ,—и злые звуки
Смущаютъ кроткій миръ души...
О, не зови тоскливой муки
И слезный трепетъ утиши!

ШАРМАНЩИКЪ.

Къ окну я въ потемкахъ приникъ —
Ну, право, нельзя неумѣстнѣй:
Опять въ переулкѣ старикъ
Съ своей неотвязною пѣсней!

Тѣ звуки свистятъ и поютъ,
Нескладно-тоскливо-неловки...
Встаютъ предо мною, встаютъ
За рамой двѣ свѣтлыхъ головки.

Надъ ними поверхность стекла
При мѣсяцѣ ярко-кристальна.
Одна такъ рѣзвὸ-весела,
Другая такъ томно-печальна...

И—старая пѣсня!—съ тоской
Мы прошлое нѣжно лелѣемъ,
И жаль мнѣ и той и другой,
И радъ я сердечно обѣимъ.

Межъ нихъ въ промежуткѣ видна
Еще голова молодая—
И все онъ хорошъ, какъ одна,
И все онъ грустить, какъ другая.

Онъ преданъ навѣки одной
И грусти терзаемъ приманкой...
Уйдешь ли ты, гаеръ сѣдой,
Съ твоей неотвязной шарманкой?..

Въ полуночной тиши безсонницы моей
Встаютъ предъ напряженнымъ взоромъ
Былыя божества, кумиры прежнихъ дней,
Съ ихъ вызывающимъ укоромъ,

И снова я люблю, и снова я любимъ,
Несусь вослѣдъ мечтамъ любимымъ,—
А сердце грѣшное томитъ меня своимъ
Неправосудьемъ нестерпимымъ.

Богини предо мной, давнишніе друзья,
То соблазнительны, то строги,
Но тщетно алтарей ищу предъ ними я:
Онѣ—развѣнчанные боги!

Предъ ними сердце вновь въ тревогѣ и въ огнѣ,
Но пламень тотъ—съ былымъ несхожій:
Какъ будто, смертному потворствуя, онѣ
Сошли съ божественныхъ подножій—

И лишь надменныя на зло живой мечтѣ,
Не зная милости и битвы,
Стоятъ владычицы на прежней высотѣ
Подъ шопотъ презрѣнной молитвы.

Ихъ снова ищетъ взоръ изъ-подъ усталыхъ вѣждъ,
Мольба къ нимъ тщетная стремится,
И прежній ѳиміамъ несбыточныхъ надеждъ
У ногъ ихъ все еще дымится...

3 янв. 1888.

Вотъ снова ночь съ своей тоской безсонной
Дрожитъ при блескѣ дня.
Съ улыбкою мой демонъ искушенный
Взираетъ на меня:

Онъ видитъ все,—улыбку, вздохъ и слезы...
Пусть онъ ихъ видитъ,—пусть:
Давнымъ-давно безсонницу и грезы
Онъ знаетъ наизусть.

Какъ мраморный, блестящій и холодный
Мой прорицатель дня,
Съ улыбкой злой и гордо-благородной
Онъ смотритъ на меня.

— — - -

Люди нисколько ни въ чемъ предо мной невиновны, я знаю,
Только я тутъ для себя утѣшенья большого не вижу.
День ихъ торопитъ всечасно своею тяжелой заботой;
Ночь, какъ добрая мать, принимаетъ въ объятья на отдыхъ.
Что̀ имъ за дѣло, что кто-то, весь день протомившись бездѣльемъ,
Ночью съ нелѣпымъ раздумьемъ пробьется на ложѣ безсонномъ?
Пламя дрожитъ на свѣтильнѣ—и около мысли любимой
Зыблются робкія думы и всѣ переходятъ оттѣнки
Радужныхъ красокъ. Трепещетъ душа, и трепещетъ разсудокъ.
Сердце — Икаръ неразумный — изъ мрака, какъ бабочка къ свѣту,
Къ мысли завѣтной стремится: вотъ-вотъ опаленныя крылья,
Кругъ описавши во мракѣ, несутся въ невѣрномъ полетѣ
Пытку свою обновлять добровольную. Я же не знаю,
Что̀ добровольнымъ зовется и что̀ неизбѣжнымъ на свѣтѣ...

- - - -

Въ долгія ночи, какъ вѣжды на сонъ не сомкнуты,
Чудныя душу порой посѣщаютъ минуты:

Духъ окрыленъ, никакая не мучитъ утрата,—
Въ дальней звѣздѣ отгадалъ бы отбывшаго брата!

Близкой души предо мною ясны всѣ изгибы:
Видишь, какъ были,—и видишь, какъ быть бы могли бы...

О, если ночь унесетъ тебя въ міръ этотъ странный,
Мощному духу отдайся, о, другъ мой желанный:

Я отзовусь,—но, внемля безтѣлесному звуку,
Вспомни меня, какъ невольную помнятъ разлуку!

Чѣмъ тоскѣ, я не знаю, помочь!
Грудь прохлады свѣжительной ищетъ...
Окна настежь... Уснуть мнѣ невмочь...
А въ саду, надъ ручьемъ, во всю ночь
Соловей разливается-свищетъ.

Стройный тополь стоитъ подъ окномъ,
Листья въ воздухѣ всѣ онѣмѣли,
Точно думы все тѣ же и въ немъ,
Точно судитъ меня онъ съ пѣвцомъ,
Не проронитъ ни вздоха, ни трели.

На зарѣ только клонитъ ко сну;
Но лишь яркій багрянецъ замѣчу,—
Разгорюсь—и опять не усну...
Знать, въ послѣдній встрѣчаю весну
И тебя на землѣ ужъ не встрѣчу!

Не спится. Дай, зажгу свѣчу! Къ чему читать?
Вѣдь снова не пойму я ни одной страницы,
И яркій бѣлый свѣтъ начнетъ въ глазахъ мелькать,
И ложныхъ призраковъ заблещутъ вереницы...

За что жъ? Что сдѣлалъ я? Чѣмъ грѣшенъ предъ тобой?
Ужели помыселъ мнѣ долженъ быть укоромъ,
Что такъ язвительно смѣется призракъ твой
И смотритъ на меня такимъ тяжелымъ взоромъ?

Полунóчные образы рѣютъ,
Блещутъ искрами ярко впотьмахъ,
Но глаза различить не умѣютъ,
Много ль ихъ на тревожныхъ крылахъ.

Полунóчные образы стонутъ,
Какъ больной въ утомительномъ снѣ,
И всплываютъ, и стонутъ, и тонутъ,—
Но о чемъ это стонутъ онѣ?

Полунóчные образы воютъ,
Какъ духовъ испугавшійся пёсъ,
То нахлынутъ, то бездну откроютъ,
Какъ волна обнажаетъ утесъ.

Истрепалися сосенъ мохнатыя вѣтви отъ бури,
Изрыдалась осенняя ночь ледяными слезами;
Ни огня на землѣ, ни звѣзды въ овдовѣвшей лазури;
Все сорвать хочетъ вѣтеръ, все смыть хочетъ ливень
ручьями.

Никого! Ничего! Даже сна нѣтъ въ постели холодной,—
Только маятникъ грубо-насмѣшливо мѣряетъ время...
Оторвись же отъ тусклой свѣчи ты душою свободной!
Или—тянетъ къ землѣ роковое, тяжелое бремя?

О, войди жъ въ этотъ мракъ, улыбнись, благосклонная
фея,—
И всю жизнь въ этотъ мигъ я солью, этимъ мигомъ измѣрю,
И, рѣчей благовонныхъ созвучіемъ слухъ возлелѣя,
Не признаю часовъ и рыданьямъ ночнымъ не повѣрю!

МАДОННА.

Я не ропщу на трудный путь земной,
Я буйнаго не слушаю невѣжды:
Моимъ ушамъ понятенъ звукъ иной,
И сердцу голосъ слышится надежды

Съ тѣхъ поръ, какъ Санціо передо мной
Изобразилъ Склоняющую вѣжды,
И этотъ ликъ, и этотъ взоръ святой,
Смиренныя и легкія одежды,

И это лоно Матери, и въ немъ
Младенца съ яснымъ, радостнымъ челомъ,
Съ улыбкою, къ Маріи наклоненной...

О, какъ душа стихаетъ вся до дна!
Какъ много со святого полотна
Ты шлешь, мой Богъ, съ Пречистою Мадонной!

КЪ СИКСТИНСКОЙ МАДОННѢ.

Вотъ сынъ Ея,—Онъ, тайна Іеговы,
Лелѣемъ Дѣвы чистыми руками.
У ногъ Ея—земля подъ облаками,
На воздухѣ—нетлѣнные покровы.

И, преклонясь, съ Варварою готовы
Молиться Ей мы на колѣняхъ сами,
Или, какъ Секстъ, блаженными очами
Встрѣчать Того, Кто рабства свергъ оковы.

Какъ ангеловъ, младенцевъ окрыленныхъ,
Узришь и насъ, о, Дѣва, не смущенныхъ:
Здѣсь угасаетъ предъ Тобой тревога.

Такой тебѣ, Рафаэль, вѣстникъ Бога,
Тебѣ и намъ явилъ твой сонъ чудесный
Царицу женъ—Царицею небесной!

Владычица Сіона, предъ Тобою
Во мглѣ моя лампада зажжена.
Все спитъ кругомъ. Душа моя полна
Молитвою и сладкой тишиною.

Ты мнѣ близка. Покорною душою
Молюсь за ту, кѣмъ жизнь моя ясна:
Дай ей цвѣсти, будь счастлива она,—
Съ другимъ ли избраннымъ, одна, или со мною...

О, нѣтъ! Прости вліянію недуга!
Ты знаешь насъ: намъ суждено другъ друга
Взаимными молитвами спасать,—

Такъ дай же силъ, простри святыя руки,
Чтобъ ярче могъ въ полночной часъ разлуки
Я предъ Тобой лампаду возжигать!

Угрюмъ и празденъ часто я брожу:
Напрасно вѣру свѣтлую лелѣю,—
На славный подвигъ силы не имѣю,
Для пѣсни сердца словъ не нахожу.

Но за тобой ревниво я слѣжу,
Тебя понять и оцѣнить умѣю;
Вотъ отчего я дружбой гордъ твоею
И близостью твоею дорожу.

Спасибо жизни! Пусть по волѣ рока,
Истерзана, обижена глубоко,
Душа порою въ сонъ погружена:

Но, лишь краса душевная коснется
Усталыхъ глазъ,—безсмертная проснется
И звучно затрепещетъ, какъ струна.

Разсказывалъ я много глупыхъ сновъ,—
На мой разсказъ такъ грустно улыбались...
Многозначительно при звукѣ странныхъ словъ
Ея глаза въ глаза мои вперялись...

И время шло. Я сердцемъ былъ готовъ
Повѣрить счастью!.. Скоро мы разстались—
И я постигъ у дальнихъ береговъ,
Въ чемъ наши чувства нѣкогда встрѣчались.

Такъ слышитъ узникъ блѣдный, присмирѣвъ,
Родной рѣки излучистой припѣвъ,
Пропѣтый вовсе чуждыми устами:

Онъ звука не проронитъ, хоть не ждетъ
Спасенія,—но глубоко вздохнетъ,
Блеснувъ во мглѣ ожившими очами.

Къ Офеліи.

I.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Я васъ разсматривалъ украдкой,
Хотѣлъ постигнуть,—но, увы!
Непостижимою загадкой
Передо мной мелькали вы.

Но вы, быть-можетъ, слишкомъ правы,
Не обнажая предо мной,—
Больны ль вы просто, иль лукавы,
Иль избалованы судьбой.

Къ чему? Когда на блескъ пурпурный
Зари вечерней я смотрю,
Къ чему мнѣ знать, что дождикъ бурный
Зальетъ вечернюю зарю?

Тотъ блескъ,—цѣна ли онъ лишенья,—
Онъ нѣжно святъ,—чѣмъ онъ ни будь:
Онъ дуновеніе творенья
На человѣческую грудь.

II.

Какъ геній ты, нежданный, стройный,
Съ небесъ слетѣла, мнѣ свѣтла,
Смирила умъ мой безпокойный,
На ликъ свой очи привлекла.

Вдали ль душой ты, иль межъ нами,—
Но какъ-то сладостно, легко
Мнѣ предъ тобою, съ небесами
Сдружившись, рѣять высоко;

Безъ сожалѣнья, безъ возврата
Мнѣ сладко чувства расточать
И на тебя очами брата
Съ улыбкой счастія взирать.

III.

Не здѣсь ли ты легкою тѣнью,
Мой геній, мой ангелъ, мой другъ,
Бесѣдуешь тихо со мною,
И тихо летаешь вокругъ,

И робкимъ даришь вдохновеньемъ,
И сладкій врачуешь недугъ,
И тихимъ даришь сновидѣньемъ,
Мой геній, мой ангелъ, мой другъ?..

IV.

Какъ ангелъ неба безмятежный,
Въ сіяньи тихаго огня,
Ты помолись душою нѣжной
И за себя и за меня.

Ты отъ меня любви словами
Сомнѣнья духа отжени
И сердце тихими крылами
Твоей молитвы осѣни.

V.

Я боленъ, Офелія, милый мой другъ,—
Ни въ сердцѣ ни въ мысли нѣтъ силы...
О, спой мнѣ, какъ носится вѣтеръ вокругъ
Его одинокой могилы!

Душѣ раздраженной и груди больной
Понятны и слезы и стоны...
Про иву, про иву зеленую спой,
Про иву сестры Дездемоны!

VI.

Офелія гибла, и пѣла,
И пѣла,—сплетая вѣнки,
Съ цвѣтами, вѣнками и пѣснью
На дно опустилась рѣки...

Ахъ, много по жизни мелькнуло
Дней свѣтлыхъ, безумной тоски,
И счастье давно потонуло,
Лишь пѣсни плывутъ да вѣнки.

И многое съ пѣснями канетъ
Мнѣ въ душу на темное дно,
И много мнѣ чувства, и пѣсенъ,
И слезъ, и мечтаній дано.

VII.

ПРОСТИ.

Прости,—я помню то мгновенье,
Когда влюбленною душой
Благодарилъ я Провидѣнье
За встрѣчу первую съ тобой.

Какъ птичка вешнею зарею,
Какъ ангелъ отроческихъ сновъ,
Ты уносила за собою
Мою безумную любовь

Мой другъ, душою благодарной,
Хоть и безумной, можетъ-быть,
Я ложью не хочу коварной
Младому сердцу говорить.

Давно ты видѣла, я вѣрю,
Какъ раздвояется нашъ путь!
Забыть тяжелую потерю
Я постараюсь гдѣ-нибудь.

Еще пышнѣй, еще прекраснѣй
Одна—коль силы есть—цвѣти!
И тѣмъ грустнѣе, чѣмъ безстраснѣй
Мое послѣднее прости.

VIII.

Я говорилъ при разставаньи:
«Въ далекомъ и чужомъ краю
Я сохраню въ воспоминаньи
Святую молодость твою».

Я отгадалъ душой небрежной
Мою судьбу, и предо мной
Твой образъ юный, образъ нѣжный,
Съ своей младенческой красой.

И не забыть мнѣ липъ старинныхъ
Въ саду привѣтливомъ твоемъ,
Твоихъ рѣсницъ и взоровъ длинныхъ
И глазъ, играющихъ огнемъ!

———

СЕРДЦЕ.

СВОБОДА И НЕВОЛЯ.

Видишь,—мы теперь свободны
(Вѣдь одно свобода съ платой):
Мы за каждый мигъ блаженства
Жизни отдали утратой.

Что̀ жь не вижу я улыбки?
Иль всего сильнѣй привычка?
Или ты теперь изъ клѣтки
Поздно пущенная птичка?

Птичка-радость, другъ мой птичка,
Разлюби иную долю!
Видишь,—я разверзъ объятья:
Полети ко мнѣ въ неволю!

ЦЫГАНКѢ.

Молода и черноока,
Съ блѣдной смуглостью ланитъ,
Прорицательница рока
Предо мной, дитя Востока,
Улыбаяся, стоитъ.

Щеголяетъ хоръ суровый
Выраженьемъ страстныхъ лицъ;
Только дѣвѣ чернобровой
Такъ присталъ нарядъ пунцовый
И склоненіе рѣсницъ.

Перестань, не пой, довольно!
Съ каждымъ звукомъ ядъ любви
Льется въ душу своевольно
И горитъ мятежно-больно
Въ разволнованной крови.

Замолчи, не станетъ мо̀чи
Мнѣ прогрезить до утра
Про полуденныя очи
Подъ навѣсомъ темной ночи
И восточнаго шатра.

Снова слышу голосъ твой,—
Слышу и блѣднѣю...
Разставаться какъ съ душой
Съ красотой твоею!

Если бъ муку эту зналъ,
Чуялъ спозаранку,—
Не любилъ бы, не ласкалъ
Смуглую цыганку,

Не лелѣялъ бы потомъ
Этой думы томной
Въ чистомъ полѣ подъ шатромъ,
Днемъ и ночью темной!

Чтò жъ напрасно горячить
Кровь въ усталыхъ жилахъ?
Не умѣла ты любить,
Я—забыть не въ силахъ...

Ты говоришь мнѣ: прости!
Я говорю: до свиданья!
Ты говоришь: не грусти!
Я—замышляю признанья.

Дивный былъ вечеръ вчера,—
Долго онъ будетъ въ поминѣ!
Всѣмъ,—только намъ не пора...
Пламя блѣднѣетъ въ каминѣ...

Чтò же,—къ чему этотъ взглядъ?
Гдѣ жъ мой язвительный холодъ?
Грусти твоей ли я радъ?
Знать, я надмененъ и молодъ?

Чтò жъ ты вздохнула? Цвѣсти—
Цѣль вѣковая созданья!..
Ты говоришь мнѣ: прости!
Я говорю: до свиданья!

Среди несмѣтныхъ звѣздъ полночи,
Какъ эти двѣ глядятъ мнѣ въ очи,
Не поглядитъ нигдѣ звѣзда;
Но неизмѣнна воля рока:
Съ заката—той, а той—съ востока,
Имъ не сойтися никогда.

Среди людей такъ часто двое
Равно постигнули земное,
Затѣмъ, что стали высоко,
И оба сердца пышутъ страстью,
И оба сердца рвутся къ счастью,
И счастье вѣчно далеко.

Въ степной глуши, надъ влагой молчаливой,
Гдѣ круглые раскинулись листы,
Любуюсь я давно, пловецъ пугливый,
На яркіе плавучіе цвѣты.

Они манятъ и свѣжестью пугаютъ,
Когда къ звѣздамъ ихъ взорами прильну;
Кто скажетъ мнѣ, какую измѣряютъ
Подводные ихъ корни глубину?

О, не гляди такъ мягко и привѣтно,—
Я такъ боюсь забыться какъ-нибудь!
Твоей души мнѣ глубина завѣтна:
Въ свою судьбу боюсь я заглянуть...

О, не зови! Страстей твоихъ такъ звонокъ
Родной языкъ:
Ему внимать и плакать, какъ ребенокъ,
Я такъ привыкъ!

Передо мной дай волю сердцу биться
И не лукавь:
Я знаю край, гдѣ все, что̀ можетъ сниться,
Трепещетъ въявь.

Скажи: не я ль, на первыя воззванья
Страстей, въ отвѣтъ
Искалъ блаженствъ, которымъ нѣтъ названья
И мѣры нѣтъ?

Что̀ жъ? Рухнула съ разбѣга колесница,
Хоть цѣль вдали,
И, распростертъ, заносчивый возница
Лежитъ въ пыли...

Я это зналъ: съ послѣднимъ увлеченьемъ—
Конецъ всему!
Но самый прахъ съ любовью, съ наслажденьемъ
Я обойму.

Такъ предо мной дай волю сердцу биться
И не лукавь:
Я знаю край, гдѣ все, что̀ можетъ сниться,
Трепещетъ въявь.

И не зови,—но пѣсню, наудачу,
Любви запой:
На первый звукъ я, какъ дитя, заплачу
И—за тобой!

Разстались мы, ты странствуешь далече,
Но намъ дано опять
Въ таинственной и ежечасной встрѣчѣ
Другъ друга понимать.

Когда въ толпѣ живой и своевольной,
Поникнувъ головой,
Смолкаешь ты съ улыбкою невольной,—
Я говорю съ тобой.

И вечеромъ, когда въ аллеѣ темной
Ты пьешь нѣмую ночь,—
Знай, тополи и звѣзды нѣгой томной
Мнѣ вызвались помочь.

Когда ты спишь, и пологъ твой кисейный
Раздвинется въ лучахъ,
И сонъ тебя прозрачный, тиховѣйный,
Уноситъ на крылахъ,

А ты, летя въ эѳиръ неизмѣримый,
Лепечешь: «я люблю»,
Я этотъ сонъ, и я рукой незримой
Твой пологъ шевелю.

Я слышу—и судьбѣ я покоряюсь грозной,—
Давно я самъ себѣ сказалъ: не прекословь!
Но передъ жертвою покорною и слёзной
Зачѣмъ же замолчать совсѣмъ должна любовь?

Пусть радость хоть на мигъ не слышитъ порицанья!
Пусть завтра—строгій чинъ, все тотъ же, какъ вчера,—
Но нынѣ—страсть въ глазахъ, и долгія лобзанья,
И пламенныхъ надеждъ отважная игра!

27 февр. 1891.

Гаснетъ заря,—въ забытьѣ, въ полуснѣ,
Что-то неясное шепчешь ты мнѣ...
Ласки твои я разслышать хочу,—
«Знаю, ахъ, знаю», тебѣ я шепчу.

Въ блескѣ, въ румяномъ разливѣ огня,
Ты потонула, ушла отъ меня;
Я же, напрасной истомой горя,—
Лѣтняя вслѣдъ за тобою заря.

Сладко сегодня тобой мнѣ сгорать,
Сладко, летя за тобой, замирать...
Завтра, когда ты очнешься иной,
Свѣтъ не допуститъ меня за тобой.

29 дек. 1888.

Завтра—я не различаю
(Жизнь—запутанность и сложность!),
Но сегодня, умоляю,
Не шепчи про осторожность!

Гдѣ владѣть собой, коль глазки
Влагой свѣтятся туманной,
Въ часъ, когда уводятъ ласки
Въ этотъ кругъ благоуханный?

Размышлять не время, видно,
Какъ въ ушахъ и въ сердцѣ шумно!
Разсуждать сегодня—стыдно,
А безумствовать—разумно.

25 янв. 1891.

Если ты любишь, какъ я, безконечно,
Если живешь ты любовью и дышишь,—
Руку на грудь положи мнѣ безпечно:
Сердца біенья подъ нею услышишь.

О, не считай ихъ: въ нихъ, силой волшебной,
Каждый порывъ переполненъ тобою:
Такъ въ родникѣ за струею цѣлебной
Прядаетъ влага горячей струею.

Пей, отдавайся минутамъ счастливымъ,—
Трепетъ блаженства всю душу обниметъ!
Пей—и не спрашивай взоромъ пытливымъ,
Скоро ли сердце изсякнетъ, остынетъ!

Не вижу ни красы души твоей нетлѣнной,
Ни пышныхъ локоновъ, ни ласковыхъ очей:
Помимо я гляжу на жребій отдаленный
И слышу приговоръ безжалостныхъ людей,—

И только чувствую, что ты вотъ тутъ—со мною,
Со мной!—и молодость, и суетную честь,
И все, чѣмъ я дышалъ,—блаженною мечтою
Лечу къ твоимъ ногамъ младенческимъ принесть.

Я говорю, что я люблю съ тобою встрѣчи
За голосъ ласковый, за нѣжный цвѣтъ ланитъ,
За блескъ твоихъ кудрей, спадающихъ на плечи,
За свѣтъ, что въ глубинѣ очей твоихъ горитъ...

О, это все—цвѣты, букашки и каменья,
Какихъ ребенокъ радъ набрать со всѣхъ сторонъ
Любимой матери въ тѣ сладкія мгновенья,
Когда ей заглянуть въ глаза такъ счастливъ онъ!

29 мая 1891.

Прости—и все забудь въ безоблачный ты часъ,
Какъ мѣсяцъ молодой на высотѣ лазури!
И въ нѣгу вешнюю врываются не разъ
Стремленьемъ молодымъ пугающія бури,—

Когда жъ подъ тучею, прозрачна и чиста,
Повѣдаетъ заря, что минулъ день ненастья,
Былинки не найдешь и не найдешь листа,
Чтобы не плакалъ онъ и не сіялъ отъ счастья.

26 дек. 1886.

Не упрекай, что я смущаюсь,
Что я минувшее принесъ
И предъ тобою содрогаюсь
Подъ дуновеньемъ прежнихъ грёзъ:

Тѣ грёзы—жизнь ихъ осудила,
То прахъ давнишнихъ алтарей;
Но ихъ побѣднымъ возмутила
Движеньемъ ты стопы своей:

Уже мерцаетъ свѣтъ, готовый
Все озарить, всему помочь,
И, согрѣваясь жизнью новой,
Росою счастья плачетъ ночь.

3 февр. 1891.

Когда, смущенный, умолкаю,
Твоей суровостью томимъ,
Я все въ душѣ не довѣряю
Холоднымъ колкостямъ твоимъ:

Я знаю, иногда въ апрѣлѣ
Зима нежданно набѣжитъ
И дуновеніе мятели
Колючимъ снѣгомъ закружитъ,—

Но мигъ одинъ,—и солнцемъ вешнимъ
Согрѣетъ юныя поля,
И счастьемъ свѣтлымъ и нездѣшнимъ
Дохнетъ воскресшая земля.

26 марта 1892.

Черезъ тѣсную улицу здѣсь, въ высотѣ,
Отворяя порою окошко,
Я не разъ, отдаваясь лукавой мечтѣ,
Узнаю тебя, милая крошка.

Все мнѣ кажется,—дѣтски-застѣнчивый взоръ
Загорается вдругъ не напрасно,
И ко мнѣ наклоненный твой пышный проборъ
Я ужъ вижу не слишкомъ ли ясно?

Вотъ и думаю: встрѣтиться намъ на землѣ
Далеко такъ, пожалуй, и низко,—
А вотъ здѣсь-то, у крышъ, въ набѣгающей мглѣ,
Такъ привольно, такъ радостно-близко!

6 іюня 1887.

Не отнеси къ холодному безстрастью,
Что на тебя безмолвно я гляжу:
Ступенями къ томительному счастью
Не меньше я, чѣмъ счастьемъ, дорожу.

Съ собой самимъ мнѣ сладко лицемѣрить,
Хоть я давно забылъ о всемъ иномъ:
И вѣрится,—и не хочу я вѣрить,
Что нѣтъ преградъ, что мы одни вдвоемъ...

Мой поцѣлуй, и пламенный и чистый,
Не вдругъ спѣшитъ къ устамъ, или щекѣ.
Жужжанье пчелъ надъ яблоныо душистой
Отраднѣй мнѣ замолкнувшихъ въ цвѣткѣ.

15 февр. 1892.

Знаю, зачѣмъ ты, ребенокъ больной,
Такъ неотступно все смотришь за мной;
Знаю, съ чего на большіе глаза
Изъ-подъ рѣсницъ наплываетъ слеза.

Тамъ у васъ душно, тамъ жаркая грудь
Разу не можетъ прохладой дохнуть,
Да, нагоняя на слабаго страхъ,
Плаваетъ коршунъ на темныхъ кругахъ.

Только вотъ здѣсь, средь завѣтныхъ цвѣтовъ,
Тѣнь распростерла таинственный кровъ,
Только въ сердечкѣ поникнувшихъ розъ
Капли застыли младенческихъ слезъ.

22 іюля 1882.

—«Давно ль на шутки вызывала
Она, дитя, меня сама?
И вотъ—сурово замолчала,
Тепло участія пропало,
И на душѣ ея зима!..»

—«Другъ, не зови ее суровой:
Чтò снѣгомъ ты холоднымъ счелъ,—
Лишь пробужденье жизни новой,
Сплошной, душистый цвѣтъ садовый,
Весенній вздохъ и счастье пчелъ».

22 апр. 1890.

Изъ тонкихъ лилій идеала,
Изъ дѣтскихъ очерковъ чела
Ты ничего не потеряла,
Но все ты вдругъ пріобрѣла:

Твой взоръ открытѣй и безстрашнѣй,
Хотя душа твоя тиха,—
Но въ немъ сіяетъ рай вчерашній
И соучастница грѣха...

11 ноября 1890.

Весь вешній день среди стремленья
Ты безотрадно провела
И слѣдъ улыбки утомленья
Въ затишье ночи принесла.

Но, вѣрить и любить готова,
Душа къ стопамъ твоимъ летитъ,
И все мнѣ кажется, что снова
Живѣе цвѣтъ твоихъ ланитъ...

Кто, сердцевѣдецъ, разгадаетъ,
Чтò въ этомъ кроется огнѣ?
Былая скорбь, чтò угасаетъ,
Или заря навстрѣчу мнѣ?

21 янв. 1891.

Нынче первый мы слышали громъ,
Вотъ повѣяло сразу тепломъ—

И пришло мнѣ на память сейчасъ,
Какъ вчера ты измучила насъ:

Цѣлый день, холодна и блѣдна,
Ты сидѣла безмолвно одна;

Вдругъ ты встала, ко мнѣ подошла
И сказала, что все поняла,

Что напрасно жалѣть о быломъ,
Что намъ тѣсно и тяжко вдвоемъ,

Что любви затерялась стезя,
Что такъ жить, что дышать такъ—нельзя,

Что ты хочешь, рѣшилась,—и вдругъ
Разразился весенній недугъ,

И, забывши о грозныхъ словахъ,
Ты растаяла въ жаркихъ слезахъ.

Если бъ въ сердцѣ тебя я не грѣлъ, не ласкалъ,
Ни за что бъ я тебѣ этихъ словъ не сказалъ:
Я боялся бъ тебя возмутить, оскорбить
И послѣднюю искру въ тебѣ погасить.

Или воли не хватитъ смотрѣть и страдать?
Я бы могъ еще долго и долго молчать!
Но, начавъ говорить о другомъ,—я солгу,
А глядѣть на тебя я и лгать не могу.

18 янв. 1891.

Кровію сердца пишу я къ тебѣ эти строки:
Видно, разлуки обоимъ несносны уроки,

Видно, больному—напрасно къ свободѣ стремиться,
Видно, къ давно-прожитому нельзя воротиться

Видно, во всемъ, что питало горячку недуга,
Легче и слаще вблизи упрекать намъ другъ друга.

Руку бы снова твою мнѣ хотѣлось пожать!
Прежняго счастья, конечно, уже не видать,
Но и подъ старость отрадно очами недуга
Вновь увидать неизмѣнно-прекраснаго друга.

Въ голой аллеѣ, гдѣ листъ подъ ногами шумитъ,
Какъ-то пугливо и сладостно сердце щемитъ,
Если стопамъ попирать довелося устало
То, что когда-то такъ много блаженства скрывало.

14 авг. 1888.

Хоть нельзя говорить, хоть и взоръ мой поникъ,—
У дыханья цвѣтовъ есть понятный языкъ:

Если ночь унесла много грезъ, много слезъ,
Окружусь я тогда горькой сладостью розъ;

Если тихо у насъ и не вѣетъ грозой,
Я безмолвно о томъ намекну резедой;

Если нѣжно ко мнѣ приласкалася мать,
Я съ утра уже буду фіалкой дышать;

Если жъ скажетъ отецъ: «Не грусти, я готовъ»—
Съ благовоньемъ войду апельсинныхъ цвѣтовъ.

3 авг. 1887.

Я зналъ ее малюткою кудрявой,
Голубоглазой дѣвочкой: она,
Казалось, вся изъ рѣзвости лукавой
И скромности румяной сложена.

И въ тѣ лѣта какой-то кругъ влеченья
Былъ у нея и звалъ ее ласкать:
На ней лежалъ оттѣнокъ предпочтенья
И женскаго служенія печать.

Я зналъ ее красавицей: горѣли
Ея глаза священной тишиной,
Какъ свѣтлый день, какъ ясный звукъ свирѣли
Она неслась надъ грѣшною землей.

Я зналъ его,—и какъ она любила,
Какъ искренно предъ нимъ она цвѣла,
Какъ много слезъ она ему дарила,
Какъ много счастья въ душу пролила!

Я видѣлъ часъ ея благословенья,—
Дѣтей въ слезахъ покинувшую мать...
На ней лежалъ оттѣнокъ предпочтенья
И женскаго служенія печать.

ПРЕВРАЩЕНЬЯ.

Давно,—въ порѣ ребяческой твоей,—
Ты червячкомъ мнѣ пестренькимъ казалась
И ласково изъ-за однихъ сластей
Вокругъ родной ты вѣтки увивалась.

И вотъ теперь ты, куколка моя,
Живой души движенія скрываешь
И, красоту застѣнчиво тая,
Взглянуть на свѣтъ украдкой затѣваешь.

Постой, постой, порвется пелена,
На Божій свѣтъ съ улыбкою проглянешь
И—весела и днемъ упоена—
Ты яркою намъ бабочкой предстанешь.

МОЯ УНДИНА.

Она рѣзва
Какъ рыбка;
Ея слова
Такъ шибко

Звучатъ въ рѣчи
Готовы
И, какъ ключи,
Все новы;

Она свѣтлѣй
Фонтана,
Она скрытнѣй
Тумана;

Немного зла,
Ревнива;
Зато мила—
На диво.

Я люблю его жарко: онъ тигромъ въ бою
Нападаетъ на хищныхъ враговъ!
Я люблю въ немъ отраду, награду мою
И потомка великихъ отцовъ.

Кто бы ни былъ ты,—странникъ простой, иль купецъ,—
Ни овцы ни верблюда не тронь!
Отъ кобылъ Мугаммеда его жеребецъ,—
Что небесный огонь этотъ конь!

Только мирный пришлецъ нагибайся въ шатеръ
И одежду дорожную скинь.
На услугу и ласку онъ ловокъ и скоръ:
Онъ бадья при колодцѣ пустынь.

Будто мѣсяцъ надъ кедромъ, бѣлѣетъ чалма
У него средь широкихъ степей.
Я люблю, и никто—ни Фатима сама
Не любила Пророка сильнѣй!

Не дивись, что я черна,
Опаленная лучами:
Посмотри, какъ я стройна
Между старшими сестрами!

Оглянись: сошла вода,
Зимній дождь не хлещетъ болѣ,
На горахъ опять стада,
И оратай вышелъ въ поле.

Розой горъ меня зови,—
Ты красой моей ужаленъ,
И цвѣту я для любви,
Для твоихъ опочиваленъ.

Цѣлый міръ пахнулъ весной,
Тайный жаръ владѣетъ дѣвой...
Я прильну къ твоей десной,
Ты меня обнимешь лѣвой.

Я пройду къ тебѣ въ ночи
Незамѣтными путями;
Отопрись—и опочій
У меня между грудями.

Юноша, взоромъ блестя, ты видишь всѣ прелести дѣвы:
Взоръ преклонивши, она видитъ твою красоту.

Мы встрѣтились вновь послѣ долгой разлуки,
Очнувшись отъ тяжкой зимы:
Мы жали другъ другу холодныя руки—
И плакали, плакали мы...

Но въ крѣпкихъ незримыхъ оковахъ сумѣли
Держать насъ людскіе умы:
Какъ часто въ глаза мы другъ другу глядѣли—
И плакали, плакали мы!

Но вотъ засвѣтилось надъ черною тучей
И глянуло солнце изъ тьмы:
Весна,—мы сидѣли подъ ивой плакучей,—
И плакали, плакали мы!..

30 марта 1891.

Она ему—образъ мгновенный,
Чарующій ликомъ своимъ;
Онъ—помыслъ ея сокровенный...
Да кто это знаетъ? Да кто это выскажетъ имъ?

И, словно велѣніемъ рока,
Ихъ юныя крылья несутъ...
Такъ теплится счастье далеко,
Такъ холоденъ ближній, родимый пріютъ!

Предъ нимъ—сновидѣніе рая,
Всевластный надъ ней серефимъ,—
Сгораетъ ихъ жизнь молодая...
Да кто это знаетъ? Да кто это выскажетъ имъ?

3 апр. 1892.

Толпа тѣснилася. Рука твоя дрожала,
Сдвигая складками бѣгущій съ плечъ атласъ.
Я знаю: «завтра» ты невнятно прошептала,
Потомъ ты вспыхнула и скрылася изъ глазъ..

А онъ? Съ усиліемъ сложилъ онъ накрестъ руки,
Стараясь подавить восторгъ въ груди своей,
И часа поздняго пророческіе звуки
Смѣшались съ топотомъ помчавшихся коней.

Казались безъ конца тебѣ часы ночные,
Ты не смежила вѣждъ горячихъ на покой,
И сильфы рѣзвые и феи молодыя
Все «завтра!» до зари шептали надъ тобой.

Онъ ѣстъ,—а ты цвѣтешь напрасной красотою,
Во мглу тяжелыхъ тучъ сокрылася любовь,
И радость надъ твоей прелестной головою
Роскошною звѣздой не загорится вновь.

И жертва зависти, и жертва кривотолка,
За прелесть дѣтскую погибнуть ты должна...
Такъ бьется, крылышки раскинувъ, перепелка,
Раздавлена ногой жующаго вола.

30 марта 1886.

УЗНИКЪ.

Густая крапива
Шумитъ подъ окномъ
Зеленая ива
Повисла шатромъ.

Веселыя лодки
Въ дали голубой.
Желѣзо рѣшетки
Визжитъ подъ пилой.

Бывалое горе
Уснуло въ груди:
Свобода и море
Горятъ впереди.

Прибавилось духа,
Затихла тоска,—
И слушаетъ ухо
И пилитъ рука...

БОЛЬНОЙ.

Его томилъ недугъ. Тяжелый зной печей,
Казалось, каждый вздохъ оспаривалъ у груди.
Его томилъ напѣвъ безсмысленныхъ рѣчей,
Ему противны стали люди.

На стѣны онъ кругомъ смотрѣлъ какъ на тюрьму,
Онъ обращалъ къ окну горящія зѣницы,
И свѣта Божьяго хотѣлося ему,
Хотѣлось воздуха, которымъ дышатъ птицы,—

А тамъ, за стеклами, какъ чуткій сонъ легки,
Съ востока яркаго все шире дни летѣли,
И солнце теплое, морозамъ вопреки,
Вдоль крышъ развѣсило капели.

Просиживая дни, онъ думалъ все одно:
«Я знаю, небеса весны меня излѣчатъ»...
И ждалъ онъ: скоро ли весна пахнетъ въ окно,
И тамъ двѣ ласточки, прижавшись, защебечутъ?

ОШИБКА.

Не вѣдалъ жизни онъ и не растратилъ силъ
Въ тоскѣ бездѣйствія, въ чаду безплодныхъ бредней;
Дикарь съ младенчества, ее онъ полюбилъ
Любовью первой и послѣдней

Онъ не сводилъ очей съ прекраснаго чела.
Тоскливый взоръ его свѣтился укоризной,—
Онъ на нее смотрѣлъ: она ему была
Свободой, честію, отчизной.

Любимой пѣснею, улыбкой на устахъ
Напрасно скрыть она старалася страданья:
Онъ нѣжности, любви искалъ въ ея глазахъ—
И встрѣтилъ нѣжность состраданья...

Разстались наконецъ. О, какъ порой легко
Прервать смущеніе безтрепетной разлуки!
Но въ сердце у него запали глубоко
Порывы затаенной муки.

Ушелъ онъ на Востокъ. Въ горахъ, въ развалѣ битвъ,
Который годъ уже война его стихія,—
Но имя онъ одно твердитъ среди молитвъ
И чуетъ сердцемъ, гдѣ Россія...

Давно настала ночь, давно угасъ костеръ,—
Лишь два штыка вдали встрѣчаются, сверкая,
Да тамъ, на сѣверѣ, надъ самой высью горъ
Звѣзда сіяетъ золотая.

СЕСТРА.

Милой меня называлъ онъ вчера,
Въ зеркалѣ точно себя не я вижу!
Боже, зачѣмъ хороша такъ сестра,
Что передъ ней я себя ненавижу?

Голосъ его, прерываясь, дрожалъ,—
Даже въ сердцахъ я его проводила:
Образъ сестры предо мною стоялъ...
Такъ я всю ночь по аллеѣ ходила.

Въ спальню вошла я. Она ужъ спала,
Мѣсяцъ ей кудри осыпалъ лучами...
Я не могла устоять,—подошла
И, наклонясь, къ ней прильнула устами.

Какъ хороша, какъ свѣтла и добра!
Нѣтъ, и сравненьемъ ея не обижу!..
Милой меня называлъ онъ вчера,
Въ зеркалѣ точно себя я не вижу!

ПѢСНЬ ПАЖА.

(Изъ временъ рыцарства).

Говорятъ, мой голосъ звонокъ;
Говорятъ, мой волосъ тонокъ,—
Что красавецъ я;
Говорятъ, я злой ребенокъ,—
Богъ имъ въ томъ судья!

Мнѣ сулятъ во всемъ удачу,
Судятъ, рядятъ наудачу,—
Кто ихъ разберетъ!
А не знаютъ, какъ я плàчу
Ночи напролетъ.

«Онъ дитя»—меня балуютъ,
«Онъ дитя»—меня цѣлуютъ...
Боже мой! Онѣ
И не знаютъ, что волнуютъ,
Мучатъ все во мнѣ.

Цѣловалъ бы, да не смѣю,
Прошепталъ бы, да робѣю;
Этимъ все гублю...
А давно сказать умѣю:
Я люблю! Люблю!

Отчего со всѣми я любезна,
Только съ нимъ насъ раздѣляетъ бездна?

Отчего съ нимъ, хоть его бѣгу я,
Не встрѣчаться всюду не могу я?

Отчего, когда его увижу,
Словно весь я свѣтъ возненавижу?

Отчего, какъ съ нимъ должна остаться,
Такъ и рвусь надъ нимъ же издѣваться?

Отчего—кто разрѣшитъ задачу?—
До зари потомъ всю ночь проплачу?

НЕОТРАЗИМЫЙ ОБРАЗЪ.

Въ уединеніи забудусь ли порою,
Рѣсницы ли мечта смежаетъ мнѣ какъ сонъ,
Ты, ты опять въ дали стоишь передо мною,
Моихъ весеннихъ дней сіяньемъ окруженъ.

Все, что̀ разрушено, но въ бѣдномъ сердцѣ живо,
Что̀ бездной между насъ зіяющей легло,
Не въ силахъ удержать души моей порыва,
И снова я съ тобой,—и у тебя свѣтло.

Не для тебя кумиръ измѣнчивый и бренный
Въ сердечной слѣпотѣ изъ праха создаю:
Мнѣ эта даль мила: въ ней—призракъ неизмѣнный—
Опять чиста, свѣтла, я предъ тобой стою.

Ни дѣтскихъ слезъ моихъ, ни мукъ души безгрѣшной,
Ни женской слабости винить я не могу,
Къ святынѣ ихъ стремлюсь съ тоскою безутѣшной
И въ ужасѣ стыда твой образъ берегу.

Всю ночь гремѣлъ оврагъ сосѣдній.
Ручей, бурля, бѣжалъ къ ручью.
Воскресшихъ водъ напоръ послѣдній
Побѣду разглашалъ свою.

Ты спалъ. Окно я растворила,
Въ степи кричали журавли,
И сила думы уносила
За рубежи родной земли,

Летѣть къ безбрежью, бездорожью,
Черезъ лѣса, черезъ поля,—
А подо мной весенней дрожью
Ходила гулкая земля...

Какъ вѣрить перелетной тѣни?
Къ чему мгновенный сей недугъ,
Когда ты здѣсь, мой добрый геній,
Бѣдами искушенный другъ?

За горами, песками, морями
Вѣчный край благовонныхъ цвѣтовъ,
Гдѣ, овѣяны яркими снами,
Дремлютъ розы, не зная снѣговъ.

Но красы истомленной молчанье
Тамъ на все налагаетъ печать,
И палящаго солнца лобзанье
Призываетъ не пѣть, а дышать.

Восприявъ опьянѣнія долю
Задремавшихъ лѣсовъ и полей,
Гдѣ же вырваться птичкѣ на волю
Съ затаенною пѣснью своей?

И сюда я, гдѣ сумракъ короче,
Гдѣ заря любитъ зорю будить,
Въ холодокъ вашей сѣверной ночи
Прилетаю и пѣть и любить.

3 мая 1891.

НА КАЧЕЛЯХЪ.

И опять въ полусвѣтѣ ночномъ
Средь веревокъ, натянутыхъ туго,
На доскѣ этой шаткой вдвоемъ
Мы стоимъ и бросаемъ другъ друга—

И, чѣмъ ближе къ вершинѣ лѣсной,
Чѣмъ страшнѣе стоять и держаться,
Тѣмъ отраднѣй взлетать надъ землей
И однимъ къ небесамъ приближаться.

Правда, это—игра, и при томъ
Можетъ выйти—игра роковая,
Но и жизнью играть намъ вдвоемъ,—
Это—счастье, моя дорогая!

26 марта 1890.

ДѢТСКІЙ МІРЪ.

Задрожали листы, облетая;
Тучи неба закрыли красу.
Съ поля буря, ворвавшися, злая
Рветъ, и мечетъ, и воетъ въ лѣсу.

Только ты, моя милая птичка,
Въ тепломъ гнѣздышкѣ еле видна,
Свѣтлогруда, легка, невеличка,
Не запугана бурей одна.

И грохочетъ громовъ перекличка,
И шумящая мгла такъ черна,—
Только ты, моя милая птичка,
Въ тепломъ гнѣздышкѣ еле видна.

13 іюля 1887.

ВОРОТЪ.

«Спать пора! Свѣча сгорѣла,
Да и ты, моя краса,—
Голова отяжелѣла,
Кудри лѣзуть на глаза...

Стань вотъ тутъ передъ иконы,
Я постельку стану стлать.
Не спѣши же класть поклоны,
«Богородицу» читать!

Видишь, глазки-то бѣдняжки
Такъ и просятся уснуть!
Только воротъ у рубашки
Надо прежде разстегнуть».

—«Отчего же, няня, надо?»
—«Надо, другъ мой, чтобъ тобой,
Не сводя святого взгляда,
Любовался ангелъ твой.

Твой хранитель, ангелъ Божій,
Прилетаетъ по ночамъ,
Какъ и ты, дитя, пригожій,
Только крылья по плечамъ.

Коль твою онъ видитъ душку,
Воротъ вскрытъ,—и тихъ твой сонъ:
Тихо справа на подушку,
Улыбаясь, сядетъ онъ.

А закрыта душка, спрячетъ
Душку воротъ, мутны сны:
Ангелъ взглянетъ и заплачетъ,
Сядетъ съ лѣвой стороны.

Надъ тобой Господня сила!
Дай, я воротъ распущу.
Ужъ подушку я крестила
И тебя перекрещу».

———

Котъ поетъ, глаза прищуря;
Мальчикъ дремлетъ на коврѣ.
На дворѣ играетъ буря,
Вѣтеръ свищетъ на дворѣ...

—«Полно тутъ тебѣ валяться,—
Спрячь игрушки, да вставай!
Подойди ко мнѣ прощаться,
Да и спать себѣ ступай».

Мальчикъ всталъ. А котъ глазами
Поводилъ, и все поетъ;
Въ окна снѣгъ валитъ клоками,
Буря свищетъ у воротъ

Мама, глянь-ка изъ окошка,—
Знать, вчера недаромъ кошка
Умывала носъ:
Грязи нѣтъ, весь дворъ одѣло,
Посвѣтлѣло, побѣлѣло,—
Видно, есть морозъ,

Неколючій, свѣтло-синій
По вѣтвямъ развѣшанъ иней,—
Погляди хоть ты!
Словно кто-то тароватый
Свѣжей, бѣлой, пухлой ватой
Всѣ убралъ кусты.

Ужъ теперь не будетъ спору;
За салазки, да и въ гору
Весело бѣжать!
Правда, мама? Не откажешь,
А сама навѣрно скажешь:
—«Ну, скорѣй гулять!»

9 дек. 1887.

КОМЕТА.

—«Дѣдушка, это звѣзда не такая, —
Знаю свою я звѣзду:
Всѣхъ-то добрѣе моя золотая,
Я ее тотчасъ найду!

Эта—гляди-ка, вонъ тамъ, за рѣкою, —
Съ огненнымъ длиннымъ перомъ;
Пишетъ она, что ни ночь, надъ землею,
Страшнымъ пугаетъ судомъ.

Какъ засвѣтилася въ небѣ пожаромъ,
Только и слышно съ тѣхъ поръ:
Будутъ у насъ—появилась не даромъ —
Голодъ, война или моръ...»

—«Полно, голубчикъ,—напрасная смута;
Жили мы, будешь ты жить,
Будешь звѣзду, какъ и мы же,—свою-то,
Видѣть и вѣчно любить;

Этой—недолго, вонъ, такъ красоваться:
Ей не сродниться ни съ кѣмъ;
Будутъ, покуда, глядѣть и бояться —
И позабудутъ совсѣмъ».

БѢДНЫЙ МАЛЬЧИКЪ.

На дворѣ не слышно вьюги,
Надъ землей туманный паръ.
Ужъ давно вода остыла,
Смолкъ шумливый самоваръ.

Няня старая не видитъ
И не слышитъ—все прядетъ:
Мочку лѣвою пощиплетъ,
Правой нитку отведетъ.

А ребенокъ все играетъ.
Какъ хорошъ онъ при огнѣ!
И кудрявая головка
Отразилась на стѣнѣ...

Вотъ задумалася няня,
Со свѣчи нагаръ сняла
И прекраснаго малютку
Ближе къ свѣчкѣ подвела.

— «Дай-ка ручки!» Няня хочетъ
Посмотрѣть на ихъ черты.
«Что̀, на пальчикахъ дорожки
Не кружками ль завиты?

Ахъ, послѣдній даже пальчикъ
Безъ кружка, дитя мое...»
Вотъ заплакала,—и плачетъ
Мальчикъ, глядя на нее...

БѢДНЫЙ МАЛЬЧИКЪ.

„Дай-ка нянѣ ручки-крошки,—
Поглядѣть на нихъ персты,—
Что̀, на кончикахъ дорожки
Не кружками ль завиты?

Ахъ, послѣдній даже пальчикъ
Безъ кружка, дитя мое!..»
Вотъ заплакала, и мальчикъ
Плачетъ, глядя на нее...

РЕБЕНКУ.

Я слышу звонъ твоихъ рѣчей,
Куда рѣзвиться ни бѣги ты.
Я вижу дѣтскій блескъ очей
И запылавшія ланиты...

Постой,—шалить не долгій срокъ,
Май остудить тебя сумѣетъ,
И розы пурпурный шипокъ
Вдругъ, раскрываясь, поблѣднѣетъ.

18 апр. 1886.

1881 ГОДА, 11 ІЮЛЯ.

Желаю Олѣ
Здоровья болѣ,

Чтобъ жить ей долѣ,
Пока на волѣ,

А въ брачной долѣ—
У мужа въ холѣ.

МИТѢ БОТКИНУ.

Митя-крошка,
Понемножку
Поджидай,
Да съ Покровки
Къ Воробьевкѣ
Подъѣзжай.

Не упрямый,
Сядешь съ мамой
Ты въ вагонъ,
А проснешься —
Къ намъ взберешься
На балконъ.

Будутъ розы,
Будутъ козы
Митю ждать;
Будетъ въ гротѣ
Митю тетя
Цѣловать.

НА СМЕРТЬ МИТИ БОТКИНА.

Тебя любили мы за рѣзвость молодую,
За нѣжность милыхъ словъ...
Другъ Митя, ты унесъ нежданно въ жизнь иную
Надежды стариковъ!

Уже слетѣлъ недугъ, навѣянъ злобнымъ рокомъ,
Твой пышный цвѣтъ сорвать, —
Дитя, ты намъ предсталъ тогда живымъ урокомъ,
Какъ жить и умирать:

Когда, теряясь, всѣ удерживали слезы
Надъ мальчикомъ больнымъ,
Блаженныя свои и золотыя грёзы
Передавалъ ты имъ —

И передъ смертію, живой исполненъ ласки,
Ты взоръ обвелъ кругомъ
И тихо самъ закрылъ младенческіе глазки,
Уснувъ послѣднимъ сномъ...

15 дек. 1886.

О Д Ы.

1 МАРТА 1881 ГОДА.

День искупительнаго чуда,
Часъ освященія креста:
Голгоѳѣ передалъ Іуда
Окровавленнаго Христа.

Но Сердцевѣдецъ безмятежный
Давно, смиряяся, постигъ,
Что не проститъ любви безбрежной
Ему коварный ученикъ.

Передъ безмолвной жертвой злобы,
Завидя праведную кровь,
Померкло солнце, вскрылись гробы,
Но разгорѣлася любовь.

Она сіяетъ правдой новой:
Благословивъ ея зарю,
Онъ крестъ и Свой вѣнецъ терновый
Земному передалъ царю.

Безсильны козни фарисейства:
Что̀ было кровь, то стало храмъ,
И мѣсто страшнаго злодѣйства —
Святыней вѣковѣчной намъ!

КОРОЛЕВѢ ЭЛЛИНОВЪ ОЛЬГѢ КОНСТАНТИНОВНѢ.

Въ стѣнахъ, куда внесла Паллада
Оливу дѣвственной рукой,
Теперь духовный миръ Эллада
Пріемлетъ отъ руки иной.

Всю память сердца, радость ока,
Акрополь, ты плѣнилъ одинъ, —
И для жемчужины Востока
Оправы чище нѣтъ Аѳинъ.

---

15 МАЯ 1883 ГОДА.

(На коронованіе Императора Александра III).

Какъ солнце вешнее, сіяя
Въ лучахъ, не даромъ ты взошелъ
Во дни живительнаго мая
На прародительскій престолъ.

Горитъ алмазъ, блестятъ короны,
И вкругъ соборовъ и дворца,
Какъ юныхъ листьевъ милліоны,
Обращены къ тебѣ сердца.

О, будь благословенъ сторицей
Надъ міромъ, Русью и Москвой
И богоданной багряницей
Отъ искушеній насъ укрой!

КОРОЛЕВѢ ЭЛЛИНОВЪ ОЛЬГѢ КОНСТАНТИНОВНѢ.

Съ безумною отвагою поэта
Дерзаю руки воздѣвать,
Моля того священнаго портрета,
Чтò только Фебъ умѣлъ списать,

Чтобъ этотъ ликъ воздушный, безтѣлесный,
Про дальній блескъ повѣдалъ самъ,
И вѣчный лучъ красы его небесной
Сіялъ слабѣющимъ глазамъ.

28 дек. 1886.

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ.

Пѣвцамъ, высокое намъ мило:
Въ насъ разгоняетъ сонъ души
Днемъ—лучезарное свѣтило,
Узоры звѣздъ—въ ночной тиши;

Поемъ мы пурпура сіянье,
Побѣды гордые часы,
И вѣчной мѣди изваянье,
И мимолетныя красы;

Но нѣтъ красы, значеньемъ равной
Той, у которой, всемогущъ,
Изъ-подъ вѣнца семьи державной
Нетлѣнный зеленѣетъ плющъ!

4 дек. 1886.

КОРОЛЕВѢ ЭЛЛИНОВЪ ОЛЬГѢ КОНСТАНТИНОВНѢ.

Всю жизнь душа моя алкала;
Всю жизнь, среди пустынь и скалъ,
Святого храма идеала,
Усталый путникъ, я искалъ—

И вотъ за дальними морями
Провижу чистый этотъ храмъ
И окрыленными мечтами
Несусь припасть къ твоимъ стопамъ.

Но замираютъ звуки лиры
Въ рукахъ дряхлѣющихъ пѣвца:
Его смущаетъ видъ порфиры,
И ослѣпляетъ блескъ вѣнца.

Воздвигни жъ хоры пѣснопѣній,
Младыя окрыли мечты,
Царица свѣтлыхъ вдохновеній
И королева красоты!

29 дек. 1886.

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ.

Сплываютъ ледяные своды.
Твое явилось черезъ воды
Письмо съ короной золотой.
Ко мнѣ, простившись со столицей,
Примчались звучной вереницей
Стихи, пропѣтые тобой.

Ужели жизнь опять привѣтна?
Ужель затихли безотвѣтно
И буря и недуга злость?
Какая вѣсть благоволенья!
Какая свѣжесть вдохновенья!
Какой въ глуши высокій гость!

Весной нежданной сладко вѣетъ,
Въ груди теплѣй, въ глазахъ свѣтлѣетъ,
Я робко за тобой пою, —
И сердце благодарно снова
За жаръ живительнаго слова,
За юность свѣтлую твою.

25 марта 1887.

КОРОЛЕВѢ ЭЛЛИНОВЪ ОЛЬГѢ КОНСТАНТИНОВНѢ

при полученіи ея портрета.

Звѣзда сіяла на Востокѣ,
И изъ степныхъ далекихъ странъ
Сѣдые понесли пророки
Въ дань злато, смирну и ливанъ.

Изумлены ся красою,
Волхвы маститые пошли
За путеводною звѣздою
И пали до лица земли.

И предо мной, въ степи безвѣстной,
Взошла звѣзда твоихъ щедротъ:
Она свой лучъ въ красѣ небесной
На поздній вечеръ мой прольетъ;

Но у меня для приношенья
Ни злата ни ливана нѣтъ, —
Лишь съ ѳиміамомъ пѣснопѣнья
Падетъ къ стопамъ твоимъ поэтъ.

1 апр. 1887.

КОРОЛЕВѢ ЭЛЛИНОВЪ ОЛЬГѢ КОНСТАНТИНОВНѢ.

11 іюля 1887.

Когда бъ дерзалъ, когда бъ я славилъ
Сей день подъ звуки райскихъ лиръ,
То бъ съ кроткимъ ангеломъ поздравилъ
Я не ее, а Божій міръ.

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ

(на 3-мъ выпускѣ «Вечернихъ огней»).

Трепетный факелъ,—съ вечернимъ мерцаніемъ
Сна непробуднаго чуя истому, —
Немощенъ силой, но гордъ упованіемъ,
Вѣстнику свѣта сдаю молодому.

15 янв. 1888.

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ И ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ ЕЛИСАВЕТѢ МАВРИКІЕВНѢ.

Давно познавъ, какъ ранятъ больно
Иныя тернія вѣнковъ,
Нерѣдко съ грустію невольной
Гляжу на юношей-пѣвцовъ.

Но предъ высокою четою
Въ душѣ моей всегда свѣтло:
За вдохновенной головою
Бѣлѣетъ ангела крыло.

Оно поэту въ мигъ сомнѣній,
Въ минуту затаенныхъ слезъ,
Навѣетъ горнихъ сновидѣній
И аромата райскихъ розъ.

30 янв. 1889.

ОНА

Великой Княгинѣ Елисаветѣ Маврикіевнѣ.

Двѣ незабудки, два сапфира
Ея очей привѣтный взглядъ,
И тайны горнаго эѳира
Въ живой лазури ихъ сквозятъ.

Ея кудрей руно златое
Въ такомъ свѣту, какой одинъ,
Изображая неземное,
Сводилъ на землю Перуджинъ.

20 марта 1889.

НА БРАКОСОЧЕТАНІЕ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПАВЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА И ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ АЛЕКСАНДРЫ ГЕОРГІЕВНЫ.

Не воспѣвай, не славословь
Великокняжеской порфиры,—
Повѣдай первую любовь
И возвѣсти струнами лиры,

Кто сердце дѣвы молодой
Впервые трепетать заставилъ:
Не ты ли, витязь удалой,
Красавецъ, царскій конникъ, Павелъ?

Созданій сказочныхъ мечту
Твоя избранница затмила:
Трехъ поколѣній красоту
Дочь королевы совмѣстила.

Суля четѣ блаженства дни,
Предъ ней уста нѣмѣютъ наши:
Цвѣтовъ, влюбленныхъ какъ они,
Двухъ въ мірѣ не найдется краше.

9 мая 1889.

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ И ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ ЕЛИСАВЕТѢ МАВРИКІЕВНѢ

при взглядѣ на ихъ портреты.

Сердце желаніемъ встрѣчи томимо,
Тайныя слезы стыдятся улики:
Смотрятъ вослѣдъ проходящему мимо
Ваши прелестные, кроткіе лики!

Эти два снимка начерчены Фебомъ,
Горе при нихъ исчезаетъ мгновенно:
Какъ суждено расцвѣсти ей подъ небомъ,—
Юная ихъ красота неизмѣнна.

Вижу сіянье и вижу участье,
Нѣжные помысловъ свѣтлыхъ владыки!
Въ душу вселяютъ и радость и счастье
Ваши высокіе, кроткіе лики.

4 іюня 1889.

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ ЕЛИСАВЕТѢ МАВРИКІЕВНѢ.

Людскія такъ грубы слова,—
Ихъ даже нашептывать стыдно!
На цвѣтъ, проглянувшій едва,
Смотрѣть при тебѣ мнѣ завидно:

Вотъ роза раскрыла уста,—
Въ нихъ дышитъ моленье нѣмое,
Чтобъ ты пребывала чиста,
Какъ сердце ея молодое;

Вотъ, нѣжа дыханье и взоръ,
Отъ счастія роза увяла—
И свой благовонный уборъ
Къ твоимъ же ногамъ разроняла.

3 окт. 1889.

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ

при книгѣ «Мои воспоминанія».

Предъ вами правда несомнѣнно
О всемъ, что̀ было и прошло
Тутъ признаётся откровенно
Въ пережитомъ добро и зло.

Но средь заносчивой огласки
Не говорятъ уста мои,
Какія старецъ встрѣтилъ ласки
Великокняжеской семьи.

Сказать, какъ жизнь мнѣ озарило
Сіянье царственныхъ свѣтилъ,
У сельской музы не хватило
Ни дерзновенія, ни силъ.

13 марта 1890.

КЪ НЕЙ.

Великой княгинѣ Елисаветѣ Маврикіевнѣ.

Кто постигнетъ улыбку твою
И лазурныхъ очей выраженье,
Тотъ поймётъ и молитву мою
И восторженныхъ устъ пѣснопѣнье.

День смолкаетъ надъ жаркой землей,
И, нетлѣнной пылая порфирой,
Вотъ онъ самъ, Аполлонъ молодой.
Вдаль уходитъ съ колчаномъ и лирой:

Пусть ты отблескъ, плѣняющій насъ,
Пусть за нимъ ты несешься мечтою,—
Но тебѣ нашъ молитвенный часъ,
Что̀ слетаетъ къ намъ въ душу съ зарею.

21 апр. 1890.

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ.

Когда, колеблемъ треволненьемъ,
Лавровый обронивъ вѣнецъ,
Ты загрустилъ, что вдохновеньемъ
Покинутъ, молодой пѣвецъ,—

Я зналъ, что сила музы плѣнной
Тебѣ на счастіе растетъ,
Что чадъ разсѣется мгновенный,
И снова, свѣтлый, вдохновенный,
Мнѣ милый голосъ запоетъ:

И вотъ изъ сѣверной столицы,
Восторговъ вешнихъ не тая,
Съ зеленой вѣткой голубицы
Ко мнѣ примчалась пѣснь твоя.

8 мая 1890.

КОРОЛЕВѢ ЭЛЛИНОВЪ ОЛЬГѢ КОНСТАНТИНОВНѢ.

11 іюля 1891.

Когда-то Ольга душу живу
У грековъ въ вѣрѣ обрѣла
И райскій кедръ и Божью ниву
На сѣверъ съ юга привлекла.

И вотъ прошло тысячелѣтье,—
И надъ полуночной страной
Склонилось древа жизни вѣтвье
Неувядающей весной:

Среди духовнаго посѣва,
Въ вѣкахъ созрѣвшаго опять,
Несетъ намъ Ольга королева
Красу и Божью благодать.

Полнѣй семья ея родная,
И снова восхищаетъ взоръ
И Ольга, царственно-благая,
И вѣстникъ счастья Христофоръ.

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ.

Не сѣтуй, будто бы увяла
Мечта, встрѣчавшая зарю,
И что давно не призывала
Тебя богиня къ алтарю:

И самъ ты храмъ любвеобильный,
И усладительной волной
Въ него влетаетъ зовъ всесильный,
Колебля сводъ его живой.

Пускай чредой неутомимой
Тѣснятся трудовые дни,
Но помнимъ мы, что тамъ, незримый,
Оргѝнъ безмолвствуетъ въ тѣни:

Когда затихнутъ на мгновенье
И блескъ и шумъ,—тогда лови
И миръ души, и вдохновенье,
И намъ запой слова любви!

24 авг. 1891.

НА ПОГРЕБЕНІЕ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ АЛЕКСАНДРЫ ГЕОРГІЕВНЫ.

Въ письмѣ къ В. К. Константину Константиновичу.

Тамъ, гдѣ на красныя ступени,
У гроба, гдѣ стоите вы,
Склонялись царскія колѣни
И вѣнценосныя главы,—

Нѣмѣетъ скорбь, сгораютъ слезы,
Когда, какъ жертва убрана,
Нѣжнѣй и чище вешней розы,
Сама безмолвствуетъ она!..

Лишь мигъ цвѣла она межъ нами,
Съ улыбкой счастія въ тиши,
Чтобъ воспріяли мы сердцами
Весь ароматъ ея души.

Намъ не повѣдалъ ангелъ свѣта,
Зачѣмъ, когда переносилъ
Къ намъ райскій цвѣтъ онъ въ часъ расцвѣта,
Его онъ въ бездну уронилъ.

Иль,—полнымъ благодатной силы,
Цвѣтку расцвѣсть въ рукѣ Творца,
Чтобы скорбящихъ у могилы
Родныя врачевать сердца?..

18 сент. 1891.

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ ЕЛИСАВЕТѢ МАВРИКІЕВНѢ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ

на милостивыя строки отъ 21 октября.

Когда дыханье множитъ муки,
И было бъ сладко не дышать,
Ка̀къ вновь любви разслышать звуки,
И ка̀къ на зовъ тотъ отвѣчать?

Привѣтъ вашъ райскою струною
Обитель смерти пробудилъ,
На мигъ вскипѣвшею слезою
Онъ взоръ страдальца остудилъ.

И на землѣ, гдѣ все такъ бренно,
Лишь слезъ подобныхъ ясенъ путь:
Ихъ сохранитъ навѣкъ нетлѣнно
Предъ вами старческая грудь.

23 окт. 1892.

СТИХОТВОРЕНІЯ НА СЛУЧАЙ.

ГРАФИНѢ С. А. ТОЛСТОЙ

(супругѣ гр. Л. Н. Толстого).

Когда такъ нѣжно расточала
Кругомъ привѣты взоровъ ты,
Ты мимолетно разгоняла
Мои печальныя мечты, —

И вотъ, исполненъ обаянья,
Передъ тобою, здѣсь, въ глуши,
Я понялъ, свѣтлое созданье,
Всю чистоту твоей души.

Пускай терниста жизни проза,
Я просвѣтлѣть готовъ опять
И за тебя, звѣзда и роза,
Закатъ любви благословлять.

Хоть меркнетъ жизнь моя безслѣдно,
Но образъ твой со мной вездѣ:
Такъ свѣтятъ звѣзды всепобѣдно
На темномъ небѣ и въ водѣ.

ГРАФИНѢ С. А. ТОЛСТОЙ

(супругѣ гр. Л. Н. Толстого).

Когда стопой слегка усталой
Зайдете въ брошенный цвѣтникъ,
Гдѣ подъ травою одичалой
Цвѣтокъ задавленный приникъ,

Скажите: «Давнею порою
Тутъ жилъ поклонникъ красоты:
Онъ безкорыстною рукою
И для меня сажалъ цвѣты».

ГРАФИНѢ С. А. ТОЛСТОЙ

(супругѣ гр. Л. Н. Толстого).

Я не у васъ, я обдѣленъ!
Какъ тяжело изнеможенье!
У васъ—порывы, блескъ, движенье,
А у меня—не бредъ, а сонъ.

Какое счастье—хоть на мигъ
Залюбоваться жизни далью,
Призывъ заслышать надъ роялью...
Я все призналъ бы и постигъ!

Я бъ снова трепетъ ощутилъ,
Цѣлебной силой съ прежнимъ схожій!
Я бъ вѣрилъ вновь, что ангелъ Божій
Пришелъ и воду возмутилъ!

28 мая 1886.

ГРАФИНѢ С. А. ТОЛСТОЙ

(во время моего 50-ти-лѣтняго юбилея).

Пора,—по влагѣ кругосвѣтной
Я въ новый міръ перехожу
И съ грустью нѣжной и завѣтной
На милый сѣверъ свой гляжу.

Жестокой уносимъ волною,
Съ звѣздой полярною въ очахъ,
Я знаю, ты горишь за мною
Въ твоей красѣ, въ твоихъ лучахъ!

19 февр. 1889.

ГРАФИНѢ Н. М. СОЛЛОГУБЪ.

Вамъ пѣснь моя! Въ степи мірской,
Среди толпы безцвѣтно-блѣдной,
Лишь вы поэта за собой
Красой влечете всепобѣдной.

Прелестны матовымъ челомъ,
Могучи пышными кудрями,
Вы обаятельны умомъ,
Очаровательны очами.

Чтò смертныхъ трогаетъ сердца,
Внушите вы послушной лирѣ,
И слово на устахъ пѣвца
При васъ цвѣтетъ пышнѣй и шире.

15 февр. 1888.

ГРАФИНѢ Н. М. СОЛЛОГУБЪ.

О, Береника! Сердцемъ чую
Заочный блескъ и власть красы
И помню розсыпь золотую
Твоей божественной косы.

Не намъ, съ волненьями земными,
Къ ея разливу припадать;
Ей мѣсто съ пѣснями твоими
Между созвѣздьями сіять.

Ну, чтò за добрая догадка —
Вдругъ «отче» молвить мнѣ шутя!
Такъ по головкѣ умной сладко
Погладить дивное дитя!

28 янв. 1892.

ГРАФИНѢ Н. М. СОЛЛОГУБЪ.

Тобой привычный восхищаться,
Я втайнѣ вѣрить былъ готовъ,
Что можно лирѣ приближаться
Къ твоей красѣ красою строфъ;

Но вижу въ состязаньи струнномъ,
Двойнымъ восторгомъ трепеща,
Что на челѣ золоторунномъ
Непобѣдимъ вѣнокъ плюща.

24 янв. 1891.

Е. Г. ХРУЩОВОЙ.

Я видѣлъ преданность и рвенье
И въ долгомъ бдѣньи путь вдвоемъ,
Я видѣлъ слезы умиленья
Надъ засыпающимъ птенцомъ.

Безсиленъ голосъ лести свѣтской,
Всѣ похвалы здѣсь ни къ чему,—
И голосъ старческій и дѣтскій
Доступнѣй сердцу твоему.

3 сент. 1880.

Л. И. ОФРОСИМОВОЙ.

Воздушной, дѣтскою и ясной
Окружены вы красотой.
Ей не сдаваться—трудъ напрасный:
Звѣздою чистой и прекрасной
Она горитъ надъ головой;

Но васъ хвалить никто не смѣетъ:
Предъ вами нищій—нашъ языкъ,
Отважный юноша робѣетъ,
И зависть тайная блѣднѣетъ,
И изумляется старикъ.

М. Н. КОНШИНОЙ.

Явись, явись ко мнѣ, больному,—
Вотъ исцѣленье! Кто скорѣй
Развѣетъ грустную истому
Души тоскующей моей?

Кто неподкупныхъ музъ привѣта
Достойнѣй прелестью лица?
Кто красотой изъ рукъ поэта
Достойнѣй вѣчнаго вѣнца?

13 февр. 1890.

С. П. ХИТРОВО.

Я опоздалъ—и какъ жалѣю!
Ужъ солнце скрылося въ ночи!
Я не видалъ, когда въ аллею
Оно кидало намъ лучи;

Но силу лѣтняго сіянья
Не всю умчалъ минувшій день,
Его отраднаго прощанья
Не погасила ночи тѣнь:

Еще предъ дымкою туманной
Какъ очарованный стою,
Еще въ зарѣ благоуханной
Дыханье неба узнаю.

И. С. ТУРГЕНЕВУ.

Тебя искалъ мой стихъ по всѣмъ концамъ земли,
И вотъ тебя настигъ онъ въ Rue de Rivoli.
Не знать, куда писать, меня ужасно бѣситъ:
Затѣмъ-то затвердилъ я номеръ двѣсти десять.
О чемъ писать?—О чемъ? Какъ тупъ такой вопросъ!
Когда бъ я разомъ могъ все то, что лѣзетъ въ носъ,
Сказать иль очеркнуть стихами или прозой,
Такъ я бы не стоялъ, какъ тотъ оселъ надъ розой,
Котораго ты намъ на невскихъ берегахъ
Такъ ясно указалъ въ журнальныхъ крикунахъ.
Люблю въ согласіи иль во враждѣ открытой
Съ тобой бесѣдовать, поэтъ нашъ знаменитый.
Цѣня сердечнаго безумія полетъ,
Я тѣмъ лишь дорожу, кто сразу все пойметъ, —
И тройку, и свирѣль, и Гегеля, и суку,
И фризъ, и рококо кривую закорюку,
И лебедя въ огняхъ скатившагося дня, —
Ну, словомъ, чуткій умъ душѣ моей родня.
Ты понялъ и теперь, что этими словами
Хвалю я не себя. Подобными хвалами
Пусть забавляется тотъ юный хоръ калѣкъ,
Который думаетъ: «Все понялъ человѣкъ»;
А мы,—зайдетъ ли рѣчь о Даніи, иль Польшѣ, —
Мы знаемъ: журавли гораздо смыслятъ больше
Объ этихъ казусахъ, чѣмъ мудрые земли.
Хоть вспомни Ивика!—Хвала вамъ журавли!
Приличіе? И тутъ ты повторялъ, бывало,
Что мудрая о немъ старуха толковала:
«Приличенъ каждый звѣрь, несящій сзади хвостъ,

Затѣмъ, что онъ уменъ, а, между прочимъ, простъ».
Взгляни въ Степановкѣ на Фатьму-кобылицу:
Ну, право, поѣзжай въ деревню иль въ столицу,
Едва ль гдѣ женщину ей равную найдешь, —
Такъ глазъ ея уменъ, такъ взглядъ ея хорошъ.
Вся въ сѣткѣ, рыжая, прекраснѣйшаго тона, —
Стоитъ и движется, какъ римская матрона!
Такъ не въ претензіяхъ тутъ дѣло, а въ одной
Врожденной чуткости. Подумай-ка, какой
Дубиной нужно быть, чтобъ отрицать искусство,
Права на собственность, родительское чувство,
Самосознаніе,—ну, словомъ, наконецъ,
Все то, чего не знать не можетъ и слѣпецъ.
А этимъ юное кичится поколѣнье!
Къ чему жъ ихъ привело природы изученье?
Сама природа ихъ наводитъ на бѣду.
Поймавши на словѣ, я къ Фатьмѣ ихъ веду:
Она хоть нѣжный полъ и ходитъ въ кринолинѣ,
Но не уступитъ правъ на каѳедру мужчинѣ.
Что̀ жъ проповѣдуетъ она? Ея сосунъ
Щипалъ при ней сѣнцо. Вотъ подошелъ стригунъ
И сталъ его тѣснить, самъ ставши надъ корытомъ:
Но истинная мать такъ зубомъ и копытомъ
Сумѣла угостить пришедшаго не въ часъ,
Что тотъ не сунется ужъ къ нимъ въ другой-то разъ.
— «Что̀ жъ, сила грубая! На то она кобыла!»
Груба ль, нѣжна ль она, я знаю: сила—сила.
То сила имъ груба, то тянутся изъ жилъ,
Чтобы расковырять указкой Силу-силъ!..
Но полно Піеридъ пугать такимъ предметомъ.
Ужели нынѣшнимъ тебя не встрѣтятъ лѣтомъ
Осинка «Reviendront» и необъятный прудъ,
Гдѣ пихты стройныя по берегамъ растутъ
И гдѣ гуляющій, какъ мощная Россія,
Пожалуй, невзначай наступитъ и на змія,
Гдѣ стройный хоръ березъ и вереницы липъ
Тебя привѣтствуютъ, блаженный Аристиппъ,
Гдѣ, умиленія исполненный и жару,
Я предъ тобой возжечь всегда готовъ сигару
И въ дни іюльскіе, когда горитъ душа,

Кричать «Лупи его!», какъ срѣжешь черныша?
Люблю я видѣть кровь лукавой этой птицы:
Бровь красная ея, дьячковскія косицы
И бѣлые портки мнѣ раздражаютъ взоръ.
Но, кажется, опять понесъ я прежній вздоръ...
Привычка, подлинно, вторая въ насъ натура:
Нашъ братъ куда ни ткнись, вездѣ литература!
Вчера меня съ утра охота пѣть взяла
«На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла»:
Заставилъ я жену, забывши завтракъ, рано
Усѣсться разбирать романсъ у фортепьяно.
Про этотъ я романсъ скажу тебѣ одно:
Коль услыхать его мнѣ будетъ суждено
Отъ Полигимніи, его облекшей въ звуки *),
То прежде попрошу связать мнѣ ноги, руки,
Чтобы, пришедши вдругъ въ болѣзненный экстазъ,
Я въ домѣ каковыхъ не учинилъ проказъ.
Но—извини меня: я заврался безбожно, —
Да самъ же подалъ ты примѣръ неосторожно
Ломать языкъ боговъ надъ будничнымъ письмомъ.
Пора и перестать. Кончаю. Дѣло въ томъ,
Чтобъ, озабоченный бездѣльемъ иль дѣлами,
Ты не забылъ писать мнѣ прозой иль стихами:
Ты знаешь, какъ мнѣ милъ и дорогъ твой привѣтъ.
Жена привѣтствуетъ тебя и твой

А. Фетъ.

---

*) Пьеса Пушкина «На холмахъ Грузіи...» была положена на музыку извѣстной пѣвицей Полиной Віардо-Гарсіа. Она же написала нѣсколько романсовъ на слова Фета.

ГРАФУ Л. Н. ТОЛСТОМУ.

Все стремлюсь къ тебѣ мечтою,
Мучусь, не узнавъ:
Разболѣлся ль ты душою,
Дорогой мой графъ?

Окунулся ли въ пучину,
Гдѣ не видно зги?
Если такъ—пиши картину
И ни въ чемъ не лги:

День—твой врагъ, и днемъ полезно
Помнить ремесло;
Только эта бездна звѣздна,
Только въ ней свѣтло;

Лишь изъ мрака хляби душной,
Изъ грозящихъ жерлъ,
Водолазъ великодушный,
Къ намъ вэнесешь ты перлъ.

Посмотрите, молъ, осины
И гнилые пни:
Вотъ какъ ищутъ исполины
Даже въ наши дни!

Ѳ. И. ТЮТЧЕВУ.

Мой обожаемый поэтъ,
Къ тебѣ я съ просьбой и съ поклономъ:
Пришли въ письмѣ мнѣ твой портретъ,
Что̀ нарисованъ Аполлономъ!

Давно мечты твоей полетъ
Меня увлекъ волшебной силой,
Давно въ груди моей живетъ
Твое чело, твой обликъ милый.

Твоей Каменѣ, повторять
Прося стихи, я докучаю,
А все завѣтную тетрадь
Изъ жадныхъ рукъ не выпускаю.

Поклонникъ вѣчной красоты,
Давно смиренный предъ судьбою,
Я одного прошу: чтобъ ты
Во всѣхъ былъ видахъ предо мною.

Вотъ почему спѣшу, поэтъ,
Къ тебѣ я съ просьбой и поклономъ:
Пришли въ письмѣ мнѣ твой портретъ,
Что̀ нарисованъ Аполлономъ.

А. Н. МАЙКОВУ

(на сочувственный отзывъ о переводѣ Горацiя).

Кто самъ такъ пышно въ тогу эту
Привыченъ лики облачать,—
Кому жъ, какъ не тебѣ, поэту,
И тѣнь Горацiя встрѣчать?

На Геликонъ ступя несмѣло
Отъ васъ я блеска позайму,
Гордясь, что самъ, хоть неумѣло,
Но вамъ обоимъ руки жму.

Ѳ. Е. КОРШУ.

Членъ Академіи больной,
Все порываюсь къ прежней цѣли
И, благодаренъ всей душой,
Шлю за обѣщаннымъ мнѣ Paley.

За каждымъ есть свои грѣхи;
Въ одномъ лишь твердо я увѣренъ:
Хоть и мараю я стихи,
Но книгъ марать я не намѣренъ.

Итакъ, склонившись головой,
Прошу прислать мнѣ вашу книжку.
Простите, что Меркурій мой
Замѣнитъ тутъ мою одышку.

Смущаюсь я не разъ одинъ:
Какъ мнѣ писать въ дѣлахъ текущихъ?
Я между плачущихъ Шеншинъ
И Фетъ я только средь поющихъ.

11 янв. 1887.

Ѳ. Е. КОРШУ.

На-дняхъ пускаемся мы въ путь;
Хотѣлъ бы видѣться съ тобою,
Но домовой ко мнѣ на грудь
Вновь наступилъ своей пятою:

То жалкой старости недугъ,
Плутона близкая примѣта!
— Седьмого мчимся мы на югъ
И будемъ мучиться все лѣто.

Но, кромѣ горькихъ сельскихъ нуждъ,
Есть на душѣ еще вериги,
И кто Проперцію не чуждъ—
Смотри «шестнадцать» въ третьей книгѣ.

Тебѣ довѣрясь, какъ отцу,
И смѣло выйдя на экзаменъ,
Мы передвинули къ концу
Стихи до Quodsi отъ Nec tamen,—

Чудесно!—Этой кутерьмы
Творца намъ указалъ не ты ли?
Но—непривычные умы—
Мы имя автора забыли.

Къ тому жъ (пожалуй, не къ тому)
По середамъ мы (хоть и скучно)
И воскресеньямъ на дому
Глотаемъ пищу безотлучно:

Какъ разъ сегодня середа,—
Нельзя ль прійти? Къ чему визиты!
Когда жъ не время—о, тогда
Хоть имя автора черкни ты.

P. S.

Прими и Paley своего,—
Онъ насъ заставилъ потрудиться.
Что не марали мы его,
Ты въ этомъ можешь убѣдиться.

25 февр. 1887.

А. Ѳ. БРЖЕССКОМУ.

Изъ смертныхъ, жизнью пресыщенныхъ,
Кто безъ отравы чашу пилъ?
Отъ всѣхъ подонковъ возмущенныхъ
Языкъ мой горечь сохранилъ.

И та, чей нѣжный зовъ участья
Съ земли мечты мои вознесъ,—
Мнѣ подавая кубокъ счастья,
Въ него роняла капли слезъ.

Къ чему, по прихоти мгновенной,
Тревожить мертвыхъ сонъ святой?
До дна тотъ кубокъ вдохновенный
Скупой отравленъ былъ судьбой.

Лишь ты одинъ,—ты не скупился,
По сердцу братъ мой, Алексѣй!
Коль чашей счастья ты дѣлился,—
Дѣлился чистой, полной, всей.

Вотъ почему, за юность нашу
Хваля харитъ, я не грѣшу
И дружбы общую намъ чашу
Къ устамъ съ восторгомъ подношу.

Хотя попрежнему зѣваю,
Степной Танталъ,—
Увы, я больше не витаю,
Гдѣ я виталъ!

У одичалой, непослушной
Мечты моей
Нѣтъ этой поступи воздушной
Царицы фей.

Въ лугахъ поэзіи зарями
Изъ тайныхъ слезъ
Не спѣютъ росы жемчугами,
А бьетъ морозъ...

И замираетъ вдохновенье
Въ могильной мглѣ,
Какъ корнеплодное растенье
Въ сухой землѣ.

О, пріѣзжай же свѣтлымъ утромъ,
Когда нашъ садъ
Съ востока убранъ перламутромъ,
Какъ гротъ наядъ!

Въ тѣни убогаго балкона,
Безъ звонкихъ лиръ,
Во славу нимфъ и Аполлона
Устроимъ пиръ.

Тебѣ побѣговъ тополь чинный
Дастъ для вѣнца,
Когда остудимъ пѣной винной
Мы тукъ тельца;

Найду начальный стихъ пэана
Я въ честь твою;
Не хватитъ силъ допить стакана—
Хоть разолью!

Я повторялъ:—«Когда я буду
Богатъ,—богатъ,—
Къ твоимъ серьгамъ по изумруду,—
Какой нарядъ!»

Тобой любуясь ежедневно,
Я ждалъ; но ты—
Всю зиму ты встрѣчала гнѣвно
Мои мечты.

И только этотъ вечеръ майскій
Я такъ живу,
Какъ будто сонъ овѣялъ райскій
Насъ наяву.

Въ моей рукѣ—какое чудо!—
Твоя рука,
И на травѣ—два изумруда:
Два свѣтляка.

Дай руку мнѣ, дай руку, пери злая,
Хоть разъ еще привѣтливо взгляни:
Горячкой риѳмъ восторгъ мой объясняя,
Влюбленнаго поэтомъ не брани.

Ревнивыя лишь съ тѣмъ хариты дружны,
Кто забывать для нихъ готовъ весь свѣтъ.
Коль жителямъ Олимпа жертвы нужны
И сердца кровь,—плохой же я поэтъ.

Пусть музами навѣкъ оставленъ буду,
Пусть Фебъ меня караетъ за грѣхи:
Подъ хохотъ твой я музу позабуду,
За поцѣлуй отдамъ я всѣ стихи.

Твоя старушка-мать могла
Быть нашимъ вечеромъ довольна:
Давно она ужъ не была
Такъ зло-умно-многоглагольна.

Когда же взоръ ея сверкалъ,
Скользя по насъ среди разсказа,
Онъ съ каждой стороны встрѣчалъ
Два къ ней лишь обращенныхъ глаза.

Ковра большого по угламъ
Сидѣли мы другъ къ другу бокомъ,
Внемля насмѣшливымъ рѣчамъ,—
А рѣчи тѣ лились потокомъ.

Восторгомъ полные живымъ,
Мы непритворно улыбались
И надъ столомъ ея большимъ
Глазами въ зеркалѣ встрѣчались.

Такъ, онъ безумствуетъ; то бредъ воображенья...
Я вижу: вѣрный песъ у ногъ твоихъ лежитъ,—
Смущаютъ сонъ его воздушныя видѣнья,
И быстрой птицѣ вслѣдъ онъ лаетъ и визжитъ;

Но, гордая, пойми: ихъ бездна раздѣляетъ,—
Твой безпристрастный умъ на помощь я зову:
Одинъ—томительно настичь свой сонъ желаетъ,
Другой—блаженствуетъ и бредитъ наяву.

Вѣчный хмель мнѣ не отрада,—
Не ему моя любовь,
Не тяну я винограда
Одуряющую кровь;

Но порой, рѣзво и пылко
Обновляя жизнь мою,
Для меня несетъ бутылка
Золотистую струю.

Рвутся нити, пробка рвется,
Напряженная давно,
И въ стаканъ шумящій льется
Искрометное вино.

29 іюля 1887.

ПЕРЕПЕЛЪ.

Глупый перепелъ, гляди-ка,—
Рядомъ тутъ живетъ синичка:
Какъ съ желѣзной клѣткой тихо
И умно сжилася птичка!

Все ты рвешься на свободу,
Головой толкаясь въ клѣтку,—
Вотъ, на мѣсто стѣнъ желѣзныхъ,
Натянули туго сѣтку.

Ужъ давно поетъ синичка,
Не страшась желѣзныхъ иголъ,
Ты же—все не на свободѣ,
Только лысину напрыгалъ.

ЭПИТАЛАМА ГРАФУ Л. Н. ТОЛСТОМУ.

Кометой огненно-эѳирной,
Въ пучинѣ солнечныхъ семей,
Минутный гость и гость ѳсемірный,
Ты долго странствовалъ ничей...

И лишь порой къ намъ блескъ мгновенный
Ты досылалъ своимъ лучомъ,
То просіявъ звѣздой нетлѣнной,
То грознымъ, пламеннымъ мечомъ.

Но часъ и твой пробилъ, комета:
Благослови глаголъ его!
Пора свершать душѣ поэта
Свой путь у солнца одного:

Довольно странствовать по міру,
Пора одно, одно любить,
Пора блестящему эѳиру
Отъ моря сушу отдѣлить,

Забыть вражды судьбы безбрачной,
Пути блудящаго огня,
И расцвѣсти одеждой злачной
Въ сіяньи солнечнаго дня.

НА БРАКОСОЧЕТАНІЕ Е. Д. и К. Г. ДУНКЕРЪ.

Въ часы забавъ, во дни пировъ,
Предъ божествомъ благоговѣя,
Поэты славили любовь
И пышный факелъ Гименея:

Онъ горячо волнуетъ грудь
И сквозь покровъ полупрозрачный
На расцвѣченный кажетъ путь
И жениху и новобрачной.

И мы отраду возвѣстимъ
Князьямъ сегодняшняго пира:
Споетъ о счастьѣ молодымъ
Моя старѣющая лира.

На юность озираясь вновь
И новой жизнью пламенѣя,
Ура!—и я хвалю любовь
И пышный факелъ Гименея!

30 апр. 1889.

Е. Д. ДУНКЕРЪ.

Хвалить я браковъ не умѣю,
Гдѣ все обычно черезчуръ,
Гдѣ, сдавъ супруговъ Гименею,
И знать не хочетъ ихъ Амуръ.

Люблю я тѣхъ, надъ кѣмъ усилья
Гименъ, сводя ихъ, расточалъ,
Затѣмъ влетѣлъ Амуръ—и крылья
У новобрачныхъ потерялъ

30 апр. 1891.

ДМИТРІЮ ПЕТРОВИЧУ и СОФІИ СЕРГѢЕВНѢ БОТКИНЫМЪ.

(Въ день двадцатипятилѣтія ихъ свадьбы,

16 января 1884 года).

Сегодня пиръ отрадный мы вѣнчаемъ,
Мы брачныя подъемлемъ чаши вновь.
Сегодня дружбѣ мы вѣнецъ сплетаемъ
И празднуемъ счастливую любовь.

Красавицы, не преклоняйте вѣжды;
Къ чему скрывать румяный пылъ сердецъ,
Когда въ груди у всѣхъ однѣ надежды,
Когда въ душѣ у всѣхъ одинъ вѣнецъ?

Ни красоты, ни почестей, ни злата
Въ дыму мечты ты раемъ не зови:
Нашъ рай не тамъ, межъ Тигра и Евфрата,
А рай вотъ тутъ, у дружбы и любви.

Какъ сѣнь его лелѣетъ человѣка!
Какъ божескимъ дыханьемъ онъ объятъ!
Въ своей листвѣ хранитъ онъ четверть вѣка
Плоды любви и дружбы ароматъ.

И, умилясь сердцами, мы встрѣчаемъ
Сей вертоградъ, подъемля чаши вновь:
Сегодня дружбѣ мы вѣнецъ сплетаемъ
И празднуемъ счастливую любовь.

НА СЕРЕБРЯНУЮ СВАДЬБУ Е. П. ЩУКИНОЙ

4 февраля 1871 года.

Ты говоришь: «День свадьбы—день чудесный.
День торжества и праздничныхъ одеждъ!..»
Тебѣ тотъ путь не страшенъ неизвѣстный,
Гдѣ столько гибнетъ радужныхъ надеждъ!

Всѣ взоры къ ней, когда, стыдомъ пылая,
Подъ дымкою, въ цвѣтахъ и подъ вѣнкомъ
Стоитъ она, невѣста молодая,
Предъ алтаремъ съ избраннымъ женихомъ.

Стоитъ она, и радостна и сира,—
Но онъ клялся, онъ сердцемъ увлеченъ!
Пойметъ ли міръ все скрытое отъ міра—
Весь подвигъ долга и любви?—А онъ?

---

*) Фетъ перевелъ это стихотвореніе на нѣмецкій языкъ:

Du sagst: «Ein schöner Tag mit Pomp und Segen—
Der Hochzeitstag, voll Freude und Genuss!..»
Es bangt dir nicht vor jenen dunklen Wegen,
Wo manche lichte Hoffnung schwinden muss!

Die Augen aller sind ihr zugewendet,
Wenn mit dem Schleier sich ihr Kranz vereint
Und sie, erröthend und vom Glück geblendet,
Als junge Braut vor dem Altar erscheint.

Da steht sie schwebend zwischen Freud und Sorgen.
Doch er? Er schwor—er, ihrer Zukunft Wehr!
Kennt wohl die Welt, was vor der Welt verborgen—
Den Kampf der Liebe und der Pflicht?—Und er?

Er hat erkannt, was jeder Mensch bewundert,
Was jeder schätzt. Trinkt auf ihr Wohl und Glück!
Verflossen ist ein Viertel von Jahrhundert,
Und silbern kommt die Hochzeit ihm zurück.

Hier steh'n sie all', die Töchter und die Söhne,
Obgleich von Weitem mancher zugeeilt,—
In jedem Aug' verkläret sich in Thräne
Die Milch, die einst die Mutterbrust vertheilt!

Voll ist das Glück, das einzige, das wahre,—
Was noch für Wünsche Jemand bringen mag?
O, gieb uns Gott bei diesem Silberpaare
Zu feiern einst der goldnen Hochzeit Tag!

Онъ понялъ все, чѣмъ сердце человѣка
Гордится втайнѣ. Дайте мнѣ фіалъ!
Воочію промчалась четверть вѣка,
И свадьбы день серебряной насталъ.

И близкій здѣсь, и тотъ передъ родною,
Кого судьба умчала далеко,—
У всѣхъ въ глазахъ признательной слезою
Родимое сказалось молоко!

Судьба всего послала полной чашей—
Чего желать? Чего искать душой?
Дай Богъ съ четой серебряною нашей
Намъ праздновать день свадьбы золотой!

П. И. ЧАЙКОВСКОМУ.

Тому не лестны наши оды,
Нашъ стихъ родной,
Кому гремѣли антиподы
Такой хвалой;

Но, потрясенный весь струнами
Его цѣвницъ,
Восторгъ не можетъ и межъ нами
Терпѣть границъ;

Такъ пусть надолго музы наши
Хранятъ пѣвца,
И онъ кипитъ, какъ пѣна въ чашѣ
И въ насъ—сердца!

18 авг. 1891.

А. А. ТИМИРЯЗЕВУ.

Все дождь и дождь, и солнце ликъ свой прячетъ,
А хлѣбъ насущный нашъ гніетъ въ снопахъ,
И, кажется, само-то небо плачетъ
О прежнихъ, свѣтлыхъ, лучшихъ нашихъ дняхъ.

На памяти моей старушки-музы,
Какъ нуждамъ ты служилъ родной страны,
Какъ рабства намъ помогъ ты свергнуть узы,
Какъ убиралъ кровавый слѣдъ войны.

Не вольностей, а правды лишь блюститель,
Къ зовущему ты шелъ навстрѣчу самъ.
Мы были строй, ты былъ нашъ предводитель;
Каковъ успѣхъ,—о томъ судить не намъ.

Но прозою обычною, сухою,
Я не хочу въ сей день тебя назвать,
Предъ ангеломъ живымъ—твоей женою—
Въ день ангела земнымъ упоминать.

Земное—что? Конечно, безразсудно
Роптать на зло, на злобу нашихъ дней;
Но, если жить и праздному такъ трудно,—
Кто трудится, тому еще труднѣй.

30 авг. 1880.

ПОСРЕДНИКУ М. М. ХРУЩОВУ.

Противу вѣчнаго закона
Встаетъ отродье злой семьи
То въ видѣ страшнаго дракона,
То въ хитромъ образѣ змѣи.

Но—вѣчный солнца проповѣдникъ—
Въ борьбѣ со злобою и тьмой
Не покидаетъ ихъ посредникъ
Межъ свѣтомъ Божьимъ и землей.

Жива спасительная сила,
Переходя изъ рода въ родъ,
И копьеносца Михаила
Сегодня празднуетъ народъ.

И онъ отъ правды не отступитъ:
Неумолимъ, какъ въ старину,
На змѣя-писаря наступитъ,
Коля дракона старшину.

М. М. ХРУЩОВУ.

Пускай съ копьемъ противу злого
Всегда архангелъ Михаилъ,
Но и любовію земного
Богатъ носитель горнихъ силъ.

Не сномъ глава его объята
Подъ райскимъ деревомъ въ тѣни:
Все, что̀ воздушно и крылато,
Ему поистинѣ сродни.

И вѣрю,—праведенъ, онъ будетъ
Прямой судья добру и злу,
И воробьевъ онъ не забудетъ,
Хотя сочувствуетъ орлу.

8 ноября 1878.

П. П. БОТКИНУ.

«Христосъ Воскресе!»—кличъ весенній;
Кому жъ послать его въ стихахъ,
Какъ не тому, кто въ дождь осенній
И въ январѣ—съ цвѣткомъ въ рукахъ?

Твои букеты—вѣсти мая,
Дань поклоненья красотѣ;
Ты ихъ несешь, не забывая
О тяжкомъ жизненномъ крестѣ.

Но нынѣ праздникъ искупленья,
Дни обновительныхъ чудесъ,—
Такъ будь здоровъ, для поздравленья
Твердя: «Воистину воскресъ!»

31 марта 1879.

И. Ө. ОФРОСИМОВУ

(на юбилей конскаго его завода въ селѣ Березовцѣ).

Да, я не Пиндаръ: мнѣ страшнѣй
Всего—торжественная ода,
Березовецъ и юбилей
Рожденья конскаго завода.

Когда бъ слова въ стихахъ моихъ
Ложились выпуклы и ковки,
Вставали разомъ бы изъ нихъ
Копыта, шейки и головки.

Слѣдя за каждою чертой,
Знатокъ не проходилъ бы мимо,
Не восхитившись красотой
Любимца или Ибрагима.

Я, лавры огласяя твои
И всѣ стяжанныя награды,
Въ заводѣ конскомъ Иліи
Нашелъ бы звуки Иліады.

Но этихъ звуковъ-то и нѣтъ,
И я, гремѣть безсильный оду,
Лишь пожелаю много-лѣтъ
Тебѣ и твоему заводу!

17 іюня 1888.

Нашъ шефъ—владыка полусвѣта,
И наша гордость всѣмъ ясна.
Блестящей прядью винтишкета
Семья уланъ закрѣплена...

И къ ней исполнена привѣта,
Какъ кубокъ, искристый до дна,
Вездѣ душа улана Фета
И отставного Шеншина.

П. И. БОРИСОВУ.

(Посвященіе «Фауста»).

Gaudes carminibus? Carmina possumus
Donare et pretium dicere muneri.

Hor.

Спасибо, другъ: ты упросилъ
Меня приняться за работу;
Твой юный голосъ разбудилъ
Камену, впавшую въ дремоту.

Опять стихи мои нашли
То, чтò годами было скрыто:
Все лѣто предо мною шли
Причудникъ Фаустъ и Маргарита.

И вотъ—пройденъ гористый путь:
Слѣди за мной,—но, Бога ради,
Ты Мефистофелемъ не будь
Насчетъ старѣющаго дяди.

В. С. СОЛОВЬЕВУ.

(Посвященіе перевода стихотвореній Катулла).

Пусть не забудутся и пусть
Тѣ дни въ лицо глядятъ намъ сами,
Когда Катуллъ мнѣ наизусть
Твоими говорилъ устами.

Прости: лавровому вѣнцу
Я скромной ивой подражаю
И вотъ—веронскому пѣвцу
Катулломъ русскимъ отвѣчаю.

Боюсь, всю прелесть въ немъ убью
Я при такой перекочевкѣ,
Но какъ Катулла воробью
Не расплодиться въ Воробьевкѣ!

17 мая 1885.

Ѳ. Е. КОРШУ.

(Посвященіе перевода элегій Тибулла).

Геройскихъ лѣтъ поклонникъ жадный
Въ тебѣ Миноса узнаетъ:
Никто безъ нити Аріадны
Въ твое владѣнье не войдетъ.

Но это судъ земного рода:
Онъ не зоветъ души моей.
О, какъ я радъ, что ты у входа
Стоишь въ блаженный Елисей!

Взглянувъ на ширь долины злачной,
Никто не цѣнитъ такъ, какъ ты,
Всей этой прелести прозрачной,
Всей этой легкой простоты.

Вотъ почему, смирясь душою,
Тебя о милости прошу
И неувѣренной рукою
Вѣнки Тибулла подношу.

2 окт. 1885.

ГРАФУ А. В. ОЛСУФЬЕВУ.

Второй бригады изъ-за фронта
Передъ тобою мой пегасъ,—
Хоть сбросилъ онъ Беллерофонта,—
Все жъ на смотру—неровенъ часъ!

Ты самъ замѣтишь по началу:
Какимъ онъ былъ, ему не быть,
И, какъ служилъ онъ Ювеналу,
Улану нынѣ не служить;

Но въ шенкеляхъ его исправно
Передъ тобой провесть хочу
И, лишь твое услышу: «Славно!»,
Я «Радъ стараться!» прокричу.

4 окт. 1886.

ГРАФУ А. В. ОЛСУФЬЕВУ.

Вотъ наша книжка въ толстомъ томѣ:
Въ своемъ далекомъ гетскомъ Томи
По-русски сталъ писать Назонъ;
Но безъ твоихъ трудовъ—ей-Богу!—
Для армяка забывши тогу,
Неряхой бы явился онъ.

Бывало, чуть онъ гдѣ споткнется
И на авось опять сошлется,
Славянскимъ духомъ обуянъ,—
Ты, приводя къ почетной цѣли,
Уже гласишь, что такъ велѣли
Самъ Jörs и Riese или Jahn.

И вотъ, оправленный, умытый,
Поэтъ нашъ римскій знаменитый
Стоитъ, расчесанъ, какъ къ вѣнцу.
Чего жъ колеблется упрямо?
Пусть отправляется онъ прямо
Съ поклономъ къ крестному отцу.

14 янв. 1887.

Θ. Е. КОРШУ.

(Надпись на 3-мъ выпускѣ «Вечернихъ огней»).

Каменъ нетлѣнныя созданья
Душой усвоивъ до конца,
Прослушай волчьи завыванья
Гиперборейскаго пѣвца.

21 янв. 1888.

М. П. ШЕНШИНОЙ.

(Надпись на книжкѣ).

Ты всѣ стихи переплела
Въ одну тетрадь не безъ причины:
Ты при рожденьи ихъ была
И ты ихъ помнишь именины.

Ты различала съ давнихъ поръ,
Чѣмъ правитъ муза, чѣмъ супруга.
Хвалить стихи свои—позоръ,
Еще стыднѣй—хвалить другъ друга.

26 янв. 1888.

Л. И. ОФРОСИМОВОЙ

(при посылкѣ портрета).

Гляжу съ обычнымъ умиленьемъ
На ваши кроткія черты,
И сердце свѣтлымъ вдохновеньемъ
Наполнилъ образъ красоты.

Какой обмѣнъ несправедливый!
Вдругъ получить издалека
Вамъ, юной, свѣжей и красивой,
Печальный образъ старика!

8 февр. 1888.

Н. А. ОФРОСИМОВОЙ

(при посылкѣ двухъ пуговокъ).

Васъ нѣтъ—и плакать я готовъ,
И ангелъ мой безъ васъ вздыхаетъ...
Старикъ-токарь своихъ трудовъ
Вамъ двѣ застежки посылаетъ.

Когда работалъ ихъ чудакъ,
То съ вами мысль его дружилась:
О, не кружитесь въ жизни такъ,
Какъ кость слоновая кружилась!

22 февр. 1869.

ГРАФУ Л. Н. ТОЛСТОМУ.

Какъ ястребу, который просидѣлъ
На жердочкѣ суконной зиму въ клѣткѣ,
Питаяся настрѣлянною птицей,
Весной охотникъ голубя несетъ
Съ надломленнымъ крыломъ—и, оглядѣвъ
Живую птицу, старый ловчій щуритъ
Зрачокъ прилежный, поджимаетъ перья
И вдругъ, нежданно, быстро, какъ стрѣла,
Вонзается въ трепещущую жертву,
Кривымъ и острымъ клювомъ ей взрѣзаетъ
Мгновенно грудь и, весело раскинувъ
На воздухъ перья, съ алчностью забытой
Рветъ и глотаетъ трепетное мясо,—
Такъ бросилъ мнѣ кавказскія ты пѣсни,
Въ которыхъ бьется и кипитъ та кровь,
Что̀ мы зовемъ поэзіей. Спасибо,
Полакомилъ ты стараго ловца!

БРЖЕССКИМЪ

(при полученіи цвѣтовъ и нотъ).

Откуда вдругъ въ смиренный уголъ мой
    Двоякой роскоши избытокъ,
Прекрасный даръ, нежданный и двойной, —
    Цвѣты и пѣсни дивной свитокъ?

Мой жадный взоръ къ чертамъ его приникъ,
    Внемлю живительному звуку —
И узнаю подъ бархатомъ гвоздикъ
    Благоухающую руку.

ГРАФИНѢ А. А. ОЛСУФЬЕВОЙ

(при полученіи отъ нея гіацинтовъ).

Въ смущеньи умъ, не свяжешь взглядомъ,
    И нѣмъ языкъ:
Вы съ гіацинтами, и рядомъ—
    Больной старикъ!

Но безразлично, беззавѣтно
    Власть вамъ дана:
Гдѣ вы царите такъ привѣтно, —
    Всегда весна.

2 янв. 1887.

Е. С. ХОМУТОВОЙ,

(приславшей мнѣ цвѣты).

Цвѣты и пѣсни съ давнихъ лѣтъ
Въ благоухающемъ союзѣ,
И благовонный вашъ привѣтъ
Вручилъ я пристыженной музѣ.

Но ей до васъ такъ далеко,
Что состязанье безразсудно:
Ее украсить вамъ легко,
Ей заслужить вѣнокъ такъ трудно!

7 авг. 1885.

Е. С. ХОМУТОВОЙ

(при полученіи розъ).

Чѣмъ пышнѣе ваши розы,
Чѣмъ душистѣй ихъ краса,
Тѣмъ томительнѣе слезы
Затмеваютъ мнѣ глаза:

Разнеслись былыя грезы,
Омрачились небеса...
Въ царствѣ мрака, въ царствѣ прозы
Всѣ блѣднѣютъ чудеса!

5 іюля 1887.

Е. С. ХОМУТОВОЙ

(при полученіи цвѣтущихъ тубирозъ).

Получивши туберозы,
Допущу ли, чтобъ поэтъ
Языкомъ отвѣтилъ прозы
На душистый вашъ привѣтъ?

И къ жилищу доброй феи
Мчатся робкія мечты:
Изъ ея оранжереи
Мнѣ ли чудные цвѣты?

1 авг. 1886.

М. М. ХРУЩОВУ

(при полученіи прессъ-папье въ видѣ Вандомской колонны).

Твоей привѣтливой щедротой,
Свободѣ въ память золотой,
Кичась рѣзьбой и позолотой,
Іюльскій столпъ передо мной.

И мыслью понялъ я: свободной
Игрушкѣ мѣсто на землѣ
Не тамъ, на площади народной,
А здѣсь, на письменномъ столѣ.

Е. С. ХОМУТОВОЙ

(при полученіи отъ нея пышнаго букета цвѣтной капусты).

Соизмѣряя даръ съ привѣтомъ,
Дерзаю высказать въ отвѣтъ,
Что въ мірѣ никакимъ букетамъ
Не уступаетъ вашъ букетъ:

Его значенье многосложно
И въ силахъ вдохновить пѣвца:
Его принять съ поклономъ можно
И можно скушать до конца.

5 мая 1888

М. Ѳ. ВАНЛЯРСКОЙ

(при полученіи визитной карточки съ летящими ласточками).

Мечтамъ покорствуя отважнымъ,
Несусь душой навстрѣчу къ нимъ
И вашимъ ласточкамъ бумажнымъ
Не меньше радъ я, чѣмъ живымъ:

Онѣ безмолвны, не мелькаютъ
Крыломъ проворнымъ, но онѣ,
Подобно вамъ, напоминаютъ
Красой воздушной о веснѣ.

23 апр. 1891.

О. И. ЮСТЪ

(при полученіи вышитыхъ туфель).

Опять меня балуешь ты,
И подъ искусною рукою
Опять узоры и цвѣты
Подъ быстрой расцвѣли иглою.

Какъ странно нисхожу во гробъ,
Какъ я горжусь въ концѣ дороги!
Чѣмъ старость злѣй мнѣ бреетъ лобъ,
Тѣмъ ты пышнѣй мнѣ красишь ноги.

23 февр. 1888.

КЪ ПАМЯТНИКУ ПУШКИНА.

26 мая 1880 года.

Сонетъ.

Исполнилось твое пророческое слово,
Нашъ старый стыдъ взглянулъ на бронзовый твой ликъ,—
И легче дышится, и мы дерзаемъ снова
Всемірно возгласить: ты геній,—ты великъ!

Но, зритель ангеловъ, гласъ чистаго, святого,
Свободы и любви живительный родникъ,
Заслыша нашу рѣчь, нашъ вавилонскій крикъ
Что̀ въ нихъ нашелъ бы ты завѣтнаго, родного?

На этомъ торжищѣ, гдѣ гамъ и тѣснота,
Гдѣ здравый русскій смыслъ примолкъ, какъ сирота,—
Всѣхъ громогласнѣй тать, убійца и безбожникъ,

Кому печной горшокъ всѣхъ помысловъ предѣлъ,
Кто плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горѣлъ,
Толкать дерзая твой незыблемый треножникъ!

КЪ БЮСТУ РТИЩЕВА
ВЪ ВОРОБЬЕВКѢ.

Прости меня, почтенный ликъ
Здѣсь дней минувшихъ властелина,
Что мѣдной головой поникъ,
Взирая на меня съ камина,—

Прости: ты видишь самъ, я чту
Тебя покорно, безъ ошибки,
Но не дождусь,—когда прочту
Значенье бронзовой улыбки?

Поникъ ты старой головой,
Смѣяся, можетъ-быть, утратамъ...
Да, я ворвался въ уголъ твой
Наперекоръ твоимъ пенатамъ.

Ты жилъ и пышно и умно,
Какъ подобало истымъ барамъ;
Упрочилъ ригой ты гумно,
Восполнивъ домъ и садъ амбаромъ;

Дневныхъ заботъ и платья бичъ,
Твоихъ волосъ не знала пудра;
Ты каждый складывалъ кирпичъ
И каждый гвоздь вбивалъ премудро.

Не бойся, не къ тому я велъ,
Чтобъ уколоть тебя сатирой;
Не улыбайся, что вошелъ
Къ тебѣ поэтъ съ болтливой лирой.

«Поэтъ! Легко сказать: поэтъ—
Еще лирическій къ тому же!—
Вотъ мой преемникъ и сосѣдъ,
Какихъ не выдумаешь хуже!

Поэтъ безумствовать лишь радъ,
Онъ слѣпъ для ежедневныхъ терній...»
Не продолжай на этотъ ладъ,
Тебѣ не кстати толки черни,

Не по годамъ такая прыть—
Ужъ мы ее бросаемъ съ вѣкомъ—
И я надѣюсь сговорить
Съ тобой, какъ съ дѣльнымъ человѣкомъ.

Тупымъ оставимъ храбрецамъ
Все ихъ нахальство, всѣ капризы:
Ты видишь, какъ я чищу самъ
Твои замки, твои карнизы.

Простимъ другъ другу всѣ грѣхи:
И я у гробового входа!
Порукой въ томъ мои стихи
Изъ дидактическаго рода.

КЪ ПОРТРЕТУ ГРАФИНИ С. А. ТОЛСТОЙ

(супруги гр. Л. Н. Толстого).

И вотъ портретъ! И схоже—и несхоже...
Не мнѣ рѣшать; но можно ли, о, Боже,
Сердечнѣе, отраднѣе цвѣсти?

Гдѣ красота, тамъ споры не у мѣста:
Звѣзда горитъ—какъ знать, какимъ огнемъ?
Пусть говорятъ: «Тутъ дѣвочка-невѣста,
Богини мы своей не узнаёмъ».

Но всѣ, толпой колѣнопреклоненной,
Мы здѣсь упасть у вашихъ ногъ должны,
Какъ въ прелести и скромной и нетлѣнной
Вы смотрите на наши сѣдины.

27 апр. 1885.

КЪ ФОТОГРАФИЧЕСКОЙ КАРТОЧКѢ M-lle VIARDOT.

Послушный снимокъ съ идеала,
Какъ ты воздушенъ, свѣжъ и милъ!
Тебя не кисть живописала,
А солнца лучъ изобразилъ.

Въ блаженной роскоши расцвѣта
Признавъ забытыя черты,
Затрепетала грудь поэта
Подъ обаяньемъ красоты.

На зовъ ласкательный святыни
Душой воскреснувшей летя,
Я вижу въ образѣ богини
Давно знакомое дитя.

КЪ МОЛОДОМУ ДУБУ.

Вчера землѣ довѣрилъ я
Твой корень преданной рукою,
И съ той поры мечта моя
Слѣдитъ съ участьемъ за тобою.

Словамъ напутственнымъ внемли,
Дубокъ, посаженный поэтомъ:
Приподымайся отъ земли
Все выше, выше съ каждымъ лѣтомъ.

И, строгой силою вѣтвей
Гордясь отъ вѣка и до вѣка,
Храни плоды ты для свиней,
А красоту для человѣка.

ВОСТОЧНЫЙ МОТИВЪ.

Съ чѣмъ насъ сравнить съ тобою, другъ прелестный?
Мы—два конька, скользящихъ по рѣкѣ,
Мы—два гребца на утломъ челнокѣ,
Мы—два зерна въ одной скорлупкѣ тѣсной,
Мы—двѣ пчелы на жизненномъ цвѣткѣ,
Мы—двѣ звѣзды на высотѣ небесной.

ЛИЛѢ.

Лови, лови ты
Часы веселій,
Пока ланиты
Не поблѣднѣли,

Но средь волненій
Живыхъ и властныхъ
Проси мгновеній
У музъ прекрасныхъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ КОЗЛОВУ.

Тому, что̀ было, не бывать,—
Иные сны, иное племя!—
Зачѣмъ же риѳмы призывать,
Какъ будто прежнее то время?

Волшебныхъ грёзъ разсѣянъ рой,
А въ грусти стыдно признаваться...
Ужель остывшею слезой
Еще, послѣдней, расписаться?

Я. П. ПОЛОНСКОМУ.

Въ минувшемъ жизнь твоя богата,
Звенѣлъ залогъ безцѣнный въ немъ:
Самъ разсказалъ ты, что когда-то
Любилъ и пѣлъ ты соловьемъ.

Кто жъ не плѣненъ влюбленной птицей,
Весной поющей по ночамъ?
Но какъ поэтъ—ты милъ сторицей
Тебѣ внимающимъ друзьямъ.

26 авг. 1890.

ВЪ АЛЬБОМЪ А. Я. ПОЛОНСКОЙ.

Стихи мои въ ряду другихъ
Прочтутъ ли бархатные глазки?
Но появиться радъ мой стихъ
Тамъ, гдѣ кругомъ цвѣты и краски.

Желать вамъ счастья я готовъ,
Но въ чемъ придетъ оно, не знаю:
Ни юныхъ розъ, ни мотыльковъ,
Хоть имъ дивлюсь, не поучаю.

20 іюня 1890.

А. Я. ПОЛОНСКОЙ.

Я вмигъ разсѣялъ бы, кажись,
Хлопушкой риомъ сомнѣнья ваши,
Когда бъ стихи и мнѣ дались
Легко, какъ вашему папашѣ.

Я бъ вамъ сказалъ, что кабинетъ
Мой наверху, нельзя и далѣ,
А потому препятствій нѣтъ
Вамъ упражняться на роялѣ.

При васъ доволенъ буду всѣмъ,
И всѣмъ вамъ всѣ мы будемъ рады.
Мы ищемъ вмѣстѣ жить не съ тѣмъ,
Чтобъ находить во всемъ преграды.

25 апр. 1890.

ВЪ АЛЬБОМЪ М. П. БОТКИНОЙ.

Свѣтлое Воскресенье.

Побѣда! Безоружна злоба!
Весна! Христосъ встаетъ изъ гроба,
Чело огнемъ озарено!
Все, что манило, обмануло
И въ сердцѣ стихнувшемъ уснуло,—
Лобзаньемъ вновь пробуждено.

Забывъ зимы душевной холодъ,
Хотя на мигъ горячъ и молодъ,
Навстрѣчу сердцемъ къ вамъ лечу:
Почуя нѣги дуновенье,
Ни въ смерть, ни въ грустное забвенье
Сегодня вѣрить не хочу.

8 апр. 1857.

КНЯГИНѢ С. А. ГОЛИЦЫНОЙ.

Когда надежды упорхнули,
Я сомнѣваюся и въ томъ,—
Въ желѣзный вѣкъ нашъ угожу ли
И золотымъ я вамъ перомъ.

11 марта 1889.

Ты хвастаешь, что ты съ безсмертными въ союзѣ,—
Быть-можетъ, ты и правъ; но—какъ тебѣ сказать?..
Ты съ задняго крыльца всегда заходишь къ музѣ:
Ну гдѣ жъ тебѣ въ лицо богиню увидать?

Пробраться тѣмъ путемъ напрасный трудъ положишь.
Ступени скользки тамъ, и входы не свѣтлы,
Но—если разобрать подъѣздовъ ты не можешь—
У двери истинной ты не найдешь метлы.

Поэтъ, пророкъ, орловскій знатный баринъ,
Твой тонкій умъ и нѣжный слухъ любя,
О, какъ увѣрю я тебя,
Что я не Гречъ и не Ѳаддей Булгаринъ?

КЪ N. N.

Морщины думы и совѣта
Не красятъ твоего лица:
Со звонкой лирою поэта
Плющомъ довольствуйся пѣвца.

Родится дивнымъ музыкантомъ
На шаткой вѣткѣ соловей,
Но все снѣгирь не будетъ Кантомъ,
И Соломономъ—воробей.

Поднять васъ трудишься напрасно:
Вы распластались на грошѣ.
Все, что̀ покруче, вамъ ужасно,
А все, что̀ плоско,—по душѣ.

Въ день позавидуешь разъ со̀ сто
Твоей учености, другъ мой:
Все для тебя свѣтло и просто
Тамъ, гдѣ брожу я какъ слѣпой.

Кругомъ по стѣночкѣ въ манежѣ
Тебѣ отлично гарцовать,
Когда мнѣ, бѣдному невѣжѣ,
Въ ночной степи хоть пропадать.

Сперва мѣняя типъ за типомъ,
Климъ для своихъ забавныхъ одъ
Всѣ типы замѣнилъ Антипомъ,
Такъ что Антипъ сталъ антип—одъ.

19 авг. 1891.

Оглавленіе

I ТОМА.

Вечерніе огни.

Античный міръ и антологическія стихотворенія.

Элегіи.

Природа.

Мелодіи.

Сердце.

Дѣтскій міръ.

Оды.

стр

Стихотворенія на случай.

Заявленъ Отдѣлу Промышленности

Переплетная „НИВА", С.П.Б.